Г100 7/203
203

МК ВКП (б)

ТВЕРСКАЯ“ И СЕВЕРНАЯ“ ГРУППЫ

МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

(ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РАБОТЫ В МОСКВЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ)

ГОСИЗДАТ ★ МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ ★ 1

ИСТПАРТ МК ВКП (б)

187
П100 7/203

335.5 кп
Т—26

„ТВЕРСКАЯ“ и „СЕВЕРНАЯ“ ГРУППЫ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РАБОТЫ В МОСКВЕ В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ГОСИЗДАТ РСФСР
«МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»
МОСКВА—1930

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Истпарта МК ВКП(б) 3

Д. Баевский — Большевики на подступах русской и международной революции 7

М. Лацис — «Тверская группа» РСДРП 18

П. Цельмин — О подпольной работе «Тверской группы» РСДРП в Москве в годы войны 47

И. Леппе — «Северная группа» московской организации РСДРП(б) (1915 — 1917 гг.) 60

А. Парре — Мои воспоминания о работе «Северной группы» РСДРП (б) в Москве в 1915 — 1916 гг. 83

В. Забельский — Странички из истории легальных латышских обществ в Москве 97

И. Батышев — Моя партийная работа в Москве и встречи с членами «Северной группы» 116

Приложения:

1. Материалы к статье тов. И. Леппе 142
2. Охранка о «Северной группе» 144
3. Совещание московских большевиков и меньшевиков 29 августа 1914 г. по вопросу об отношении к войне 149
4. Доклад начальника московской охранки о революц. деятельности в Москве за первый год войны 156
5. Охранка о шагах к восстановлению Московского комитета партии
6. Различные прокламации и воззвания 157

1) Письмо П. Г. Смидовича Истпарту МК ВКП (б) по поводу его доклада о войне; 2) воззвание организационной группы по восстановлению МК партии; 3) воззвание организационной комиссии по созданию Московского рабочего комитета; 4) прокламация Московского бюро ЦК РСДРП (б); 5) прокламация по поводу погрома немцев в Москве; 6) прокламация МК РСДРП от 23 февраля 1917 г.; 7) прокламация «Товарищи рабочие», за подписью РСДРП; 8) прокламация «1 мая»; 9) прокламация «Товарищи!»; 10) прокламация «Товарищи рабочие и солдаты»; 11) прокламация «Товарищи рабочие!»; 12) прокламация ореховозуевской организации РСДРП; 13) прокламация «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Мособлит № 13082 Ст. ф. $Б_6$—125×176 Тираж 3000 экз.

14-я тип. «Мосполиграф», Москва, Гарднеровский пер., 8, Заказ № 1376

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 22349
6-XII 1930 г.

ОТ ИСТПАРТА МК ВКП(б)

Издаваемая нами работа посвящена чрезвычайно важному и весьма малоисследованному периоду в истории нашей партии.

Работа партии в годы империалистической войны настолько мало известна, что в сущности все наши учебники ограничиваются описанием Циммервальдской и Кинтальской международных конференций и позиции ЦК партии или, в лучшем случае, прибавляют к этому весьма скудный фактический материал о деятельности партийных организаций внутри России.

Это привело к тому, что в ряде изданий, особенно провинциальных, можно встретить утверждения, что будто бы в период империалистической войны никакой или почти никакой партийной работы не велось. История партии, если верить некоторым неискушенным авторам, как бы прерывается на время войны.

Наша книга, как явствует уже из названия ее, не преследует, конечно, огромной задачи заполнить этот пробел в историко-партийной литературе. Книга не стремится охватить всей деятельности партии даже в одной Москве. Она посвящена выявлению работы только двух московских организаций, так называемых «Тверской» и «Северной» групп, связанных между собой прямой преемственностью.

После провала «Тверской группы» остатки ее вместе с другими членами партии создали более обширную организацию — «Северную группу», которая непрерывно работала, вплоть до Февральской революции.

История этих двух групп, состоявших из рабочих-латышей, приехавших или бежавших во время войны из Прибалтийского края, ни в коем случае не может дать полного представления о размерах работы партии в этот период в Москве. Как справедливо указывает автор одной из помещаемых здесь статей, И. Батышев, партийные ячейки существовали буквально на каждом заводе или фабрике: они вели работу, руководили массой.

На ряду с этим уже опубликованные в нашей небольшой литературе, посвященной истории партии в годы войны, данные о партийной работе в Москве свидетельствуют о том, что

партийная работа кипела во всех районах города. Преследуемые и гонимые члены партии, подкрепляемые все новыми и новыми кадрами, которые выделялись рабочим классом, опираясь на сочувствие широких масс пролетариата, создавали одну за другой нелегальные организации, использовывали все легальные возможности. Неиссякаема была энергия рабочего класса, неутолима ненависть его против царского самодержавия и гнета капитала. И жалкой ладьей, плывущей посреди бурлящего океана, кажутся нам бессильные потуги самодержавия остановить мощный революционный напор пролетариата, руководимого его авангардом — большевистской партией. Словно в агонии, уходящая власть стремилась задержать и остановить колесо истории, повороты которого приближали неудержимо ее гибель.

Как бы ни было ограничено освещение партийной работы кругом воспоминаний участников только двух московских групп — «Тверской» и «Северной» — но даже из них мы наглядно видим, как шла эта борьба не на живот, а на смерть. Трудно приходилось партийной организации, состоявшей преимущественно из рабочих, почти лишенной интеллигентских сил, налаживать работу, руководить массами, преодолевая в то же время дикие, небывалые репрессии, бившие тем сильнее, что они опирались на широко развитую сеть провокации.

Трудно было рабочим-партийцам вести ответственную и многообразную партийную работу, и вполне понятны горькие упреки их, даваемые в их воспоминаниях по адресу той небольшой горсточки большевистской интеллигенции, которая сохраняла верность старому знамени. Но уже брошенные мимоходом замечания П. Г. Смидовича в печатаемом нами его письме Истпарту МК говорят о том, в каких тяжелых условиях находилась эта преследуемая правительством горсточка интеллигенции, как трудно винить ее в недостаточной помощи рабочим-партийцам.

Предлагаемая вниманию читателя книга не представляет собой научно-исследовательской работы. Помещаемые в ней статьи являются мемуарами, написанными отчасти по памяти, но больше на основе сохранившихся документов и печатных материалов. Кроме того, статьи по «Северной группе» были проверены на коллективном собрании ее бывших членов.

Нам кажется, что, несмотря на мемуарный характер, книга явится интересным и полезным чтением для нашей молодежи, выросшей в советских условиях, не знавшей старого царского режима. Для нас несомненно также, что круг читателей не может ограничиться этим контингентом. Книга должна обратить внимание и стать предметом изучения историка-исследователя, так как большая часть статей, а также приложенные

документы впервые освещают неизвестные или почти неизвестные до сих пор моменты в истории Московской партийной организации.

Если о «Тверской группе» писалось неоднократно, и мы здесь перепечатываем в исправленном и дополненном виде старую статью М. Лациса, помещенную в журнале «Пролетарская революция» (№ 2 за 1921 г.), то относительно «Северной группы» почти ничего не было известно. За исключением некоторых упоминаний и кратких сведений о ней в литературе ничего не давалось. Здесь она получает систематическое освещение от ряда главных участников группы.

Особенно богата материалом статья И. Леппе. Даваемая в ней характеристика внутренней жизни и деятельности «Северной группы», вероятно, поразит товарища, работавшего в годы реакции и империалистической войны в русских нелегальных организациях партии. В эти периоды конспирация и четкость организационных форм работы несомненно хромали в русских партийных организациях. И наоборот, латвийская с.-д. партия отличалась большей конспиративностью и сумела сохранить беспрерывно функционирующими свои организации. Эти твердые навыки партийной работы были столь велики и сильны, что латыши-партийцы, сорванные со своих мест, вынужденные работать в новых и непривычных условиях, достойно продолжают и в Москве традиции своей национальной партийной организации.

Поэтому естественна гордость бывших участников «Тверской» и «Северной» групп тем, что их организация, несмотря на провокацию, просуществовала очень долгий период, в то время как русские партийные организации рассыпались очень быстро на первых же порах, снова воссоздавались и опять распадались. Однако товарищи-латыши иногда увлекаются в этом отношении. Тут характерно подчеркиванье преимуществ конспирации «Тверской группы» по сравнению с русскими организациями со стороны тов. М. Лациса. Действительно, конспирация русских товарищей никуда не годилась. Но автор другой статьи тов. П. Цельмин, справедливо уличает тов. Лациса и других видных участников «Тверской группы» в явных нарушениях конспирации. Да и из статьи самого тов. Лациса явствует, что, например, провал типографии группы произошел при обстоятельствах чрезвычайного нарушения правил конспирации.

Мы оставили это противоречие между авторами нетронутым, считая, что оно явится ценным моментом для историка при изучении данного вопроса.

Вообще говоря, трудно избежать полностью некоторых повторений в книге, которую составляют статьи нескольких

авторов, пишущих по одному и тому же вопросу. Мы старались их избежать путем соответствующих вычеркиваний, где было можно сделать их безболезненно, и исключением нескольких статей, которые, повторяя основных авторов, не прибавляли нового.

Конечно, нельзя думать, что этим сборником может быть исчерпано даже мемуарное освещение деятельности «Тверской» и «Северной» групп. Мы думаем, что дополнения и исправления к напечатанным статьям будут неизбежны, хотя мы привлекли к участию в нашем сборнике наиболее активных членов этих групп, а коллективная проверка их воспоминаний выявила ряд новых данных, которые и были включены в статьи авторов настоящего сборника.

Дальнейшие материалы, поскольку они будут иметь место, смогут быть напечатаны в изданиях Истпарта МК ВКП(б) или в исторических журналах.

При редактировании Истпарту МК ВКП(б) пришлось проделать колоссальную во многих случаях работу, поскольку некоторые авторы-латыши далеко не вполне владеют русским языком. Однако мы стремились в основном сохранить структуру и характер статей.

Что касается приложений, то только часть из них относится непосредственно к «Северной группе». Большая часть прилагаемых документов выходит за пределы истории интересующих нас здесь двух партийных групп. В них освещается (со стороны охранки) революционная деятельность в Москве, и только частично там встречаются упоминания о «Тверской» и «Северной» группах. На ряду с этим дано несколько редких с.-д. прокламаций по Москве и губернии (Орехово-Зуево, Богородск). Мы считали необходимым и целесообразным воспользоваться случаем издания настоящей книги и опубликовать хотя бы часть имеющегося в нашем распоряжении документального материала (а сколько еще не выявлено и сколько пропало вообще!), который лишний раз подтверждает справедливость нашей точки зрения о том, что партия в годы войны была жива и вела энергичную работу.

Перепечатывая документы, мы сохраняем вполне их характер и стиль, не исправляя даже имеющихся в них явных грамматических ошибок.

Вся работа по собиранию статей и документов, редактированию и подготовке к печати настоящей книги выполнена Вл. Малаховским. В этой работе ему деятельно помогала Р. И. Голубева.

Неутомимой энергии Анны Аркадьевны Рудой мы обязаны также тому, что статьи были сравнительно быстро написаны автором и своевременно доставлены Истпарту МК ВКП(б).

Д. Баевский

БОЛЬШЕВИКИ НА ПОДСТУПАХ РУССКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мировая война 1914—1918 гг. открыла эпоху войн и революций. «Мирная» полоса в развитии человечества закончилась, открылась эпоха бури и натиска, эпоха величайших потрясений. Сейчас, когда после небольшого периода затишья, надвигаются новые войны и новые революции, отдаленная от нас полутора десятилетиями эпоха войны приобретает привкус современности. Поэтому изучение большевистской работы эпохи 1914—1916 гг. становится особенно актуальным.

Война, как и всякий большой кризис, явилась проверкой для людей, партий, классов. Одних она разоблачила, других надломила, третьих закалила. Оппортунистическое гнилье в рабочем движении вышло наружу. Оппортунисты открыто перешли на сторону своей буржуазии. Среди колеблющихся прошла великая размежевка: одни пошли за оппортунистами, другие за революционными марксистами. Раскол в рабочем движении стал фактом. Борьба Горы и Жиронды, о которой Плеханов писал в 1900 г., стала в порядок дня. На смену оружия критики приходила критика оружием. Само рабочее движение стало ареной борьбы между коммунизмом и капитализмом. Борьба «двух потоков» в рабочем движении приобрела решающий для всего человечества характер. Ленин наметил две тенденции в нем.

«С одной стороны,— писал он,— тенденция буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатейших, привилегированных наций в «вечных» паразитов на теле остального человечества, «почить на лаврах» эксплоатации негров, индийцев и пр., держа их в подчинении при помощи снабженного великолепной истребительной техникой новейшего милитаризма. С другой стороны, тенденция м а с с, угнетаемых сильнее прежнего и несущих все муки империалистических войн,— скинуть с себя это иго, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе

между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения»[1].

Многолетняя борьба большевизма против оппортунизма в годы войн встает в новом свете, приобретает небывало широкий размах. Наша партия выступает как выразитель интересов многомиллионных масс трудящихся всего мира, в их борьбе против империализма. Под ее знамя собирается все, что есть революционного в международном рабочем движении. Она имеет против себя все «буржуазные рабочие партии», имеющие за собой авторитет, накопленный за многие годы руководства крупнейшими отрядами рабочего класса, мощный аппарат профсоюзов и почти всю рабочую прессу. За их спиной стоят тресты, генеральные штабы и весь государственный аппарат великих империалистических хищников. Ленин не возлагал надежды на то, что буржуазные рабочие партии при приближении революционного под'ема «исчезнут, как дым», он видел в них серьезного врага.

«Мы не имеем ни тени оснований думать,— писал он,— что эти партии могут исчезнуть до социальной революции. Напротив, чем ближе будет эта революция, чем могущественнее разгорится она, чем круче и сильнее будут переходы и скачки в процессе ее, тем большую роль будет играть в рабочем движении борьба революционно-массового потока против оппортунистического-мещанского»[2].

В свете борьбы этих «двух потоков» работа нашей партии в годы войны приобретает всемирно-историческое значение. Работа скромных солдат революции, воспоминания которых печатаются ниже, приобретает особую значительность. Большевики своей повседневной, кропотливой, «кротовой» работой творили дело не только русской, но и международной революции. Партия Ленина стала партией не только русской, но и мировой революции.

Это «превращение» большевизма в «мировой большевизм» не было порождено войной. Война подвела кровавый итог целой эпохе, эпохе «мирного» развития капитализма. Но «начало конца» этой эпохи открыла революция 1905 г.

В связи с этим интересно отметить, что Ленин еще в 1913 г. говорил о новой эпохе, открываемой революцией 1905 г. и о новом этапе в развитии марксизма, который открывает эта эпоха. Вот что писал он в 1913 г. в статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса»:

«Всемирная история с этого времени (со времени выхода «Коммунистического манифеста».— *Д. Б*). делится явственно

---

[1] Ленин, т. XIII, стр. 479.
[2] Ленин, т. XIII, стр. 481.

на 3 главные периода: 1) от революции 1848 г. до Парижской коммуны (1871 г.), 2) от Парижской коммуны до русской революции (1905 г.), 3) от русской революции»[1].

И дальше он писал: «Мирный» период 1872—1904 гг. отошел бесповоротно в вечность»[2].

Так писал Ленин накануне войны. Война целиком подтвердила ленинский прогноз. Марксизм второго периода окончательно перестал служить делу Маркса, делу пролетариата, он превратился в орудие врагов пролетариата. На очередь встал вопрос о выковывании теоретического оружия эпохи пролетарской революции. В 1915 г. Ленин писал: «... Не воскрешать трупа, а развивать революционный марксизм против оппортунизма «тоже — марксизма»[3].

Развитие революционного марксизма против оппортунизма — это и есть развитие ленинизма. В последние дни своего пребывания в эмиграции, 5/III 1917 г., в письме А. М. Коллонтай, Ленин писал: «Я вижу только и знаю самым твердым образом, что вопрос о программе и тактике нового социализма, действительно революционного марксизма, а не поганого каутскизма, стоит на очереди везде»[4]. Новая эпоха, эпоха борьбы за власть, поставила в порядок дня вопрос о теории и тактике пролетарской революции. Этой теорией и тактикой и был ленинизм.

О «выходе большевизма на международную арену» с начала войны можно говорить лишь условно. В это время начинается непосредственная борьба (не только идейная, но и организационная) большевизма с международным оппортунизмом за гегемонию в рабочем движении. Большевики были единственной партией, выступившей против войны и измены социал-шовинистов с четкими, ясными лозунгами. И это, понятно, было не случайно. Именно большевики во всей предыдущей борьбе с оппортунизмом были тем течением, которое могло устоять в обстановке всеобщей растерянности и ренегатства, захлестнувших мутной волной все с.-д. партии в начале войны.

Антивоенные выступления большевиков носили несомненно не только русский, но и международный характер. Выдвигаемые при этом лозунги формулировали задачи не только русского, но и международного пролетариата. Это ясно как из характера самих документов, так из целого ряда побочных, подсобных источников. Ленин был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы манифест партии был переведен

---

[1] Ленин, т. XII, ч. II, 2-е изд., стр. 43.
[2] Там же, стр. 45.
[3] Ленин, Новые статьи и письма, вып. 1, стр. 11.
[4] Ленинский сборник, 11, стр. 286.

на возможно большее количество языков. Он проявлял чрезвычайный интерес к выступлениям тов. Шляпникова, тов. Литвинова, к тем выступлениям, которые могли познакомить западные партии с позицией большевиков. В своем письме к тов. Шляпникову, бывшему в это время в Швеции, он говорил о том, что необходимо использовать его пребывание за границей для того, чтобы познакомить с позицией большевиков западных левых с.-д. Западной Европы, и для того, чтобы поставить перед ними вопрос: идут ли они с большевиками или они остаются в лагере оппортунистов. В этот момент большевизм непосредственно ведет борьбу за влияние на международное рабочее движение. В работах Ленина на ряду с целым рядом инструкций о русских делах (см., например, переписку с тов. Шляпниковым) чрезвычайно значительное место занимают также и дела международного значения.

Одним из важных моментов антивоенной позиции была постановка большевиками вопроса о расколе Интернационала. Проблема раскола Интернационала была тесно связана с основным лозунгом большевизма, лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую войну. Раскол был необходимым условием этого превращения, ибо нельзя было бороться за превращение империалистической войны в гражданскую войну, имея в своих рядах оппортунистов, что связывало руки. И Ленин прямо пишет об этом:

«То, что возможно было в мирную эпоху, в эпоху непосредственной борьбы за социалистическую революцию, становится уже более невозможным». И поэтому разрыв с социал-шовинистами, разрыв с оппортунистами является необходимым условием борьбы за превращение империалистической войны в гражданскую войну, за социалистическую революцию.

«Империалистическая эпоха не мирится с существованием в одной партии передовиков революционного пролетариата и полумещанской аристократии рабочего класса, пользующейся крохами от привилегий «великодержавного» положения «своей» нации»[1].

В этой связи под этим углом зрения Ленин подчеркивал значение раскола и в русской партии. Так, например, в той же самой переписке он много раз указывал на необходимость борьбы с примиренческими элементами в нашей партии. В одном из недавно опубликованных писем к Шляпникову он ставит этот вопрос в связи с вопросом о новом Интернационале:

«У нас в России (и теперь и в новом Интернационале) вопрос о расколе — о с н о в н о й. Всякая уступчивость з д е с ь

[1] Л е н и н, т. XVIII, 2-е изд., стр. 118.

была бы преступлением. Я хорошо знаю, как много добрых людей (Джемс, Галерка, питерские «друзья из интеллигентов») были п р о т и в раскола думской фракции. Все они были тысячу раз неправы. Раскол был необходим. Раскол с Ч х е и д з е и К° и теперь а б с о л ю т н о необходим. Все колеблющиеся на этот счет — в р а г и пролетариата, с ними нужна неуступчивость» [1].

Ленин теперь так ставит вопрос: не только те, кто стоит на стороне оппортунистов, но все колеблющиеся в этом вопросе—враги пролетариата, и с ними нужно повести решительную борьбу. При такой четкой, резкой постановке вопроса о необходимости раскола интересно, как Ленин представлял себе конкретные пути этого раскола. Вот что он пишет накануне Циммервальда в брошюре «Социализм и война»:

«Третий Интернационал, по нашему мнению, должен был бы создаться именно на такой революционной базе. Для нашей партии не существует вопроса о целесообразности разрыва с социал-шовинистами. Он для нее решен бесповоротно. Для нее существует только вопрос осуществимости этого в ближайшее время в интернациональном масштабе» [2].

Итак, хотя вопрос о расколе в принципе был совершенно ясен и решен бесповоротно, но вопрос об о с у щ е с т в и м о с т и его в ближайшее время требовал еще известных «развитий» на м е ж д у н а р о д н о й а р е н е. Вот что писал Ленин в 1915 г. опять-таки накануне Циммервальда:

«Ближайшее будущее покажет, назрели ли уже условия для создания нового марксистского Интернационала. Если да, наша партия с радостью вступит в такой, очищенный от оппортунизма и шовинизма, III Интернационал. Если нет, это покажет, что для этой очистки требуется еще более или менее длинная эволюция. И тогда наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала — пока в различных странах не создастся база для международного товарищества рабочих, стоящего на почве революционного марксизма» [3].

Итак, последняя часть этой цитаты ясно говорит, что Ленин допускал возможность того, что наша партия будет крайней оппозицией внутри прежнего Интернационала, пока в различных странах не создастся база для организационного оформления левых элементов. Таким образом на первом этапе военного периода международного рабочего движения Ленин говорил еще, что, может быть, даже наша партия останется в рамках II Интернационала, чтобы сорганизовать и увести

[1] «Пролетарская революция» № 7, стр. 279.
[2] Л е н и н, т. XIII, изд. 1-е, стр. 121.
[3] Там же, стр. 122.

оттуда левые элементы. В момент, когда в самом рабочем движении было затишье, не было еще решительного перелома, не было «сдвига в сторону революционного мышления и революционного действия», Ленин говорит о такой возможности. И в этой связи интересна его постановка вопроса о возможности блока с элементами центристскими, с элементами центристской оппозиции официальному руководству, с элементами, колеблющимися между социал-шовинизмом и революционным интернационализмом, между линией официального руководства и активно-антивоенной оппозиции. Он писал опять-таки накануне Циммервальда:

«Громадную важность имеет наше отношение к колеблющимся элементам в Интернационале вообще. Эти элементы — преимущественно социалисты п а ц и ф и с т с к о г о оттенка — существуют и в нейтральных странах и в некоторых воюющих странах (в Англии, например, Независимая рабочая партия). Эти элементы могут быть нашими попутчиками. Сближение с с ними против социал-шовинистов необходимо. Но надо помнить, что это — т о л ь к о попутчики, что в главном и основном при восстановлении Интернационала эти элементы пойдут не с нами, а против нас, пойдут с Каутским, Шейдеманом, Вандервельде, Самба» [1].

Итак, Ленин говорит, что с элементами центристскими, левоцентристскими в данном случае, с элементами колеблющимися, с элементами «пацифистского оттенка» возможен известный блок. На данной стадии, на данном этапе эти элементы могут быть нашими попутчиками.

На какой почве возможен этот блок? На почве б о р ь б ы п р о т и в с о ц и а л-ш о в и н и с т о в. Поскольку эти элементы будут бороться с социал-шовинистами, мы можем их использовать. Но дальше,— говорит Ленин,— надо помнить, что это — только попутчики, и что в главном и основном они пойдут не с нами. И мы знаем, что в данном случае использование левых зигзагов циммервальдских центристов оказалось правильным, оно было исторически оправдано.

Почему оправдался блок с пацифистскими элементами? Он оправдался потому, что на этой стадии рабочего движения, на стадии еще младенческой, на стадии только начала его революционного перерождения, левоцентристская оппозиция официальному руководству партии в известной степени отражала протест масс. Самый этот протест был еще неясен, не оформлен, и поэтому эти элементы могли выражать недовольство масс, недовольство их и своим положением и недовольство официальным руководством социалистических

---

[1] Л е н и н, т. XIII, 1-е изд., стр. 119.

партий, которое помогло правительству втянуть рабочих в войну.

На этой стадии такие люди, как Гаазе, Ледебур, Мермгейм, могли быть выразителями этого недовольства масс. Особенно много внимания Ленин уделял таким людям, как Мергейм, потому, что это был человек, тесно связанный с рабочим движением, человек, хорошо известный рабочим, практик рабочего движения. Таких людей Ленин старался завоевать, для того чтобы через них приблизить к большевистской позиции определенные кадры рабочих организаций, подтянуть постепенно и самые эти организации.

Целью пребывания большевиков в Циммервальде, где им приходилось сидеть за одним столом с Гаазе, Ледебуром, Мартовым и др., было завоевание колеблющихся, конечной целью было завоевание масс и ослабление позиций социал-шовинизма. В «Детской болезни левизны» Ленин, приводя ряд случаев, когда большевики шли на компромисс, пишет: «Во время войны мы заключали некоторый компромисс с «каутскианцами», левыми меньшевиками (Мартов) и частью «социал-революционеров» (Чернов, Натансон), заседая вместе с ними в Циммервальде и Кинтале и выпуская общие манифесты, но мы не прекращали и не ослабляли никогда идейно-политической борьбы с каутскианством» [1].

Такие последовательные революционеры, как большевики, могли вести непримиримую борьбу с каутскианством, блокируясь в известный момент и в определенных условиях с ними же. Им чужда была как мелкобуржуазная податливость на компромиссы, так и мелкобуржуазный радикализм, отрицающий всякие компромиссы. В этом сказалась особенность большевиков как пролетарских революционеров. «Вести борьбу за свержение международной буржуазии,— писал Ленин,— войну во сто раз более трудную, длительную, сложную, чем самая упорная из обыкновенных войн между государствами, и наперед отказываться при этом от лавирования, от использования противоречий интересов (хотя бы временного) между врагами, от соглашательства и компромиссов с возможными (хотя бы временными, непрочными, шаткими, условными) союзниками, разве это не безгранично смешно?» [2]

Конкретным примером того, как, при каких условиях Ленин шел на компромиссы, на блоки и как он умел их вовремя отбрасывать, является история вхождения большевиков в Циммервальд. Для отношения большевиков к Циммервальду

---

[1] Ленин, т. XXV, 2-е изд., стр. 213.
[2] Там же, стр. 211.

характерно, как Ленин расценивает первый циммервальдский манифест.

«Вообще принятый манифест,— пишет он тов. Шляпникову,—шаг вперед, ибо французские депутаты (трое, из них один полушовинист Бризон) приняли. Принята резолюция с критикой пацифизма и резолюция о Международном социалистическом бюро с резкой критикой его. В общем, это в с е ж е, несмотря на тьму недостатков,— шаг к разрыву с социал-шовинистами» [1].

Ленин считал, что Циммервальд полезен постольку, поскольку он д е л а е т и з в е с т н ы й ш а г к р а з р ы в у с с о ц и а л-ш о в и н и с т а м и. Но Ленин ни на минуту не забывал, что этот блок временный, блок с попутчиками, с которыми при первом же повороте нужно будет порвать. В этом отношении Ленин несколько иначе смотрел на Циммервальд, чем смотрели Зиновьев и целый ряд других представителей большевистской партии. Уже в январе 1917 г. он пишет о том, что Циммервальд потерпел крах. «Циммервальдская правая,— пишет он,— по-моему, идейно похоронила Циммервальд: Bourderon + Meerheim в Париже голосовали за п а ц и ф и з м, Kautsky тоже 7/I 1917 в Берлине, Турати (17/XII 1916!!) и вся итальянская партия тоже. Это — смерть Циммервальда!! На словах о с у д и л и «социал-пацифизм» (см. кинтальскую резолюцию), а на деле повернули к нему!!» [2].

Итак, какова мера, каков критерий, каков подход Ленина к Циммервальду? Поскольку Циммервальд шел к разрыву с социал-шовинистами, постольку он был полезен, и блок с циммервальдскими центристами был шагом вперед. С того же момента, когда Циммервальд на деле повернул обратно к союзу с социал-шовинистами он становился уже ненужным, его положительная революционная роль этим оканчивалась. Этого не понимал целый ряд представителей циммервальдской левой. Всем известно, что на апрельской конференции в 1917 г. по вопросу о Стокгольме, по вопросу о продолжении участия в циммервальдском об'единении Ленин противостоял всем другим участникам ее, он был в единственном числе, его поправка на апрельской конференции не прошла. Когда накануне от'езда в Россию Ленин перед Радеком и Зиновьевым (членами бюро циммервальдской левой) поставил вопрос о том, что надо порвать с Циммервальдом, он встретил с их стороны возражения, и на апрельской конференции поправка Ленина в этом же духе не встретила поддержки, так как и среди большевиков

---

[1] Ленинский сборник, II, стр. 267.
[2] Там же, стр. 283.

не все понимали ленинскую позицию по отношению к Циммервальду.

Ленинский подход к циммервальдскому об'единению состоял в том, чтобы использовать блок с колеблющимися элементами для консолидации левых элементов, чтобы способствовать отколу левых элементов от официального руководства.

Основное, что характеризует процесс созидания III Интернационала в эпоху Циммервальда — это то, что с самого начала существования Циммервальда уже существовала сплоченная левая фракция. Сплочение левых в Копенгагене в 1910 г. не удалось, а возможно, и не ставилось тогда как прямая попытка (этот вопрос остается еще неисследованным). Но то, что невозможно было до войны, действительно было создано с самого начала циммервальдского об'единения — была организована так называемая «циммервальдская левая». Это и было уже организационным оформлением «левых», решительным разрывом с оппортунизмом. Элементы, которые теперь обособились в левую фракцию, стали в основном на платформу превращения империалистической войны в гражданскую, они об'единились на основе большевистских, ленинских лозунгов.

Борьба за III Интернационал, борьба за мировую пролетарскую революцию и подготовка революции против царизма,— эти, казалось бы, разнородные задачи составляли одну двуединую задачу. Война «связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской социалистической революции на Западе» [1], и в силу этого решение задачи свержения царизма стало невозможно вне связи с другой, более грандиозной задачей — борьбы против международного империализма. «Довести до конца буржуазную революцию в России,— писал Ленин,— чтобы разжечь пролетарскую революцию на Западе,— так ставилась задача пролетариата в 1905 г. В 1915 г. вторая половина этой задачи стала настолько насущной, что она на очередь становится одновременно с первой» [2]. Готовя свержение царизма, русские большевики подготовляли международную революцию против империализма. «Россия была,— пишет тов. Сталин,— важнейшей опорой западного империализма, соединяющей финансовый капитал Запада с колониями Востока» [3]. «Могли ли русские коммунисты,— пишет он,— ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конеч-

[1] Ленин, Новые речи и статьи, вып. I, стр. 16.
[2] Там же.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, 6-е изд., стр. 79.

но, нет. Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец, свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое оружие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма. Русские коммунисты иначе и не могли действовать, ибо только на этом пути можно было рассчитывать на известные изменения в международной обстановке, могущие гарантировать Россию от реставрации буржуазных порядков»[1].

Единство задач борьбы партии против царизма и борьбы против империализма было обусловлено своеобразием русской революции, ее перерастанием из буржуазно-демократической в социалистическую. Вот как ставит проблему перерастания для этого периода тов. Сталин:

«Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо, кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась таким образом и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую»[2].

Эпоха войны в истории нашей партии является эпохой подготовки смены стратегических планов. На ряду с неснятыми задачами борьбы против царизма и остатков крепостничества назревают новые задачи, разрешение которых становится возможным лишь на втором и третьем (беря схему тов. Сталина) этапе революции. В это время задача изоляции мелкобуржуазной демократии (меньшевиков и эсеров) становится на ряду с задачей изоляции либеральной буржуазии. Без победы над оборончеством становится невозможно свержение царизма, ибо эти «революционеры-шовинисты», выступая против «правительства измены», боролись за правительство обновленной, демократизированной, очищенной от «распутинщины» монархии. Они стремились подчинить рабочий класс гучковским военно-промышленным комитетам и сделать Государственную думу «организующим центром»

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 80.
[2] Там же, стр. 79.

общедемократического движения. Борьба против царизма становится невозможной без борьбы против этих агентов империализма. В этот же период становится актуальной проблема союза пролетарской революции с освободительным движением колоний и зависимых стран. Не случайно вокруг этого вопроса разгорелась идейная борьба в рядах сторонников III Интернационала. Для решения этой проблемы не назрели еще реальные предпосылки, но война и надвигающийся мировой кризис поставили ее перед Лениным. Внимание Ленина в эти годы приковано главным образом к вопросам международной революции. Характерно, что из 32 ленинских работ 1916 и начала 1917 гг., вошедших в XIX т. 2-го и 3-го изд., лишь 5 написаны на русские темы. Это об'ясняется, понятно, лишь в ничтожной степени эмигрантской оторванностью Владимира Ильича от России. Надо сказать, что, несмотря на трудности военного времени, информация заграничного центра, после небольшого перерыва в первые месяцы войны, была налажена достаточно хорошо. Дело не в этом. Своеобразие эпохи, неразрывная связь между задачами пролетариата России в борьбе за русскую и за международную революцию — вот чем обусловлено это явление.

Никогда не страдавшие «национальной ограниченностью» большевики-ленинцы с 1914 г. становятся передовыми борцами за международную пролетарскую революцию, непосредственно борются не только за революцию в России, но и за мировую социалистическую революцию. Опыт работы нашей партии за весь ее период существования должен стать достоянием международного пролетариата. Но особенный интерес представляет для братских компартий изучение опыта партийной работы в эпоху 1914—1917 гг., в эпоху войны и революции, ибо новые войны и новые революции стучатся уже в дверь.

М. Лацис

„ТВЕРСКАЯ ГРУППА" РСДРП

I. Возникновение группы

«Тверская группа» РСДРП формально возникла в начале 1915 г., однако значительная часть членов этой группы начала в Москве свою революционную работу года за два до официального возникновения группы, принимая участие в социал-демократических ячейках, создававшихся в университете имени Шанявского. Так, еще весной 1913 г. была сделана попытка сколотить основное ядро старых партийцев, нашедших пристанище в университете имени Шанявского. Собрание происходило в помещении столовой студентов университета. Присутствовали следующие товарищи: Пылаев Георгий Николаевич, Цивцивадзе Илья Венедиктович, Крастынь Элла (Мулап), Тараканов, Рутман Ян Янович, Матвеев и я (было еще несколько товарищей, фамилии которых я позабыл). Эта инициативная группа ставила перед собой задачу — сколотить из партийцев-слушателей университета Шанявского достаточно солидную организацию для ведения работы в рабочих районах Москвы и участия в рабочей печати. Сколько помнится, решения сводились к тому, чтобы установить связь с другими студенческими организациями Москвы и в первую голову с Коммерческим институтом, в котором тогда был известный нам студент тов. Мерин (с.-д.), связать нашу студенческую организацию с Московской организацией, для использования интеллигентских сил в целях обслуживания рабочих районов. В связи со вторым вопросом (о сотрудничании в рабочей печати) было принято решение о поддержке газеты «Правда» как путем ее выписки, так и сотрудничания в ней.

Эти, хотя и незначительные, решения все же определили большевистское лицо этой инициативной группы. Однако ее работа очень слабо налаживалась; это об'яснялось не столько загрузкой отдельных товарищей, сколько ее национальным

составом (преобладающая часть товарищей плохо владела русским литературным языком, что затрудняло сотрудничество в рабочей печати и мешало выступать на собраниях). К тому же усиленный шпионаж в университете значительно затруднял развитие нелегальной работы. Чувствуя неудовлетворенность такой работой, часть товарищей-латышей, особенно хромавших в знании русского языка, решили образовать свою самостоятельную ячейку. Такое решение вызывалось еще и тем обстоятельством, что в университете Шанявского появилось значительное количество старых членов социал-демократии Латышского края, вынужденных покинуть Латвию вследствие черезвычайных репрессий, которые проводились царским правительством в период реакции. Среди этих латышских товарищей были люди, друг другу достаточно известные, но между ними были и такие, за которых нельзя было поручиться, несмотря на то, что в свое время в 1905 г. они принимали активное участие в революционном движении. К числу таких, несомненно, пришлось отнести сынков тех крупных крестьян, которые в свое время были недаром окрещены «серыми баронами». Их-то главным образом и надо было проверить.

М. Лацис

Поэтому было решено вначале дать нашей группе общепринятую вывеску теоретического кружка. В эту группу, насколько мне помнится, вошли следующие товарищи: Берзин Марта Карловна, Лепин Марта, Крастынь Элла (Мулап), Бирзгал (Кажа, теперь Эльтман), Рутман Ян Янович, Силис, Старпинь Эрна, Цельмин Петр, Озолин Метра, Доринь, Гульбис и я. Так как на обсуждение этого кружка ставили вопросы не только партийного порядка, но и национального характера: вопросы самоуправления и пр., то это дало возможность привлекать на заседания и отдельных явно меньшевистски настроенных товарищей в целях их проверки. К числу таких явно меньшевистски настроенных товарищей университета Шанявского мы относили: Каупиня, Эклава, Чандера, Ливенталя. Неразгаданным для нас в то время был тов. Зомберг, с которым мы связь все-таки поддерживали. Он теперь коммунист. Помимо вышеперечисленных товарищей в Москве обреталась еще группа латышей, бывших социал-демократов, которых мы стали уже сторониться,

несмотря на то, что они в свое время были активными работниками — пропагандистами Рижской организации. Они вступили на путь ревизии Маркса и Энгельса, ушли от активной работы в публицистику и беллетристику, как Лапин, Скуенек, Бастян и др., или совершенно прекратили всякую связь с политической деятельностью и обратились в служителей «богемы», как тов. Лайцен (теперь лев. с.-д. и член Латвийского сейма).

Этот пропагандистский кружок вне связи с Московской организацией варился в собственном соку, что вскоре осточертело многим членам его, наиболее активным. Они старались поддерживать связь с русской организацией,— вернее, с отдельными ее товарищами, но она носила случайный характер.

2. Канун империалистической войны

Летом 1914 г., когда значительная часть студентов уехала на летнюю практику или просто разбрелась на каникулы, в Москве все же образовалась небольшая группа партийцев, которая продолжала вести некоторую партийную работу в Москве. Как раз в начале империалистической войны эта группа товарищей смогла организовать выступление против войны и выпустить отпечатанную на гектографе листовку. Основным ядром этой группы были тт. Пылаев Георгий Николаевич, Валерьян Наумов, Михаил Богоявленский, Тихомиров (Ромейко), Викман, Степанищев, Булин, Иванов, Цельмин, я и еще несколько товарищей из профсоюзной организации, фамилии которых я не помню.

В одно из первых воскресений после об'явления войны мы собрались в селе Крылатском (под Кунцевом) на даче где проживал один из наших партийцев, и приступили к коллективному составлению воззвания-протеста. Этот коллективный труд был закончен в тот же день, а размножение листка было поручено Михаилу Богоявленскому, который служил в управлении московской водокачки конторщиком, где представлялась возможность воспользоваться шапирографом конторы. Выход листовки значительно задержался благодаря отсутствию своей техники. Одновременно с выходом листовки было приступлено к организации демонстрации протеста. Местом сбора была назначена Екатерининская площадь. В день, назначенный для демонстрации, шел непрерывный дождь — рассчитывать на многолюдность собрания не приходилось. Тов. Богоявленский и Наумов произвели предварительную проверку на площади и обнаружили, что прилегающие улицы кишат шпиками, а во дворе Екатерининской больницы и Сущевской части были запрятаны кон-

ные городовые. Эти сведения подтвердил и тов. Тихомиров, побывавший на площади. Очевидно, на нашем воскресном собрании был провокатор. Этим провокатором, сколько мне помнится, оказался Поскребухин.

Такая подготовка жандармерии заставила нас отменить демонстрацию. Присутствие провокатора на нашем воскресном собрании подтвердилось уже в ближайшие дни, когда начались аресты участников воскресного заседания. В городе был арестован тов. Пылаев, и жандармерия начала поиски других. В этот же день в лапы жандармерии попали тт. Богоявленский и Наумов. Мне удалось скрыться. Для меня начался второй нелегальный период. Я после двухнедельных скитаний наконец решил обосноваться тут же под Москвой, в районе Петровско-Разумовского, в одной из дач Овчинникова, где основался и тов. Грунт Ян Янович со своей женой, бежавшей из нарымской ссылки. Вынужденное бездействие заставило подумать о создании типографии и о возобновлении подпольной работы.

3. 1 мая 1915 г.

В напряженной организационной работе мы как-то прозевали годовщину Ленского расстрела. Поэтому захотели отыграться на первомайском дне. Рабочий праздник был на носу, а у нас в группе не было еще решения о порядке его проведения. На первом же собрании группы выявились две противоположные точки зрения: часть стояла за активные действия — за выпуск прокламаций, вывешивание красных знамен и массовку, часть же, правда, меньшинство, решительно возражала против этого и предлагала ограничиться только массовкой и заслушиванием докладов на тему о 1 мая.

На этой почве произошел раскол, и меньшевиствовавшая часть группы: Бирзгал (Эльтман), Каупинь, Дориньи, Эклав и Старпинь Эрна отошли от активной работы. Связь с ними окончательно порвана не была, но все наши намерения и подготовка держались от них в секрете.

Группа численно ослабла, но зато она была надежной и своей дерзостью успела расшевелить не только Москву, но протянуть нити и к Харькову, Самаре и Иваново-Вознесенску.

14 мая (по ст. ст. 1 мая) было решено выпустить листовку, развесить знамена и устроить массовку. Времени оставалось немного, типография еще не была налажена, и листовку пришлось печатать на гектографе. Из-за осторожности мы отказались воспользоваться гектографом студенческой организации, и я, вспомнив рецепт, взялся сам за изготовление гектографской массы. В этой работе соблюдалась величайшая

осторожность: и глицерин и желатин покупались в разных местах, несколькими лицами и в небольших дозах. Ящиком для массы послужила жестяная коробка из-под конфект, взятая из лавочки Сельскохозяйственного института. Оттуда же была взята и бумага, так как средств у нас не было почти никаких. Сама листовка составлялась мною и тов. Грунтом и его женой. Оригинал для гектографа писал я. Краткость срока,— через день было 1 мая,— заставила нас ограничиться коротким текстом, и листовка была выпущена на одной восьмушке [1]. При печатании возник серьезный вопрос: от имени какой организации выпускать листовку? После долгих споров решили нашу группу назвать «Тверской», дабы отвести охранке глаза. Под этой подписью и была выпущена листовка. Отпечатано было около тысячи экземпляров. Для Москвы это было очень мало, и мы решили расходовать их очень бережно.

Еще более сложным делом оказалось изготовление красных знамен, так как покупать красную материю накануне 1 мая было не безопасно. К тому же никто из нас не владел кистью, а отдавать работу эту на сторону было невозможно. Материю закупали по кускам на двенадцать знамен в разных частях города, а за писание лозунгов засел я сам. Вся эта работа происходила в той же квартире, вернее, в комнате тов. Грунта. Бронза разводилась нами на скипидаре, а скипидар оставлял след на полу, на котором писались знамена. Каждую минуту мог нагрянуть хозяин квартиры и обнаружить нашу «преступную деятельность». А этот хозяин к тому же дружил с каким-то городовым. Надо было заметать следы, и это неблагодарная работа выпала на долю жены тов. Грунта.

В 9 часов вечера накануне 14 (1) мая подготовительная работа была закончена. Теперь предстояла не менее серьезная работа по распространению листовок и развешиванию знамен. На эту работу нами были мобилизованы все наличные члены группы, кроме, конечно, «отщепенцев». Они были разбиты на четыре группы. Первая партия должна была работать в Бутырском районе, захватив Петроградское шоссе, Александровскую и Виндавскую железные дороги; сюда вошли тт. Грунт, Марта Карловна Берзин, Наталия Страутман (Тилее) и я. Вторая группа должна была обслуживать Пресню и прилегающие к ней районы. Третья группа захватывала Лефортовский и Сокольнический районы, а четвертая — Замоскворечье.

---

[1] Несмотря на все старания, нам так и не удалось успеть раздобыть ни одного экземпляра этой листовки, а содержания вспомнить не могу.

Первая партия начала работу с окружной железной дороги, с Лихобор, где обретался один член нашей группы — железнодорожник. Дойдя до пересечения с Октябрьской железной дорогой, повернули вдоль нее к Москве и против кирпичного завода, на березе, вывесили первое знамя. Листовки расклеивались повсюду, вплоть до бочек ассенизаторов, которые запрудили все шоссе. Это уже было озорство, но для нашей молодежи — тт. Грунта и Страутмана — доставляло неописуемое удовольствие подбежать к возчику и на его бочке наклеить листовку. Не помогли ни мои увещевания, ни угрозы — они прямо-таки напрашивались в тюрьму. Второе знамя было вывешено прямо у заводских ворот в Бутырском районе, на виду у городовых и ночных сторожей. Эту операцию мы проделали с большим нахальством. Я и тов. Страутман подошли к городовым и завели с ними разговор, а тут же в двадцати шагах тов. Грунт взбирался на дерево и прекреплял красное знамя. Все окна и двери завода были оклеены листовками.

Все сходило благополучно. Приближалось уже утро, а у нас оставалось еще изрядное количество листовок. Решили больше не экономить, и тов. Грунт на углах стал их разбрасывать веером. И вдруг, не доходя до старого шоссе, ведущего к Петровско-Разумовскому, пачка рассыпавшихся по воздуху листовок попала прямо в лицо городовому или ночному сторожу, стоявшему за углом. Тот дал свисток, а мы бросились бежать по шоссе по направлению к лесу. Оглядываясь назад, мы видели погоню в лице нескольких человек, а свистки все еще резали тишину майского утра. Нас выручил лес. Но у нас на руках оставались еще два знамя и пачка листовок. Бросить все это было с нашей точки зрения преступно. Мы вышли на Виндавскую железную дорогу, в районе ст. Подмосковной, и здесь вывесили одно знамя. Оклеив листовками станционные здания, мы повернули на Ленинградское шоссе и здесь, около окружной дороги, у завода, на телеграфных проводах вывесили последнее знамя, проделав это прямо на глазах проезжавших крестьян, а отсюда повернули к себе домой в Петровско-Разумовское. Все это происходило среди бела дня, так как солнце давно уже взошло, пока мы пробирались лесом, укрываясь от преследования полицейских.

Мы спешили домой, чтобы выспаться, так как днем была назначена массовка в нашем же районе и организационная сторона лежала на нас.

Массовка была назначена к часу дня. Явочных пунктов было два: столовая Сельскохозяйственного института и парк института. Но участники массовки были почти все нам зна-

комы, и потому явки большой роли не играли. Чтобы отвести полицейским глаза, мы начинаем с хороводов на плацу, за прудом, а потом перебираемся в кусты, налево от пруда и приступаем к реферату. Реферат посвящен не просто значению 1 мая, затрагивает, главным образом, вопрос о задачах партии в текущий момент.

В связи с этим празднованием 1 мая и начался настоящий раскол в нашей группе. Те, которые находили, что работать среди московского населения в настоящий момент «все равно, что орошать пустыню Сахару», отошли от активной работы и превратились в теоретический кружок интеллигентов. Зато сторонники активных действий ушли с головой в практическую работу и отставали в теории. Но работа последних скоро начала сказываться, вследствие чего охранка начала организовывать погоню за «Тверской группой», предполагая ее существование в г. Твери.

4. Налаживание подпольной типографии

Первомайская листовка была первой и последней, отпечатанной на гектографе. Дело с типографией подвинулось настолько вперед, что можно было приступить к печатанию. Но тут выплыли новые затруднения: я не был наборщиком и даже не видел никогда процесса набора. Естественно, что следовало бы пригласить знающего человека. Таким была Наташа. Но я боялся ее пригласить по двум соображениям: 1) в случае обысков в первую очередь будут искать у печатников и следить за ними; 2) Наташа молода и чрезмерно жизнерадостна и без общества молодых людей не проживет и недели. И то и другое грозило несомненным провалом для типографии.

Начинаю учиться сам. Первый блин, естественно, вышел комом: оказалось, что я набрал абзац с обратной стороны, справа налево. Неудачен был и второй опыт при включении набора в раму: набор у меня рассыпался, я не умел держать. Но этим злоключения не кончились. Желая устранить шум при печатании, я устроился на кровати. От неустойчивости основания набор снова рассыпался. Это окончательно вывело меня из терпения. Наконец четвертый опыт увенчался успехом, и листовка была отпечатана без помощи других.

Но она вышла в таком виде, что в происхождении типографии нельзя было сомневаться. Рама у меня была самодельная, и на оттисках красовались головки гвоздей. Наташа, получивши листовку, подняла на-смех наших подпольных печатников, делая недвусмысленные намеки на то, что она прекрасно догадывается, кто смастерил эту отвратительную

со стороны технического выполнения листовку. Стоило не мало труда отвести подозрение от себя в другую сторону.

Но как бы то ни было, а довольно удобочитаемая листовка увидела свет и была брошена через профсоюзы в районы. Этой первой листовки мне до сих пор не удалось разыскать. Об'ясняется это тем, что к тому времени группа не была связана с провокаторами, и все листовки попали в руки рабочих.

Помнится, она содержала в себе протест против провокационных действий охранки, искусственно вызывавшей местами преждевременное движение рабочих масс и потом разделывавшейся с рабочими порознь со всею жестокостью.

Критика нашей техники заставила меня поработать над усовершенствованием ее, и следующая листовка уже вышла в более приличном виде, заслужив одобрительные отзывы даже со стороны типографщиков-профессионалов. Но эта усовершенствованная техника была все же настолько примитивна, что стоит ее подробно описать.

Все оборудование типографии состояло из: 1) деревянной рамы, 2) зеркала, 3) валика для краски, 4) валика для прижима, 5) верстатки, 6) 30 фунтов шрифта, 7) краски.

Все это вмещалось в небольшой конфектный ящик, в чем и состояло преимущество этой типографии. После работы она выносилась на чердак и зарывалась в песок.

Рама мною была сделана из конфектного ящика с фанерным дном, шириной в 12—16 вершков, и со стенками, вышиной в полвершка. Стенки и дно для устойчивости были двойные. Первоначально шрифт ставился просто на фанеру, но при этом оттиски получались неровные. После первой же листовки было введено усовершенствование: вставлялось зеркало на дно рамы. Скрепление шрифта производилось деревянными клиньями, загоняемыми сбоку.

В качестве валиков были использованы валики для катания теста под вермишель, купленные в Охотном ряду. Они обматывались коленкором, и тем дело кончилось. Для нанесения краски я пытался отлить валик из желатиновой массы, но так как не знал состава, то из этого вышло мало толка. Коленкоровый валик оказался практичным: он впитывал в себя краску, и это позволяло употреблять его на десятки оттисков без смазки.

Вместо типографской краски употребляли краску из-под мимеографа. Но она была чрезмерно густа и поэтому разводилась скипидаром, что придавало листовкам невзрачный вид.

Процесс работы был приблизительно такой, как при получении корректурных оттисков в наших типографиях. Сна-

чала одним валиком наносилась краска, потом накладывалась бумага и прижималась другим валиком. Но валик у нас не скользил по рельсам, отчего оттиски не всегда получались ровные. Это заставило меня поработать над новым усовершенствованием, но на этом деле нас настиг арест.

В целях устранения шума, под ножки стола постилались одеяло или бурка, а под рамы, в свою очередь, клалась мягкая подстилка. Шум получался только при прокатывании валика по шрифту, и шелестела накладываемая и снимаемая бумага.

Уже вторая листовка, благодаря своим размерам, заставила меня отказаться от мысли работать одному, и я пригласил на помощь Эллу Крастынь (Мулап, теперь Егорова Женя). Она когда-то в Риге помогала в подпольной типографии и могла быть очень полезной. Но как мы ни конспирировали, все же на нас во время работы наскочил тов. Берзин (Бланк.) Пришлось после этого и его запрячь в дело. Так мы втроем и проработали вплоть до последней листовки, когда были вынуждены переселить типографию к тов. Грунту (Тимошенко).

Много беспокойства причиняло то, что типография помещалась в дачной местности, куда выезжала наша «братия» в свободное время и, естественно, отыскивала меня. Нередко происходили шумные сцены, вызванные тем, что мы избегали встреч, а еще больше потому, что некоторые в этом отшельничестве подозревали любовную связь, что их особенно интриговало, влекло к наблюдению за нами.

Несмотря на все это любопытство, никто из своих о существовании у меня типографии не догадывался.

5. Отношение большевистски настроенной интеллигенции к нашей работе

Большинство нашей группы, хотя и состояли слушателями университета имени Шанявского, все же в теории еще мало успели, а главное плохо владели пером, не зная в совершенстве русского языка. И немудрено: все мы происходили из рабочей или крестьянской среды, и, конечно, несколько лет учебы не могли нас сделать интеллигентами, понимая под этим людей с особой психологией. Мы только понемногу становились рабочей интеллигенцией. Поэтому, когда пришлось составлять серьезную листовку — обращение к солдатам, рабочим и крестьянам, обращение, которое призывало бы повернуть штыки против своих же поработителей, то мы были вынуждены обращаться к знакомой нам русской партийной интеллигенции.

Через тов. Гульбиса у нас были связи с интеллигентом и партийцем на Троицком пер., фамилии которого не помню.

Мы решили обратиться к нему, чтобы или он сам, или его знакомые составили нам листовку на заданную тему: отношение к войне и задачи текущего момента. Но он отнекивался. Мы же наседали. Мы добились даже совместного заседания у него на квартире, но и только. Ни точного взгляда на момент, ни листовки мы от него не получили.

Тогда мы испробовали другие пути. Тов. Милан, кажется, через Поскребухина имела связь с тов. Кизельштейном, а последний — с тов. Яхонтовым и другими. Обратились к Кизельштейну. Прошло две недели, а от него ни привета ни ответа. Мы стали терять всякую надежду и просили дать нам хотя бы докладчика. Этого мы добились. Тов. Смидович сделал обстоятельный доклад (я все же на нем не присутствовал в силу требований конспирации) на закрытом заседании группы. На этом докладе мы проверили свои взгляды и решили составить листовку своими силами. Тов. Берзин (Бланк), Мулап и я принялись за составление листовки и проработали над нею два вечера. Но чувствовалось, что многие выражения звучат не по-русски. В таком виде выпустить листовку неудобно. Сразу скажут, что это дело рук немецких шпионов, что эта работа нерусских людей. Решили снова обратиться к русской интеллигенции, но теперь уже со скромной просьбой отредактировать листовку. Но и в этом они нам отказали. Ответ сводился к следующему: ну, как мы можем редактировать листовку, если не убеждены в правильности высказываемых в ней взглядов.

После этого мы больше просить не стали. Выругали их, вторично отшлифовали листовку и пустили в набор.

Вот ее текст:

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие и солдаты!

Братоубийственная война все разрастается да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и трудоспособного, принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Льются слезы вдов, сирот, отцов, матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят повсюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных перворатников и новобранцев 1915 и 1916 гг., которых погнали в первую очередь и уже положили на поле брани. Оно забирает туда же на бой и неокрепших еще 18-летних юношей, а за ними погонит ратников II разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это море пролетарской крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу — борьбу классовую, лишь одного врага — буржуазию. Так кому же была нужна война? Буржуазии. Эта война — борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом

рынке. И вот, пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии, сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоит на страже интересов той же буржуазии и расправляется с внутренним врагом — сознательным пролетариатом. Сибирские тундры и тюрьмы переполнены. Туда загнали представителей народа, туда же еще все тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос: так что же нам делать? Послушаться ли призыва правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну верными слугами царизма? Нет, товарищи! С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца остаемся его врагами. Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против своих инородческих товарищей по несчастью. Но будем же помнить тогда, товарищи, что в неприятельских окопах против нас такие же пролетарии, как и мы, насильно взятые и живущие мыслью повернуть оружие в обратную сторону и превратить буржуазную войну в войну гражданскую. Этой благородной мыслью живет и наш народ. Но нужно эту мысль осуществить на деле.

Надо смести всех палачей от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И теперь время упускать нельзя. Так будем же помнить об этом, товарищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим товарищам, будем сплотняться [1] в нелегальную организацию вокруг красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем по приказу правительства оружие на товарищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае повернем против нашего постоянного врага — правительства. Превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну — революцию.

Рабочие и солдаты! Преступление упускать время. В наших руках лучшая жизнь — свобода и право. Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир и свободу.

Довольно крови за врагов своих!
Долой самодержавие!
Да здравствует революция!
Да здравствует демократическая республика!
Комитет «Тверской группы» РСДРП

Как видите, стилистические и грамматические погрешности остались. На них указывал потом и прокурор в своей обвинительной речи. В листовку вкралась фраза: «Будем сплотняться» вместо «сплотимся».

Я лично связи с интеллигенцией не держал, мне было это запрещено. Связь с ними поддерживали тт. Мулап и Гульбис. Поэтому я не могу привести здесь все подробности переговоров, а также лиц, с которыми они имели дело. Я все узнавал с их слов. Но, судя по тому озлоблению, с которым они возвращались после бесплодных разговоров, следует сказать, что разброд мысли в этой среде был отчаянный,

[1] Грамматическая ошибка, на которую сослался на суде прокурор, указывая, что эта работа не русских людей.

нерешительность поразительная. Было из-за чего возмущаться.

В это время мы узнали, что в Москву приехал старый твердый партиец - областник Фома. Мы решили обратиться к нему и с жалобой и за советом. Но Фома (Смирнов А. П.) успел выехать из Москвы, пока мы добивались связи с ним, и мы остались снова предоставленные самим себе. Но на этом мы не успокоились. Через тов. Цивцивадзе мы узнали о существовании тов. Вячеслава Михайловича Скрябина (Молотова). Стали разыскивать его. Он оказался уже за решоткой в Таганской тюрьме, так что рухнул и этот план. Все же связь со студенческой группой установили, но не надолго. Помешал арест нашей группы.

И. Цивцивадзе.

6. Связь с Харьковом, Самарой, Иваново - Вознесенском и Петроградом

Использование печатного слова поставило нашу группу на довольно видное место. Нами заинтересовались не только охранка, но и вся Москва и провинция. Разбросанные с начала войны по всей России тов. Богоявленский, Наумов и др. успели связаться с местными организациями и, узнав о нашей работе, стали искать связей с нами. Тов. Богоявленский направил к нам из харьковской организации студента (фамилию и кличку забыл) с заданием связаться с нашей группой, дать нам связи с московским областником Романовым и передать нам заказ на отпечатание листовки. Ввиду скудной техники мы такого заказа принять не могли, но зато согласились дать наши листовки.

Харьковцы настаивали, чтобы, по крайней мере, была подпись харьковской организации. Мы люди не гордые и на это согласились. Листовку «Тверской группы» выпустили от имени харьковской организации, поскольку харьковцы с текстом были согласны. Это для нас особой трудности не составляло: сменили подпись в наборе и оттиснули лишнюю тысячу экземпляров. Потребовалось лишних пять часов работы.

Через харьковского товарища я получил связь с областником Романовым. Но я долгое время не пользовался этой

связью, пока сам Романов не пришел ко мне. Но об этом потом.

Скоро из Харькова прибыл другой товарищ из профсоюза сапожников — Георгий. Он дал связь с Харьковым, Самарой и Питером, куда он перебирался на работу.

Харьковцы имели связь с Самарой и обещали переслать туда часть наших листовок, а потом установить постоянную связь Самары с Москвой.

В то же время к нам приехал из Иваново-Вознесенска тов. Наумов и благодаря прежнему знакомству обратился прямо ко мне за связями и советом. Ему от местной организации была дана явка к тому же провокатору Романову, который должен был решить важный вопрос: пойти ли на восстание в Иваново-Вознесенске. Этот матерый провокатор не решился дать ответа без начальника московской охранки, жандармского полковника Мартынова, а последний тоже не решался дать ответа без своего начальства. Завязалась переписка, которая длилась неделю. А Иваново-Вознесенск требует срочного ответа. Рабочие волнуются, и каждую минуту можно ожидать неорганизованного взрыва.

Тов. Наумов, потеряв надежду добиться чего-нибудь у Романова, обращается к нам. Мы сначала отмахиваемся от этого вопроса: нам ли, незначительной группе, решать вопрос о восстании. Но Наумов настойчив, он хочет получить, в крайнем случае, хотя бы совет. Мы высказываем свое мнение: «Сейчас не время для вооруженного восстания, не следует разбиваться по частям и поддаваться провокации».

Но этого мало. Он требует агитатора. Кому же ехать? Я не могу бросить технику, другие неважно говорят по-русски и вообще плохие ораторы. К тому же все заняты, службы бросить не могут. Пусть Романов даст человека.

Но Романов человека не дает. Он уже успел получить директиву Мартынова — отговорить от восстания. Верхи испугались последствий провокации. Чего доброго, восстание из Иваново-Вознесенска перекинется в другие рабочие центры.

В конце концов мы уполномочиваем Наумова выступить от имени нашей организации. Но Наумов хочет получить и листовки. Снова, по старому набору, но уже за подписью Иваново-вознесенской организации печатаем лишнюю тысячу листовок и направляем их с тов. Наумовым в Иваново-Вознесенск. Он уезжает в надежде, что за ним сейчас же поедет человек от Романова и доставит дополнительную партию листовок.

На следующий вечер я отправляюсь к Романову, чтобы передать листовки, и тут, в его мастерской, в Грузинах, узнаю, что в Иваново-Вознесенске рабочие вышли на улицу и

что полиция и войска по ним стреляли. Может быть, и Наумов с нашими директивали опоздал?.. Ответ на это нам дает нижеследующая записка полковника Мартынова департаменту полиции.

№ 292245
10 августа 1915 г.
г. Москва

Сов. секретно
По Росс. С.-Д. Р. П.
записка № 122

Агентура «Пелагея». 7 августа 1915 года.

1) В департамент полиции. 2) В доклад г. градоначальнику (отм.: Ганько — продолжать разработку).

В г. Москве недавно сорганизовалась с.-д. группа, в которую первоначально вошли исключительно латыши, но затем им удалось связаться с рабочими некоторых заводов Пресненского и Бутырского районов, а также с марксистскими группами Лефортовского района и примиренческой.

В настоящее время латышская группа присвоила себе наименование «Тверской группы», насчитывает до 60 человек и имеет свою технику — подпольную типографию, на которой печатаются листовки.

В конце июля ею (латышскою группой) была выпущена листовка под названием «Что делать», а вчера вышла из печати, но еще не получила распространения новая листовка, озаглавленная «Товарищи рабочие и солдаты» (500 экз. листовок прилагается).

Группа эта имеет связь с Харьковом и Самарой.

Во главе группы стоит комитет, одним из наиболее видных членов которого является заведующий чайным буфетом столовой Сельскохозяйственного института, латыш, приметы коего: 33—35 лет, выше среднего роста, широкоплечий, блондин, волосы острижены под польку, средней величины усы, небольшая бородка клином, носит русскую рубаху, ленточкой пояс и синие диагональные брюки [1].

На-днях в Москву приезжал из Харькова по партийным делам и виделся с некоторыми представителями латышской «Тверской группы» не известный, партийная кличка «Георгий», приметы коего 20—22 г., среднего роста, брюнет, чуть пробивающиеся усики, бороды нет, носит черную рубаху, черный костюм и соломенную шляпу. В текущем году он арестовывался в Харькове три раза, при чем был арестован и 1 мая; в один из своих арестов он содержался вместе в Валерианом Оболенским. (Сообщить нач-ку харк. губ. упр. и нач. петр. охр. отд.).

Из Москвы «Георгий» предполагал ехать в Петроград, но с какой именно целью — неизвестно.

Перед отъездом из Москвы «Георгий» виделся с приехавшим на-днях из Самары, неизвестным по фамилии, с.-д. партийным работником, также связанным с «Тверской группой».

(Сообщено н-ку самарск. губ. жанд. управл.).

Этот самарец ездил по партийным делам в гор. Иваново-Вознесенск, откуда вернулся в Москву сегодня, а завтра уезжает опять в Иваново-Вознесенск, куда повез выпущенные «Тверской группой» листовки.

По его словам, в июле в Иваново-Вознесенске состоялась районная с.-д. большевистская конференция с участием представителей с.-д. групп из Тейкова, Гольчихи, Родников, Кохмы и Иваново-Вознесенска, на которой был избран комитет, присвоивший себе наименование временного областного комитета; на этой конференции был вынесен ряд резолюций, которые прилагаются.

[1] Это он описывает меня.— *Л.*

Помимо этой конференции, в Иваново-Вознесенске же состоялся затем ряд собраний, на которых было решено, что так как экономические забастовки зачастую не достигают цели и что улучшения условий труда можно достигнуть только при демократическом образе правления, повести широкую агитацию за необходимость, путем вооруженного восстания, свержения настоящего правительства и учреждения демократической республики.

Для агитации за вооруженное восстание, приурочиваемое к 8 или 9 сего августа, были командированы особо уполномоченные лица в некоторые города Поволжья и Центрального Промышленного района, при чем из некоторых мест будто бы уже получено согласие примкнуть к восстанию, если таковое начнется.

Хотя, конечно, о вооруженном восстании, в полном смысле этого слова, серьезно говорить нельзя, так как этот вопрос во многих местах и, например, в таком рабочем центре, как Москва, даже и не поднимался, тем не менее возможно, что иваново-вознесенцы, в виде пробы, попытаются устроить в указанное выше время демонстративное выступление и пойти на открытое столкновение с полицией.

Вопрос о выступлении окончательно должен вырешиться 8 сего августа на массовке, на которую и едет самарец.

Следует отметить, что иваново-вознесенцы, проектируют демонстративное выступление, преследуют исключительно политические цели и не предполагают пред'являть каких-либо экономических требований.

Приметы самарца 20—22 л., среднего роста, среднего телосложения, продолговатое лицо, черные усики, бороды нет, одет: белая вышитая рубаха, белый пиджак, черное летнее пальто, кепка и сандалии.

Начальник отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве полковник Мартынов.

Следует отметить, что этот рапорт воспроизводит картину достаточно выпукло, даже лучше, чем это у участников дела сохранилось в памяти. Нехватает только данных о прежнем периоде деятельности группы, о котором провокатор не мог ничего знать.

Приехавший представитель иваново-вознесенской организации получил явку у того же Романова. Отсюда за ним поехал шпик и передал его под надзор иваново-вознесенской охранки. Здесь в свою очередь его с литературой встретил Чугунов, потом тоже оказавшийся провокатором.

Для характеристики этого момента привожу рапорт Мартынова к вице-директору департамента полиции Васильеву.

Совершенно доверительно.

М. В. Д.
Начальник отделения по
охранению общественной
безопасности и порядка
в г. Москве.
3 сентября 1915 г.
№ 292444.
г. Москва.

Его превосходительству
Алексею Тихоновичу Васильеву,
вице-директору департамента
полиции.

Как мне стало известно, бывший товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов свиты его величества генерал-майор Джунковский при проезде своем через Москву выразил

московскому градоначальнику предположение о слишком большой близости секретной агентуры вверенного мне отделения к деятельности социал-демократической организации в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губ., связывая происшедшие 10 минувшего августа в названном городе события с этой близостью моей агентуры.

Ввиду этого считаю необходимым доложить вашему превосходительству нижеследующее:

6 августа, по поручению иваново-вознесенской с.-д. организации в Москву приехал неизвестный по фамилии с.-д. партийный работник — «большевик», впоследствии оказавшийся кр. Грязовецкого уезда, Панфиловской волости, д. Ломка, Валерияном Николаевым Наумовым, прибывший в город Иваново-Вознесенск как будто бы из гор. Самары только в начале минувшего августа месяца.

В Москве он вел переговоры с членом фактически не существующего областного бюро Центрального Промышленного района Р.С.-Д.Р.П., известным вашему превосходительству Т. О. Романовым (следует цифровой шифр о решениях, принятых на состоявшейся в гор. Ив.-Вознесенске районной конференции с.-д. большевистских групп Владимирской губ.), которому и передал прилагаемый при сем в подлиннике протокол собрания конференции (приложение № 1[1]).

Кроме того Наумов доложил областнику, что помимо состоявшейся конференции иваново-вознесенской с.-д. организацией было проведено несколько партийных собраний, на которых было решено, ввиду того, что экономические стачки, являющиеся мало действительным оружием в настоящее время, почти не удовлетворяют рабочих, попытаться поднять вооруженное восстание для свержения существующего государственного строя и замены его демократической республикой, при которой только и могут быть удовлетворены классовые стремления рабочих.

С этой целью, т. е. агитации за вооруженное восстание, по его же, Наумова, словам, из Иваново-Вознесенска были посланы специальные лица на Поволжье и в некоторые города Центрального Промышленного района, и что из некоторых мест даже уже получены уведомления о согласии примкнуть к восстанию, если таковое будет поднято.

Несмотря на то, что ответы были получены только из некоторых мест, иваново-вознесенцы решили поднять восстание 8—9 августа, рассчитывая видимо, что другие рабочие районы их поддержат.

Однако окончательно вопрос о восстании предполагалось вырешить в массовке 8 августа, на которую иваново-вознесен. настоятельно и просят лично приехать «областников», или, в крайнем случае, командировать соответствующее лицо.

Получив эти сведения вечером 7 августа, я немедленно об этом телеграфировал директору департамента полиции и нач. влад. губернск. жанд. управления.

Учитывая то же обстоятельно, что поездка «областника» может, с одной стороны, поднять настроение рабочих в г. Иваново-Вознесенске, а, с другой стороны, совершенно неправильно быть истолкована, мною были приняты агентурные меры к тому, чтобы на эту массовку не только не ездил областник, но и вообще никто из Москвы.

Кроме того мною была соответственно направлена агентура к временному оставлению в Москве Наумова, что и было сделано (Наумов уехал из Москвы только 8 августа).

Благодаря этому оставлению явилась возможность взять Наумова в наблюдение, и кроме того я рассчитывал, что, так как массовка была назначена на 8 августа, то из-за неприезда из Москвы областника и даже

---

[1] Приложение не получено.

самого Наумова, таковая массовка не состоится, и, следовательно, вопрос о демонстративном выступлении останется открытым.

Что касается листков издания «Тверской группы Р.С.-Д.Р.П.», которые привез с собою Наумов из Москвы в Иваново-Вознесенск 8 августа, на что указывалось и в агентурной записке, представленной в департамент полиции 10 августа за № 292 248, то таковые были получены им, Наумовым, лично от одного из членов Тверской группы Р. С.-Д. Р. П., с которой в то время «Пелагея» даже и не был связан, в чем может служить доказательством прилагаемое при сем в подлиннике (приложение № 2[1]) письмо харьковца «Георгия», оказавшегося по установке крестьянином Воронежской губ., Бирюченского уезда, Алексеевской волости и слободы, Георгием Павловичем Богдаенко, ныне находящимся в Петербурге.

Что Наумов был лично связан с «Тверской группой», видно не только из сведений, изложенных в указанной выше агентурной записке, но и из прилагаемой при сем копии записки нач. владимирского губ. жанд. управления от 25 августа за № 1 180 (приложение № 3), в коей говорится, что член с.-д. фракции Государственной Думы Туляков, посетивши Иваново-Вознесенск, предполагает выехать в Москву, при чем у него имеется явка: Петровско-Разумовское, чайная сельскохоз. института, спросить «Деда», он же буфетчик[2].

Эту явку Туляков получил в Ив.-Возн., и таковая ему могла быть дана кем-либо из членов ив.-возн. с.-д. организации, с которой Наумов находился в непосредственной близости.

Явка эта (явка «Тверской группы») совершенно таковая же, как и полученная «Пелагеей» от «Георгия» — Богдаенко, видевшегося в Москве с Наумовым и сообщившего эту явку «Пелагее» (т. е. Романову), перед самым своим отъездом в Петербург, совпавшим с отъездом Наумова в Ив.-Возн., когда им уже были получены листовки. Из этого явствует, что «Пелагея», не будучи сам в то время связан с Тверской группой, не мог, конечно, связать с ней и Наумова, фактически уже связанного ранее.

Из всего вышеизложенного, ваше превосходительство, можете судить об отношении «Пелагеи» к иван.-возн. с.-д. организации и о происшедших там 10 августа событиях.

Считаю также долгом доложить вашему превосходительству, **что «Пелагея», являющийся в настоящее время единственным членом «областного бюро» Центрального Промышленного района, за последние 2 года не совершил ни одной поездки по области, каковые мною небыли допущены во избежание каких-либо нареканий со стороны местного жандармского надзора, хотя я прекрасно и сознавал, что такая полная бездеятельность «Пелагеи», занимающего видное положение в партии, может крайне вредно отразиться на его осведомленности, а следовательно, и на осведомленности отделения. Вашему превосходительству известно, насколько ценен «Пелагея» как сотрудник, не раз освещавший происходившие за границей созываемые центральным комитетом Р. С.-Д. Р. П. совещания партийных работников, находящихся в непосредственной близости с такими видными с.-д. большевистскими деятелями, как Ленин, и др., и еще в совсем недавнее время давший сведения, по которым была в конце минувшего года арестована под Петербургом, в дачной местности Озерки, социал-демократическая конференция, с участием членов с.-д. рабочей фракции Государственной Думы**[3].

Однако, постоянно уклоняясь, согласно моих указаний, от поездок по партийным делам, несмотря на неоднократные приглашения иногородних

---

[1] Приложение не получено.
[2] Кличка перепутана. Следовало сказать: «Дядя».—*Л.*
[3] Подчеркнуто мною.—*Л.*

с.-д. организаций и от мало-мальски активной деятельности, «Пелагея» возбуждает против себя крайнее неудовольствие партийных работников, которыми поднят вопрос о необходимости порвать с ним связи ввиду как бы полной индиферентности его к делам партии, и даже известная департаменту полиции Мария Ильинична Ульянова (сестра Ленина) в настоящее время подыскивала ему заместителя.

Таким образом, в дальнейшем при отстранении от звания членов «областного бюро» «Пелагеи», отделение потеряет ценного сотрудника, почему я и прошу ваше превосходительство не отказать дать по этому вопросу соответствующее указание.

Пользуясь настоящим случаем, прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

О том, что, собственно, произошло в Иваново-Вознесенске, сообщает телеграмма управляющего Владимирской губ. Ненарокова:

«10 августа семь с половиной часов вечера в Иваново-Вознесенске против толпы рабочих до 4 000, желавших самовольно освободить арестованных товарищей, были вызваны войска для ограждения арестантской; из толпы были брошены солдатам камни, и раздались выстрелы после троекратного увещания командующего войсковой частью прапорщика о том, что он откроет огонь, агрессивные действия толпы не прекращались, почему войсковой частью был произведен залп. В результате убито 16 и ранено около тридцати, толпа рассеялась, раненым оказана помощь в местных больницах, об этом телеграфировано министру, сегодня днем еду Иваново № 352 управляющий губернией Ненароков».

Как рапорт Мартынова, так и доклад Романова сходятся с действительностью в вопросах об иваново-вознесенских настроениях и событиях.

Тов. Наумов приехал в Москву за советом, — устраивать им вооруженное восстание или нет. Мы ему настрого наказали настоять, чтобы этот несвоевременный шаг не был сделан. Оказалось, что «областник» Романов («Пелагея») по приказу Мартынова, тоже запретил устраивать вооруженное восстание, но, конечно, уже по совершенно другим соображениям.

Так как Романов отказался ехать в Иваново-Вознесенск (тоже по совету Мартынова), а мы людей дать не могли, то облекли полномочиями того же тов. Наумова. И он поехал, как теперь выяснено, под «охраной» шпиков, напущенных Романовым.

Стечением обстоятельств «Тверская группа» начинает занимать центральное место и как бы заменять в некоторой части распыленную московскую организацию. Это нас и радует и пугает. Шутка ли, держать связь с Харьковом, Иваново-Вознесенском, Самарой и Петербургом, и не просто держать связь, а обслуживать.

Это заставляет нас поднять вопрос о связи со всеми группами московской организации, о созыве московской го-

родской конференции для избрания московского комитета и выработки общих мероприятий.

За это время у нас установлена связь с портными, печатниками, железнодорожниками, торговыми служащими, студентами и металлистами. Приступаем к организации конференции.

7. Провал

Стремление связаться с остальными частями московской организации дало и хороший и плохой результаты. Мы связи получили, но в большинстве случаев через провокаторов.

С торговыми служащими нам связь дали тов. Кизельштейн и харьковцы. И тот и другие связали нас с ними через провокатора Поскребухина. Последний держал себя так ловко, что тов. Мулап, которая с ним поддерживала связь, была от него в умилении. Потом уже оказалось, что этот милый «папаша» все передаваемые через него листовки направлял охранке. С металлистами связь поддерживал тов. Эд. Берзин, и он напал на провокатора Соколова. С печатниками связался тот же тов. Берзин и опять налетел на провокатора Николаева.

Я связался с единственным уцелевшим от ареста областником Романовым — тоже провокатором.

После всего этого приходится удивляться, как это мы так долго держались. Об'яснить это можно только хорошей конспирацией. Среди наших членов не было никого, кто выдал бы свою принадлежность к партии своей наружностью. А ведь этим в то время очень многие страдали — или наденет черную долгополую накидку, или отрастит волосы по плечи, а то щеголяет в черной рубашке с красным поясом.

К тому же в нашей среде не было никого, кто любил бы хвастать своей партийностью и своим положением в группе. При встречах с представителями других групп все ссылались только на свою связь с партийцами, отводили себе самое малозначащее место. Притом все умели скрывать свои квартиры и заметать следы, колеся после свиданий по городу.

Это, с одной стороны, заставляло провокаторов выждать, чтобы добраться до нашего центра, с другой — приложить усилия, чтобы пронюхать квартиры. И то и другое давалось им с большим трудом.

Наше подпольное существование становилось все более затруднительным. В первых числах сентября мы спешили с выпуском пятой листовки. Работали всю ночь напролет. Окно моей комнаты было занавешено, но к утру мы обнару-

жили, что из противоположного дома нашу ночную работу заметили. Гостившая у домохозяйки женщина, высунувшись в окно, пристально смотрела в наше окно и приговаривала: «Что это они всю ночь там делают? Прикрыли даже окно. Всю ночь, всю ночь, как есть».

Такое замечание вывело нас из равновесия. Раз на нас обратили внимание, значит, надо быть на-стороже. Но прежде чем горячиться и сниматься с места, необходимо произвести разведку.

За это дело взялся я. Я должен был пройти парком в институт и по дороге «пронюхать воздух», переговорить с хозяйкой и узнать, что она про нас думает.

В дороге все спокойно, но вот хозяйка озадачивает меня вопросом: «Что это вы, Мартын Иванович, сегодня такой бледный? Что нибудь случилось? И встали так рано».

А глаза у нее хитрущие.

Нет, тут уже дело неладно. Надо типографию отсюда убрать. И мы в тот же день переносим в несколько приемов набор и прочее в квартиру тов. Грунта на Петровскоразумовские выселки.

Какой-то велосипедист кружит около нас, но в общем все спокойно. Ночью продолжаем работу в квартире тов. Грунта. Работаем в две смены: в первой Грунт и Мулап, во второй — я и Берзин. Работу прошлой ночи тов. Мулап относит в город торговым служащим, к Поскребухину. Уже поздно вечером она возвращается обратно и заменяет в работе тов. Берзин, который отвозит в город вторую партию листовок к металлистам. Мы работаем до 12 часов ночи. Работа собственно закончена, но набор оставляем в нерассыпанном виде. Сначала появляется мысль убрать набор из квартиры, но потом отказываемся от этой мысли: неужели в первый день работы может быть какая-нибудь опасность?

Мулап остается ночевать у Грунта, я ухожу домой уже к часу ночи. От усталости и бессонной прошлой ночи засыпаю на месте.

Вдруг слышу сквозь сон, что кто-то стучит в ворота. Открываю глаза: только что светает. У ворот все стучат, и мне слышится, как будто кто-то выкрикивает мою кличку «Дядя».

Накидываю плащ и быстро сбегаю вниз. У ворот стоит жена тов. Грунта с перекошенным лицом. Она встречает меня гробовым голосом: «Все кончено, Дядя, все кончено».

От одного появления ее я чувствую, что произошло. Но почему она в таком случае здесь, на свободе?

Оказывается, ее оставили с грудным ребенком, не имея указаний свыше арестовать всех, и забрали только Грунта.

и Мулап. Обнаружили набор, оттиски и другие принадлежности. Словом, поймали с поличным. А Соня (жена Грунта) прибежала меня предупредить и спросить совета и помощи.

Я советую ей немедленно с'ехать с квартиры, пока не пришла полиция за ней, и укрыться в городе. Обещаю через пару часов достать паспорт и передать его в столовую института.

Она уходит. Я берусь за уборку комнаты. Арестовали ведь только набор, а все запасы у меня в квартире. На дворе утро только брезжит, идет мелкий дождик, почему прохожих еще не видать. Я выношу в два приема все принадлежности типографии в лес и зарываю в землю. По забору отмечаю направление этого места, отсчитываю число шагов от сосен и дороги, чтобы найти его, когда потребуется и когда обстоятельства позволят.

Но комнату привести в порядок нелегко. То-и-дело между половицами виднеется упавшая буква, пол испещрен краской, весь воздух пропитан запахом краски. Наконец, все убрано. Я забираю в узелке необходимое белье, говорю хозяйке, что на несколько дней уезжаю погостить в город, и направляюсь в институт.

Здесь беру один из паспортов прислуги, хранящихся у администрации, передаю его Соне, а сам приступаю к обычной работе по буфету.

Но и здесь уже чувствуется тревога. Об аресте Грунта уже знают. Он ведь заведывал студенческой лавочкой, как же не знать о причинах его отсутствия. Мне важно узнать, случайный ли это арест, или результат слежки, и не снуют ли здесь шпики.

Не успел я осмотреться, как ко мне подходит председатель хозяйственной комиссии тов. Катанский и дружески говорит: «Тут какие-то суб'екты спрашивали о тебе. Тебе бы лучше скрыться».

Я его стараюсь уверить, что это пустяки, что это, наверное, из-за совместной службы с тов. Грунтом. Но ясно, что он этому мало верит. Условливаемся, что мне выдадут жалованье вперед, подыщут паспорт, и я отправляюсь в город узнать о судьбе остальных товарищей.

Оказывается, что в ту же ночь арестован и тов. Берзин. Значит, арест у тов. Грунта не случайный. Наверно, кто-нибудь выследил тов. Мулап, которая по своей близорукости слежку не приметила и привела шпиков к квартире Грунта, а я ушел в тот момент, когда шпиков нехватило, и меня никто не заметил.

Этот провал был большим ударом по группе. Не столько нас ударил арест типографии, сколько потеря связей с мо-

сковской организацией. Типографию я мог восстановить в течение двух-трех дней, так как все осталось в запасе, но раздобыть связи, которые держали Мулап и Берзин, было трудно.

А между тем хотелось бы показать, что этот арест ничуть не сокрушил нашей мощи. Это можно было сделать немедленным выпуском листовки. Но у меня не имелось квартиры. Устроиться у членов нашей группы было рискованно. Надо было поискать что-нибудь понадежнее.

И я решил отыскать Поскребухина. Я знал тов. Викмана, а он должен был знать Поскребухина. Мои предположения оказались верны. Через пару дней я уже имел свидание с Покребухиным, который как-то обещал Мулап денежную помощь на расширение типографии.

Я обратился к нему с просьбой указать квартиру, чтобы я мог немедленно выпустить новую листовку. Он одобрил мое намерение, обещал деньги и квартиру, а я ушел с сияющим лицом. Меня встревожило только поведение двух субъектов в Александровском саду, где состоялось наше свидание. Они вели себя точь-в-точь, как шпики, только уж очень неуклюже. Я счел нужным покружить по городу, чтобы замести следы, и поехал ночевать в сокольнический лес, служивший мне в последующие две недели основным убежищем.

8. Попытки созвать московскую конференцию

Поскребухин водил меня за нос. Это я чувствовал и негодовал. Я категорически потребовал связи с другими группами, и он меня наконец свел с тов. Кизельштейном. Из разговоров с ним я уяснил, что он не совсем доверяет Поскребухину и помимо него создает организационное бюро по созыву конференции. Поскребухин меня все кормил завтраками: «В субботу в Сокольниках будет собрание представителей всех групп, там познакомитесь». Но этой субботы я так и не дождался. К Кизельштейну сердце не лежало потому, что он водил нас за нос с листовкой. Я расценивал его как интеллигента, который не способен на решительные действия. Но так как от Поскребухина я не добился ничего, то решился пойти на большее сближение с Кизельштейном.

Условились о созыве организационного бюро в начале сентября. Местом встречи было избрано Девичье поле. В назначенный вечер нас собралось только трое: Кизельштейн, Яхонтов и я (Коссиор где-то застрял). Днем созыва конференции наметили 22 сентября.

Для меня так и осталось невыясненным тогда, кого об'единяет Поскребухин и кого группа Кизельштейна. Но мне

важно было скорее организовать Московский комитет, чтобы получить возможность возобновить работу типографии.

Я за типографию держался цепко. Кизельштейн хотел прибрать ее к рукам — передать Московскому комитету, вновь создаваемому. Я этого боялся, так как плохо верил в конспирацию русских товарищей. По этому вопросу у меня с тов. Кизельштейном был горячий спор, но я остался на своем. «Дайте средства, типография заработает, а где — это не ваше дело».

Московская организация, несомненно, оживала. В это же время, когда мы были заняты организацией конференции, велась усиленно работа по созданию рабочей печати в Москве. 22 августа было созвано организационное собрание на Самотеке в квартире Карпункова. Организатором был тот же Поскребухин. Я присутствовал в качестве представителя «Тверской группы». В комнате собралось народу человек до 15. Председателем наметили тов. Василия Сахарова. В порядке дня стояли два вопроса: о легальной рабочей газете и о центральном бюро беженцев.

Было сделано сообщение об организационных шагах к изданию легальной газеты и о средствах, поступивших на эту цель.

Я потребовал поставить на обсуждение принципиальный вопрос: создавать ли легальную или нелегальную газету, и выступил в защиту нелегальной газеты. Никто из выступавших меня в этом не поддержал. Голосовал вместе со мной лишь представитель печатников Николаев, который потом оказался провокатором.

Мысль о создании нелегальной газеты пришлось отбросить. Вместе с этим появились и сомнения относительно поддержки для подпольной типографии: ведь все средства потекут в легальной прессе. Обескураженный, я пытался действовать самостоятельно и в тот же вечер условился встретиться с печатником Николаевым 6 сентября у Преображенской заставы.

Совещание о легальной газете лишний раз убедило меня в правильности моей оценки: московские партийцы заболели легализмом. Как ни тяжело было после провала, когда из строя выбыли самые активные работники, однако пришлось действовать самостоятельно, чтобы не потерять своего лица до конференции и чтобы проводить на ней свою линию.

Важно было выступить на конференции со своими резолюциями, поэтому я просидел над ними несколько дней и, заготовив, спрятал за подкладку пиджака. В то же время я стал собирать распыленные силы нашей группы. За лето из прибалтийских губерний приехало несколько старых партий-

цев, которых необходимо было вовлечь в активную работу. Из них я уже знал тов. Стипнека (Алексис) и Альму Карловну Берзин.

13 сентября в Преображенской психиатрической лечебнице у Марты Карловны Берзин состоялось совещание по вопросу о восстановлении деятельности «Тверской группы». На это совещание был мною приглашен и печатник Николаев.

Прежде всего решили восстановить типографию. В этом обещал свою помощь Николаев. Условились с ним, что он будет передавать шрифт через Наташу, которая работала в столовой университета Шанявского. Решено было также образовать два кружка ввиду притока партийцев из Прибалтики, устроить массовку и пригласить теоретика из русских товарищей. Наконец, наметили временное бюро на случай моего ареста или от'езда.

Берзин А.

Виды на типографию были хорошие. Жена тов. Грунта была на нелегальном положении. Она могла держать квартиру для типографии и работать. Дело стояло за небольшим — не было средств для найма самостоятельной квартиры. Рисковать так, как первый раз, после провала уже нельзя было.

Постепенно устанавливалась связь, и я решил до конференции созвать предварительное совещание. Днем созыва было назначено 19 октября.

В квартирах был страшный недостаток, и я решил действовать бесцеремонно, назначил совещание в квартире Э. К. Берзин без ее согласия, даже не предупредив ее об этом. Она работала до поздней ночи, а мы могли к ее приходу закончить собрание.

Явка все же была дана у Александровского вокзала.

Словом, дело кипело, и мы были готовы встретить конференцию во всеоружии.

Массовка была назначена на 12 сентября в лесах Петровской сельскохозяйственной академии, за Соломенной сторожкой. Патрули были расставлены в трех местах в целях предосторожности. Народу собралось до 70 человек. Докладчиком выступил Станислав Вольский. С ним меня свел опять тот же Поскребухин через свою жену, работавшую в Златоустинском переулке.

Вольский выступил с двухчасовым докладом, в котором обрисовал международное положение. Ничего нового он, конечно, для большинства из нас не сказал. Но факт массовки, да еще сравнительно большой и немедленно после ареста, был сам по себе весьма показательным. Активность масс нарастала, партия численно росла. Смена выбывшим из строя имелась. Но массовку довести до конца не удалось. Полиция все же нас проследила. Наши патрули известили о приближении городовых. Мы немедленно рассыпались по лесу, и никто из нас арестован не был.

Вольского арестовали в городе вскоре после его выступления на нашей массовке. Удружил тот же Поскребухин.

Но массовка, видать, встревожила охранку: шпики стали попадаться на каждом шагу. В столовую Шанявского уже нельзя было показываться, ибо окружали в буквальном смысле слова. Да как не встревожиться: после ликвидации типографии, из'ятия активных работников, происходят такие сравнительно значительные массовки! Я лично чувствовал, что меня не избавят от ареста и мои ночевки в Сокольническом лесу. Надо было подумать о более надежном месте. Тов. Фома призывался на военную службу. Его место секретаря больничной кассы в «Электропередаче» освобождалось. Я собирался устроиться там. В связи с этим от'ездом необходимо было передать дела новым лицам, которых мы наметили еще на воскресном совещании в Преображенке. Я вертелся, как угорелый, и, естественно, все глубже запутывался в расставленных охранкой сетях.

9. Мой брат

Я решил до от'езда сделать еще один нажим на Поскребухина, чтобы получить деньги на типографию. Прошло ведь три недели, как он водил меня за нос. Новое свидание было назначено в субботу19 сентября на Театральной площади, в 2 часа дня. На этот раз Поскребухин меня заверил, что квартира подыскана и рублей 45 он даст деньгами денька через два. Я этим «завтракам» мало верил и ушел неудовлетворенным. Отсюда я должен был поспеть на Курский вокзал, чтобы получить деньги от Марты Карловны Берзин и проводить в «Электропередачу» жену тов. Винтина, которая должна была подготовить мне службу. Мне важно было условиться и насчет способов передвижения, так как я собрался во вторник ехать туда же, как только кончится конференция. В те дни в Москве была трамвайная забастовка, и передвигаться пришлось пешком.

От Курского вокзала я должен был еще поспеть к 6 часам вечера в Грузины, где было назначено совещание.

Марта Карловна где-то задержалась, а без нее уходить мне нельзя было — за душой не было ни гроша. Дождавшись ее и получив 30 рублей из денег, которые я давал ей в былые дни, я поспешил в Грузины. Я летел с большой быстротой и только у Политехнического музея умерил шаг, чтобы уничтожить письмо, имевшееся при мне.

И вдруг, когда я уже был совсем близко у цели, на Кудринской меня схватывают двое шпиков. Я пробую вырваться, но безуспешно; мы находимся против участка, и городовые подбегают на помощь.

При мне только открытка, адресованная Марте Карловне Берзин для меня. Открытка из Ленинграда, написана эзоповским языком. Эту открытку мне тов. Берзин только что передала. Какого чорта я ее по дороге не уничтожил! Ведь теперь обыск у нее неизбежен. Кроме открытки, при мне находят книжку Тетмайера «Бездны» и больше ничего — ни лоскутка.

Не успел я обзавестись новым паспортом, и приходится называться прежним именем. Через полчаса меня на извозчике направляют в охранку. Там допрос, и через двое суток я — во 2-й арбатской части.

Меня вводят в камеру, в которой сидит рабочий — поэт Чунин или Чурин. Я предоставляю его поэзии, а сам ломаю голову, как передать связи живущим на воле.

И вдруг вечером к нам вводят нового собрата. Каким-то чутьем я опознаю в нем того самого представителя, который не смог явиться на совещание на Девичьем поле. Слово за слово, намек за намеком — и мы уже знакомы. Он оказывается Станиславом Коссиором. А наутро новый сюрприз: к нам вводят тов. Кизельштейна.

Вот вам и конференция, только в арбатской части.

Видать, кто-то поработал на славу. Оказывается, их арестовали накануне конференции. Ясно, что тут не без провокации. И мы начинаем распутывать сложную нить. Вспоминая все свидания, я определенно указывал на Поскребухина. Кизельштейн говорит то же, и тов. Коссиор в том мало сомневается.

Все же прежде чем писать на волю, надо проверить все наши подозрения, и мы пока воздерживаемся от об'явления Поскребухина провокатором.

В связи с трамвайной забастовкой в Москве то-и-дело происходят стычки с полицией, и арбатская часть переполняется народом. Чтобы разгрузить часть, нас постепенно переводят в Таганку.

Если до этого у меня теплилась слабая надежда попасть на волю, то теперь гаснет и эта надежда. Вещественных до-

казательств нет, но там все известно благодаря провокаторам.

В Таганке нас размещают по разным камерам, но на прогулках я встречаю Станислава Вольского, Грунта, Берзина.

Во второй месяц нашего пребывания в Таганке стали приводить всех старых знакомых: Менцицкого, Канделаки, Гульбиса. От последнего мы узнали об укреплении образовавшейся на месте «Тверской группы» новой «Северной группы» и об аресте Наташи и Берзиных.

Теперь мы располагали достаточными данными, чтобы обвинять Поскребухина провокатором, и сообщили об этом на волю.

Прошло уже два месяца после ареста, а обвинение мне еще не было предъявлено и даже вторичного допроса не было. Я стал требовать освобождения согласно закону, а товарищи стали на меня коситься: неужели освободят? Тогда и ко мне надо отнестись с подозрением. Но кончилось все это очень просто: через неделю пришло предписание департамента полиции держать меня дольше.

Я немного приуныл, а остальные облегченно вздохнули: подозрениям не осталось места. К делу привязать меня никак не удавалось, и я чувствовал, что мне грозит административная высылка.

Но слепой случай чуть не спутал все расчеты.

Из воли мне знакомые принесли передачу и среди прочих вещей мой бархатный пиджак. Обрадовавшись передаче, я верчусь по камере волчком и вдруг чувствую, что в пиджаке что-то шуршит. Значит, письмо с воли. Начинаю щупать и обнаруживаю за подкладкой резолюции, написанные моей же рукой для конференции. Побледнев, гляжу в волчок: не следят ли за мной. Но волчок закрыт. Разорвав, бросал в парашу резолюции московской конференции. Вот легкомыслие: передать вещи, не обыскав карманы!

Поверхностный осмотр передачи надзирателями на этот раз меня избавил от каторги.

Я здесь говорю «избавил от каторги», потому что только отсутствие вещественных доказательств помешало включить и меня в судебный процесс. Как видно из дел охранки, она имела подробную информацию о роли всех работников «Тверской группы» и о ее работе.

В отношении меня были сделаны попытки поймать с поличным при организации второй типографии, но этот номер не прошел. Пришлось ограничиться следующим постановлением:

1915 г., октября 19 дня, начальник отделения по охране общественной безопасности г. Москвы отдельного корпуса жандармов полковник Марты-

нов, рассмотрев произведенную переписку по исследованию политической благонадежности кр. Лифляндской губ., Вольмарского уезда, Розенбергской волости Мартина Янова Лацис, нашел:

Что названный Лацис, по проверенным наружным наблюдением сведениям за текущий 1915 год, принадлежит к Российской социал-демократической рабочей партии, являясь выдающимся по своей деятельности членом комитета и главным руководителем организовавшейся в гор. Москве весной текущего года «Тверской группы», и в качестве члена комитета этой группы участвовал в качестве представителя от нее на собрании профессиональных обществ, больничных касс, созванном 22 августа с. г. в квартире портного Корпункова, для обсуждения вопросов: 1) об издании в гор. Москве нелегальный соц.-демократической газеты большевистского направления и 2) о создании центрального бюро по оказанию помощи беженцам; что на собрании он доказывал необходимость для рабочих нелегальной газеты соц.-дем. направления, которая только и может определенно осветить создавшееся в связи с войной положение и указать рабочим путь достижения гражданских свобод, при чем утверждал, что пролетариату совершенно безразлично, победит ли Россия или Германия; что 23 августа с. г. он руководил очередным собранием комитета «Тверской группы» с участием представителей от типографского коллектива, на котором сделал доклад о провале части техники названной группы, раз'яснил, что этот провал не повлияет, однако, на выпуск листовок в будущем; что 30 августа с. г. представительствовал на массовке в лесу близ села Всехсвятского, где сделал доклад о деятельности «Тверской группы», а 3 сентября присутствовал как представитель названный группы в организованной комиссии по созыву общепартийной конференции и что как член комитета упомянутой группы принимал живое участие в подготовительных работах по созыву общегородской конференции местных соц.-демократических групп с целью избрания «московского комитета» и создания единой организации.

Принимая во внимание все вышеизложенное, постановил: переписку о Мартине Янове Лацис представить господину московскому градоначальнику с ходатайством о направлении ее господину министру внутренних дел для внесения таковой в особое совещание, образованное согласно ст. 34 положения о государственной охране, на предмет наложения на названных лиц административного взыскания, указанного в сведениях о них.

Полковник Мартынов.

Министерство внутренних дел
Департамент полиции.
По 5 делопроизводству.
21 декабря 1915 г.
№ 104929

Арестантское

Секретно.

Московскому градоначальнику

ПРИГОВОР

По рассмотрении особым совещанием, образованным согласно ст. 34 полож. о государственной охране, обстоятельств дела о нижепоименованных, заподозренных в принадлежности к Тверской группе Р. С.-Д. Р. П., господин министр внутренних дел постановил: 1) выслать в Иркутскую губернию под гласный надзор полиции кр. Лифляндской губ., Вольмарского уезда, Розенбургской волости, ус. Паутынь, Мартина Янова Лациса на 4 года, а 2) крестьянку Курляндской губернии, Гольдингенского уезда, Швардинской волости, Наталию Янову Страутман на 3 года и 3) крест. Лифляндской губ., Вольмарского уезда, Рындинской волости, ус. Кице, Марту Карлову Берзин; Венденского уезда, Рамкаусской волости, Яна

Францева Стипнека и Курляндской губ., Добленск. уезда, Анненбургской волости, Рудольфа Юрьева Гульбис (губернская тюрьма) подчинить гласному надзору полиции в избранном месте жительства, за исключением столиц, столичных губерний, местностей, об'явленных состоящими на военном положении, или входящих в район театра военных действий, а также фабричного района, на 3 года каждого.

За директора вице-директор (подпись).

Секретно.

В департамент полиции. Сообщается о высылке Берзин в город Харьков, а Стипнек и Гульбис — в г. Саратов.

За градоначальника помощник его Тимофеев.

Несмотря на то, что в последние месяцы «Тверская группа» была прямо осаждена провокаторами (Романов, Поскребухин, Соколов, Николаев, Чугунов), все же умение конспирировать предохранило большинство активных работников от включения их в общий судебный процесс. Перед судом предстали только трое: Берзин Э., Грунт Я. Я. (он же Тимошенко) и Крастынь Э. (Мулап).

Определением Московской судебной палаты Берзин и Грунт были присуждены к 4-летней каторге, а Крастынь к поселению в Сибирь.

Жена тов. Грунта избежала ареста благодаря оплошности полиции. На другой день после ареста она переехала в Москву и проживала под чужим паспортом. Попытки жандармерии ее разыскать оказались тщетными.

Несмотря на массовые аресты дело, начатое «Тверской группой», не заглохло. Еще до моего ареста «Тверская группа» выросла в «Северную группу».

До ареста мне удалось передать Э. К. Берзин ключ к отысканию закопанной мной типографии. Все это давало надежду нам, ссылаемым, что подпольная работа быстро восстановится.

Все же типографию пришлось раскопать мне самому уже после возвращения из Сибири. Уцелевшие части типографии были переданы Московскому истпарту.

П. Дельмин

О ПОДПОЛЬНОЙ РАБОТЕ «ТВЕРСКОЙ ГРУППЫ» РСДРП В МОСКВЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Начавшаяся империалистическая война 1914 года застала нас, московских большевиков, недостаточно организованными. Здесь в Москве мы не имели своего руководящего органа — Московского комитета партии; не было также никаких партийных органов, об'единяющих отдельные с.-д. кружки и группы по районам.

Однако разразившаяся война требовала решительных действий, требовала, чтобы голос с.-д. большевиков был услышан широкими массами рабочих и остальными трудящимися. Вследствие этого мы должны были изменить как содержание, так и методы своей работы — перейти от узкокружковой к широкой массовой работе. В то же время мы должны были проверить свои ряды, выявить точку зрения каждого члена наших кружков в отношении войны, решительно преодолеть оборонческие настроения, замечавшиеся у некоторых из наших товарищей.

Война меня застала в «коммуне» тов. Пылаева (Георгия). Эта коммуна образовалась таким порядком. Кто-то из наших товарищей весною 1914 г. нанял дачу в селе Крылатском, вблизи ст. Кунцево. Там первоначально поселились трое молодых большевиков — Пылаев Георгий, Богоявленский Михаил и Наумов Валериан. «Хозяином» дачи или старшим коммуны считался тов. Пылаев. Потом пригласили в коммуну меня и тов. Лациса. Кроме нас туда перебралось еще несколько человек, в том числе неизвестный еще тогда будущий поэт Сережа Есенин. Хотя Есенин в то время считал себя социалистом-революционером, но он и остальные молодые ребята, фамилии которых не помню (за исключением Николая Богоявленского, впоследствии ставшего коммунистом), фактически увлекались только революционной фразой и ничего не делали.

Село Крылатское в то время представляло собой как бы маленький очаг социалистов всех оттенков. Недалеко от нас в том же селе проживала еще одна коммуна, во главе с тов. Тихомировым Сашей. Мы с ними находились в постоянных спорах, ибо эта группа тянула в сторону ликвидаторства. Однако иногда кое о чем с ними совещались. Некоторые из них, напр., тов. Тихомиров, были против войны.

В самом начале войны мы в Крылатском созвали широкое совещание, на которое пригласили большевиков и идейно близких к нам товарищей из разных кружков и групп, чтобы выработать совместный план действий. Основным вопросом являлся вопрос об отношении к войне. Какие высказывались точки зрения, не помню, но характерно отметить, что меньшинство или отдельные товарищи строго подчинялись общему решению, которое резко осудило войну и высказалось за выпуск листовок против войны. По этому поводу начальник Московского охранного отделения в своей докладной записке писал:

«Незначительное число наиболее активных местных соц.-дем. решили использовать настоящий момент в партийных целях и решили повести среди рабочих и запасных агитацию против войны. С этой целью 20 июля (1914 г.) в селе Крылатском (близ Кунцева), на даче крестьянина Вологодской губернии, Грязовецкого уезда, Ростиславской волости, дер. Прокунина, Георгия Николаевича Пылаева состоялось собрание местных «большевиков», на котором было принято решение: «Ввиду того, что война находится в новом противоречии с воззрениями социал-демократии, необходимо заявить протест против войны и выпустить соответствующие листовки, в коих подробно осветить войну с точки зрения марксизма, указать призванным запасным и ополченцам, что настоящий момент является наиболее удобным для революционной работы в армии и что только путем социальной революции русский народ добьется давно жданных свобод, тесно связанных с грядущим государственным переворотом» [1].

Надо полагать, что выдержка, приведенная начальником охранки из нашего постановления, соответствует действительности. Под такими лозунгами на самом деле протекало совещание. Из лиц, присутствовавших на этом совещании, кроме упомянутых Лациса, Пылаева, Богоявленского и Наумова, помню только тов. Булина. Остальных, которых было еще около десяти человек, не помню. Могу лишь отметить, что было сравнительно много пожилых русских товарищей, которых я видел впервые.

Однако осуществить эти мероприятия нам не удалось — наша коммуна налетом охранки была разгромлена. Произошло это следующим образом. Скоро после этого совещания, возвращаясь из Москвы в Крылатское, я встретил в лесочке

---

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. I, стр. 65.

за Кунцевом тов. Лациса, который мне сообщил, что в нашей даче сидит засада, а тт. Богоявленский и Наумов арестованы. Обыск и арест были произведены днем, и благодаря этому мы остались на свободе; успел скрыться, кажется, также тов. Пылаев. Мы с Лацисом на даче не были прописаны, и нам поэтому свои следы удалось скрыть довольно легко. Мы остались в Москве. Арестованные тт. Богоявленский и Наумов через 2—3 месяца были высланы в Самару. Однако, как сейчас известно, слежка за нами велась уже давно, т. е. с момента овладения нами правлением о-ва взаимопомощи слушателей ун-та им. Шанявского, куда я был избран членом правления. По этому поводу в документах охранки говорится:

«В период минувшего (1913/14) учебного года среди слушателей университета им. Шанявского образовалась «межфракционная социалистическая» («оппозиционная») группа, которая, пользуясь своею относительной сплоченностью, добилась того, что на выборах в январе 1914 г. в правление и в состав различных комиссий и бюро труда общества взаимопомощи слушателей названного университета были в значительном количестве избраны члены упомянутой «социалистической» группы.

Поименованная группа состояла из представителей как с.-р., так и с.-д. групп и особо с.-д. литовско-латышской группы. В течение минувшего и с начала настоящего учебного года за деятельностью «социалистической» группы велось постоянное наблюдение, и получившиеся сведения были представлены в департамент полиции»[1].

При таких условиях, когда шпики охранки ходили за нами по пятам, когда в связи с арестами в Крылатском охранке удалось ясно установить, какие мы ставили перед собой задачи в отношении ведущейся войны, работать было крайне трудно. Кроме того, работе мешали также оборонческие настроения некоторых товарищей. Очень ярко по этому поводу вспоминается одно собрание в августе месяце 1914 г., происходившее в лесу за Преображенской заставой. Это собрание началось в 2 или 3 часа дня и затянулось до глубокой ночи, вследствие чего мы все остались ночевать в лесу. Обсуждался вопрос об отношении к войне, и здесь нам приходилось вести упорную борьбу с небольшой группой товарищей, возглавляемых тов. Лацисом, которые были против пораженчества. Эта идейная борьба велась так горячо, что некоторые товарищи забывали всякую конспирацию. Осо-

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. I, стр. 78.

бенно здесь отличались тт. Лацис и Крастинь Элла (Женя Егорова), которые продолжали горячо дискутировать этот вопрос даже в городе при посторонней публике и дома при открытых окнах. Но к чести пошатнувшихся товарищей необходимо сказать, что эта путаница ими скоро была изжита, и они с еще большей горячностью и энергией взялись за работу, направленную против ведения войны.

С началом учебного года (сентябрь 1914 г.) и в связи с войной заметно оживилась работа почти всех социалистических групп. Только меньшевики и часть «более солидных эсеров» (как они себя величали) оказались верными оборонцами. В стенах университета им. Шанявского появилась масса всяких листовок или просто от руки написанных воззваний и лозунгов, направленных против войны. Устраивались шумные обструкции черносотенным профессорам, открыто во время лекции собирались деньги в пользу заключенных и высланных революционеров и т. п. Все это порознь и совместно устраивали три группы: большевики, часть эсеров-пораженцев и анархисты (последних было 2—3 чел.).

К этому времени мы успели выпустить самостоятельно только одну листовку. Под каким названием и за какой подписью она вышла, не помню. Могу только отметить, что три или четыре экземпляра этой листовки у меня забрали при обыске и аресте в ноябре месяце в 1914 г. Полиция с обыском нагрянула ко мне довольно неожиданно, и дома у меня было не все в порядке. Произошло это следующим образом. Накануне моего обыска и ареста у нас в университете было какое-то очень бурное собрание, которое затянулось до 12 час. ночи. Во время собрания меня вызвал какой-то студент Рижского политехнического института, фамилию которого позабыл, и передал мне письмо от знакомого мне в Риге партийного товарища Апсит. На конверте была написана моя настоящая фамилия, а в письме этот товарищ обращался ко мне по кличке и просил меня принять этого студента, как стойкого большевика, в наш кружок. Я с вновь прибывшим товарищем познакомился, условился о встрече, а письмо положил в карман и впоследствии под впечатлением происходившего собрания о нем позабыл.

Придя домой, вместе с т. Меднисом, слушателем университета им. Шанявского, с которым мы проживали в одной комнате, мы сейчас же легли спать. Даже двери на крючок не закрыли, что аккуратно всегда делали. Я проснулся только тогда, когда меня разбудил околоточный. Спасти что-нибудь было уже поздно. Начался обыск. Нашли и прокламацию, нашли и письмо, но не читали. Забрали у меня не-

сколько книг, тетрадей и письма от родителей (около полсотни), которые я хранил на всякий случай, чтобы затруднять работу полиции. Во время обыска злополучное конспиративное письмо мне удалось втиснуть в середину остальных писем, которые лежали на столе, а отобранные прокламации кто-то вложил в одну из книжек. При составлении протокола прокламации почему-то в опись не попали, хотя околоточный и радовался при обнаружении их, а письма занесли в протокол просто общим подсчетом.

Я чувствовал, что попался основательно, и строил в голове всякие планы, как выкрутиться из создавшегося положения на допросе в охранке.

Меднис.

Привели меня в Сущевский полицейский участок. Там в коридоре под охраной городового уже сидел один из моих товарищей. Скоро стали приводить еще и еще. Последних прибывающих арестованных мы уже стали встречать громкими шумными приветствиями и возгласами. Создалось приподнятое настроение. Стало весело. В таком количестве, около 10—12 человек, мы уже чувствовали себя превосходно. Разместили нас сначала в двух камерах, и мы, утомленные бессонной ночью, легли на нарах немного заснуть.

Несмотря на очень скверные санитарные условия (нары, грязь, недостаток воздуха) в Сущевском полицейском доме, мы чувствовали себя очень бодро. Песни, шутки, политические дискуссии, изучение тюремного быта — занимали нас целиком. Коллективно сложили песенку по поводу нашего ареста и послали это стихотворение с первым освобождающимся от дежурства городовым на волю. Городовые у нас выполняли роль почтальонов, и это достигалось сравнительно легко; за полтинник, а самое большое за рубль городовые уносили письма и приносили ответы. Кстати сказать, в полицейском доме мы в этом особенно не нуждались, потому что каждая передача пищи или вещей приносила с собой нам целый ряд писем.

Спустя несколько дней нас перевели в большую общую камеру, где находились еще двое мне неизвестных политзаключенных. Некоторые товарищи из наших их знали, и они были вовлечены в общую нашу компанию. Полный список арестованных в ночь с 14 на 15 ноября 1914 г. шанявцев опубликован тов. Меницким [1]. Из них в Сущевский полицейский дом кроме меня попали еще следующие товарищи: Болдырев, Дедусенко, Китмиридис, Коковин, Монастырский, Прусс, Рутман, Степанищев, Цивцивадзе и Щетинский. Остальные, соответственно их местожительству, находились в других полицейских участках, а женщины были отправлены в женскую тюрьму.

Дня через три после ареста нас стали отправлять в охранку на допрос. В охранке, в ожидании вызова на допрос, меня поместили в маленькой комнатушке, стены которой были исписаны буквально от пола до потолка. Эти надписи были на всех языках и, прежде всего, являлись прекрасным наставлением, как себя вести на допросе. До сих пор помню немецкую надпись: «Habe zwei Ohren und kein Mund», что означает: «молчи, а больше слушай». Кроме того, в надписях давались всякие советы и делались предупреждения, напр.: «стены имеют уши» и т. п. Была масса революционных лозунгов и проклятий по адресу самодержавия и его приспешников, сообщения об истязании с указанием дат и фамилий, краткие данные о сроках отбывания в разных тюрьмах, о прохождении этапов, бесконечное число надписей, вырезанных в стене, фамилий, о прохождении охранки с указанием числа, месяца и года. Между прочим, я прочел на стене фамилию своего знакомого партийного товарища Стипнека.

Но долго сидеть там не пришлось. Вызвали на допрос. Седой, строгого вида чиновник, с лицом, похожим на средневекового инквизитора, одетый в мундир, украшенный позолоченной мишурой, встретил меня довольно корректно, но с тоном явного пренебрежения ко мне. Говорил, что знает о моей принадлежности к «анархо-большевистской группе», и предлагал подробно рассказать о работе этой группы. Я со всей искренностью ответил, что о такой группе слышу впервые от него, а поэтому ничего сказать не могу. Спросил о моих политических убеждениях. Я ответил, что разделяю точку зрения Карла Маркса, учение которого мы разбираем в университете. Далее спрашивал о выпущенных в университете листовках. Я от всего отказывался. Наконец, язвительно заявил, что ему хорошо известно о той работе, которую мы

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. I, стр. 80.

ведем в пользу Германии, и что с нами рассчитаются, как со шпионами. Предлагал во всем сознаваться. Я ответил, что его вопросы мне совершенно непонятны, и допрос окончился. Относительно обнаруженных у меня прокламаций и конспиративного письма охранник ничего не спросил, и я был внутренне рад, что хотя бы на этом допросе за них не приходится отвечать. Допрос продолжался всего около получаса.

При выходе один из служащих охранки мне предложил следовать за ним. Он повел меня куда-то в другое здание по пустынным узким коридорчикам. В одной комнатушке меня сфотографировали. Потом по узенькой железной лестнице мы с ним спустились в подземельное помещение. Там перед моими глазами открылось большое подвальное помещение с плотными стенами и полное разными инквизиторскими приспособлениями и инструментами. Я предполагал, что меня ведут на пытки, как это имело место месяца два-три тому назад в отношении некоторых наших товарищей, о чем писалось даже в газетах. Подошли мы к какому-то верстаку. Охранник взял мою руку, намазал все мои пальцы дегтем, а потом собственноручно каждый мой палец оттиснул на бумаге. На этом дело закончилось. Посадили в карету и отправили обратно в Сущевский полицейский дом.

В Сущевке продолжалось попрежнему. Мы заучивали мотивы революционных песен, которых раньше не слышали и не знали, и которые даже на сей день не собраны и не изданы. Некоторые из них я записал и решил вынести на волю. Однако в Сущевке мы пробыли только около десяти дней. Нам сообщили, что наше дело «серьезное», посадили в черную закрытую карету и отправили, в так называемые «Каменщики» — в московскую губернскую тюрьму на Таганке.

В Таганке нас приняли очень сурово. Тюремщики сразу же дали нам понять, что они не то, что городовые. Приступили к грубоватому, очень тщательному, личному обыску каждого из нас. Первым подвергся обыску с.-р. Дедусенко, побывавший уже несколько раз в тюрьмах, который на грубости тюремщиков отвечал с такою же резкостью. После обыска отправили его в одиночку. За ним последовал я. У меня обнаружили зашитые мною в пальто революционные песни, которые я переписал в Сущевке. В отношении их было отдано приказание присовокупить к делу.

Тюремный сторож меня ввел во внутренность тюрьмы, которая представляла собой как бы маленький городок с узкими переулками и высокими зданиями. Вдоль этих зданий или корпусов тянулись поэтажно длинные черные балкончики, а посередине поднимались большие железные лестницы. В воздухе как будто стоял звон кандалов и ключей мно-

жества сторожей. В каждом этаже над балкончиками этих тюремных гигантов виднелись целые ряды симметрично расположенных дверей камер-одиночек. Мы долго поднимались, пока добрались до пятого этажа. Отворилась передо мною плотная низкая дверь камеры № 292. И я очутился один в своей келии. К одной стене была прибита койка, которую днем поднимали, а к другой — столик и дощечка для сиденья. Окно с решеткой находилось у самого потолка, и через него виден был небольшой краешек неба. Стоя у наружной стены решетки, рукой нельзя было достать окна. На стенах в разных местах было довольно много надписей, повествований моих предшественников, начерченные календари и тюремная азбука.

Скоро кто-то ко мне в стену постучал. При помощи азбуки я стал отвечать, и выяснилось, что рядом со мной в камере № 291 сидит тов. Дедусенко. Обрадовавшись такому соседству и тому, что стены говорят, я стал стучать по азбуке своему другому соседу. Оказалось, что там сидит наш тов. Монастырский. Часа через два мы уже знали, что все наши товарищи размещены в одиночках от № 291 до № 301 включительно, причем в последнем сидит тов. Цивцивадзе.

Началась томительная тюремная жизнь. Кормили скверно, но можно было выписывать обеды и продукты за свой счет, для чего нам выдали книжки с занесением на приход той суммы, которую у нас отобрали при обыске. Никаких продуктов для передачи не принимали. Мы потребовали книг из тюремной библиотеки. Принесли каталог. Оказалось, что там были и хорошие книги — труды Карла Маркса, Плеханова, Каутского. Была и подходящая беллетристика. Я вначале увлекался чтением, но отобранные у меня при обыске листовки и письмо стали меня беспокоить, а особенно нервировали посещения тюремного начальника и его помощника, угрожавших расстрелом нас как немецких шпионов.

Неопределенность и неизвестность своего положения в тюрьме не давали возможности серьезно заниматься, и я завидовал тем политзаключенным, которые по суду уже отсиживают свои сроки. Характерно, что и спать нормально нельзя было. Все время снились какие-то дурацко-мелочные сны, не выходящие по своему содержанию за стены камеры и тюрьмы. Оказалось, что сон в тюрьме был не отдыхом, а тоже тюрьмой. Этого я раньше себе никак не мог представить и не поверил бы. Но это была действительность. Нервировала также тюремная обстановка. Я как-то раз попал к тюремному врачу и убедился, что никакого лечения в тюрьме быть не может. Там сидели не люди, а звери,

открыто проявляющие к нам свою классовую ненависть и злобу.

Был и такой случай, переданный мне тов. Дедусенко путем перестукивания о том, что его сосед сошел с ума. Имел место и другой случай. Вечером после открытия койки я прилег, как вдруг послышались крики «ура», зазвенели стекла, и что-то тяжелое брякнуло на пол. Мы все вскочили, застучали... Забегали сторожа. Слышно было, как открывали какую-то камеру, кого-то поволокли по полу, понесли. А потом очередная передача сообщала, что стеклом от окна перерезал себе горло политкаторжанин, сидевший в одиночке уже с 1906 г. Все это действовало на нервы и еще более взвинчивало их напряженное состояние.

Но были и отрадные явления в тюремной жизни. Приведу следующий случай. К нам стали приходить на свидания «жены» и «невесты», каких мы в действительности не имели. Товарищи на воле позаботились о нас, и придумали, как навестить нас в тюрьме. Ко мне раз на свиданье в качестве «невесты» пришла тов. Марта Берзин и между прочим просила передать тов. Монастырскому, что в следующий день свиданья к нему придет «жена» такая-то. Я передал посредством перестукивания об этом Монастырскому, а тот отвечает, что такой женщины совершенно не знает. Высказывал опасение, как бы охранка не подослала кого-либо из своих агентов. В день свиданий действительно слышим, что внизу выкрикивают номер его камеры (в тюрьме мы из людей с фамилиями превратились просто в номера). Монастырский ушел. Через полчаса возвратился, весело и громко разговаривая со сторожем. За Монастырским хлопнула дверь камеры. Я слышу, как он быстро зашагал по камере. Стучу. Не отвечает. Стучу, стучу — не отвечает. Застучал я изо всех сил. Монастырский отозвался. Спрашиваю: в чем дело? Отвечает: «Этот день является счастливейшим днем в моей жизни». Спрашиваю: как это понять? Отвечает: «Товарищи прислали мне такую славную жену, что я в восторге от нее». После этих слов бросил перестукиваться и опять забегал по камере. Я перестал его тревожить, пока не очнется парень и можно будет поговорить о другом.

В тюрьме мы просидели около четырех месяцев, после чего некоторых выслали, а большинство из нас (это было в конце марта 1915 г.) совсем освободили. Оказывается, что товарищи на воле уже знали о времени нашего освобождения и пришли нас встречать. Каково было удивление всех, когда я, распечатав возвращенные мне при обыске отобранные вещи, среди них нашел 3—4 воззвания, вложенные в книжку Каутского, и свое конспиративное письмо. Оказалось, что из

всей пачки моих писем в охранке были просмотрены (перечеркнуты желтой краской) 4—5 писем, а остальные остались не тронутыми. Мы сейчас же этот компрометирующий материал торжественно сожгли и радостно посмеялись над «работой» охранки.

Тюрьма закалила в борьбе, а провалы научили, что необходимо перестроить работу несколько по-иному.

Мы решили с другими группами не связываться, а чтобы иметь действительную возможность работать, принимали все меры к об'единению всех наших кружков и отдельных вполне надежных большевиков как единого оформленного целого. Для этой цели в апреле 1915 г. нами было организовано строго конспиративно большое собрание в лесу близ Петровско-Разумовского. На этом собрании мы постановили об'единиться в единую большевистскую группу, выбрать свой комитет и организовать печатание листовок. Поскольку в то время в Москве было много разных с.-д. групп, но ни одна из них в районе нашего местопребывания ничем себя не проявила,— мы решили по признаку территориальности наименовать свою группу «Тверской группой», так как большинство из наших товарищей проживало в районе университета им. Шанявского (Миусская площадь) по одну и другую стороны Тверской улицы, т. е. по прилегающим к ней улицам и переулкам. Таким образом, наша группа присвоила себе название того района Москвы, в котором она существовала. Из теперешних районных организаций Москвы, очевидно, Краснопресненский район больше всех имеет право считать «Тверскую группу» своей подпольной организацией. Кажется, что предложение о наименовании «Тверской группы» внес я, но точно утверждать этого не могу. Может быть, другие товарищи лучше помнят этот момент.

С этого времени началась очень оживленная работа нашей «Тверской группы». Составляли и выпускали ряд воззваний. Первое воззвание за подписью «Тверской группы», кажется, было выпущено к 1 мая 1915 г. С распространением ее у меня возникла целая история. Мне и тов. Меднису было поручено распространить эту листовку и вывесить красное знамя в Пресненском районе, расположение улиц и переулков которого мы оба знали плохо. Вооружившись клеем, листовками и имея при себе знамя, мы около 10—11 часов вечера вышли на работу. Город накануне 1 мая 1915 г. охранялся уже военными постами и патрулями городовых. Улицы были почти пустые. Мы решили начать работу в районе около Зоологического сада. На площади у сада стояло несколько городовых и было очень светло. Пошли дальше, по Пресненской улице и по переулкам. В переулках работа шла

очень хорошо,— там было темно, и после нас на стенах домов и заборов белели листовки. Бросали мы листовки в рабочих домах, на лестницах и т. п. Однако такая спокойная работа нас не совсем удовлетворяла, и мы решили пробраться на какую-нибудь фабрику, разбросать там листовки и вывесить знамя, чтобы именно рабочим было видно. Пробираясь переулками и разными дорожками, мы действительно проникли на какую-то большую фабрику, где работала ночная смена. Расклеили и разбросали пару десятков воззваний, как вдруг услышали в полутьме разговоры, касающиеся нас. Очевидно, воззвания обнаружили. Кто-то рассказывал, что двое тут хо-

Группа членов «Тверской группы» РСДРП в ссылке в Сибири.

дили. Мы поняли, что нас ищут. Обратную дорогу мы потеряли, и искать ее было уже поздно. Мы приняли вид рабочих, испачкались чем попало и быстро пошли туда, где рассчитывали найти главные ворота. Действительно, ворота мы скоро заметили, но они были закрыты, а у калитки стоял сторож. Не было другого выхода, и мы пошли напролом. Подходя к сторожу, обратились к нему за спичками прикурить. А пока сторож искал спички, мы прошли в калитку и очутились на улице. Сторож поднял шум, а на улице у ворот стоял городовой. Началась погоня. Котелок с клеем мы бросили через забор, а оставшиеся листовки и знамя решили не отдавать в руки врагов. Конечно, пожилые городовые и сторожа нас не могли поймать, но гоняли сравнительно долго. Оконча-

тельно мы от них скрылись только где-то близ Дорогомиловского моста. Стало рассветать, появились на улицах люди, и знамя вывесить на виду у всех уже нельзя было. Оставшиеся листовки мы разбросали без всяких приключений. Знамя же спрятали в лесочке близ Филей, где я проживал. Когда мы всю эту историю рассказали своим товарищам, над нами посмеивались, что мы знамя прикрепили не к верхушке дерева, а к корням. Мы все-таки остались довольны, что по крайней мере не отдали знамя врагам.

В дальнейшем работа развертывалась очень интенсивно. Мы своими воззваниями снабжали, а типографией обслуживали и другие города — Иваново-Вознесенск, Харьков, Самару и Кострому, т. е. те города, с которыми имели связь и где не было партийных типографий. Однако московская охранка принимала энергичные меры, чтобы разгромить нашу организацию.

Со мной имел место следующий интересный случай, по которому в делах охранки я считался обысканным и арестованным. Тов. Меницкий в своей работе приводит выдержку из дела охранного отделения за № 1191 от 1915 г., где в числе обысканных и арестованных 1 августа 1915 г. значится и моя фамилия [1]. Фактически 1 августа я не был арестован. А было вот что. Накануне 1 августа приехал из Иваново-Вознесенска тов. Валериан Наумов. Он должен был у меня получить большую пачку воззваний и отвезти их в Иваново-Вознесенск. Я в то время проживал в дер. Фили в одной комнате вместе с тов. О. П. Салиумс. Из Москвы мы отправились в Фили вместе с Наумовым. Слежки за собою не заметили, и на самом деле ее не было. Тов. Наумов должен был уехать в Иваново-Вознесенск на следующий день, и решено было, что он ночует у меня. В Филях меня стало одолевать беспокойство: если явится полиция, то все это дело рухнет. Я поговорил с Наумовым, и для большей осторожности мы решили воззвания спрятать в лесу, а на ночевку я его пристроил к знакомым девицам, которые ни в чем не были замешаны и проживали на даче там же, в Филях. Дома у меня все было в порядке, как бы в ожидании «гостей» из охранки. Мы еще посмеивались — пусть теперь приходят. И действительно, во втором часу ночи наша дача была окружена сильным отрядом стражников. Явился жандармский ротмистр и пред'явил ордер охранки об аресте меня и Наумова и об отобрании у меня листовок, приготовленных для Иваново-Вознесенска. Видно было, что кто-то очень подробно информировал охран-

[1] Ив. Меницкий, Революционное движение военных годов, т. II стр. 64.

ку по этому делу. Зная, что охранка ничего не найдет, я чувствовал себя великолепно и ответил, что это наверно ошибка, ибо я проживаю не с Наумовым, а с Салиумсом, и никаких воззваний у меня нет. Жандармский ротмистр ответил, что у него имеются совершенно точные сведения, что Наумов приехал из Иваново-Вознесенска, был у меня в городе и т. д. Я утверждал, что это совершенно неверные сведения, и предлагал убедиться. Начался тщательный обыск. Все раскрыли, раскопали. Осмотрели матрац, всю мебель, стены, полы, коридорчик, соседние комнаты, чердак, копались в земле около дачи, даже уборную во дворе проверили. Обыск продолжался до 8 часов утра. Но ни тов. Наумова, ни листовок не нашли. Жандармский ротмистр был очень недоволен и очевидно чувствовал себя побежденным.— Ну, что же,— сказал наконец,— тут и взять нечего.— Приказал составить протокол и меня оставил на свободе. Через полчаса или час пришел тов. Наумов, взял воззвания и уехал в Иваново-Вознесенск. Через некоторое время мы получили сообщение, что тов. Наумов в Иваново-Вознесенске, при выходе из поезда с воззваниями, арестован и отправлен в тюрьму в г. Шую. После этого и мне долго не пришлось работать в Москве. Через недельку вызвали еще раз к местному уряднику, а потом мобилизовали в старую армию. Скоро была арестована и вся головка «Тверской группы» вместе с типографией.

Но прибывали новые товарищи, и остатки «Тверской группы» сорганизовались в еще большую группу — в «Северную группу», которая просуществовала до самой Февральской революции.

И. Лепне

«СЕВЕРНАЯ ГРУППА» МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП (б)

(1915—1917 гг.)

I. Как создалась «Северная группа»

Еще в 1914 г. правительство эвакуировало из Риги в Москву ряд крупных заводов и фабрик, как, например: завод «Унион», вагоностроительный завод, «Проводник» и ряд других. Надо отметить, что на этих заводах материальное положение рабочих не только не было хуже, чем у местных московских рабочих, а иногда даже лучше. Опыт революционной борьбы латышских рабочих сказался и здесь, и по данным фабричного инспектора Московской губ., на ряде эвакуированных заводов и фабрик, был вскоре введен 9-часовой рабочий день. Эвакуированных латышских рабочих в то время было несколько тысяч человек. Больше всего латышских рабочих было занято в металлообрабатывающей промышленности, частично в резиновой и швейной. Например, много латышских рабочих было на заводе «Унион», «Проводник», в швейных мастерских Земгор, на телефонной фабрике Земгор и ряде других.

Массовый наплыв в Москву беженцев, в результате наступления немецких войск на Прибалтику, вызвал организацию в Москве Комитета по делам беженцев (при так называемом Латышском обществе во главе с гражданином З а л и т о м, ярко выраженным черносотенцем. В то же время в Москве существовало еще одно латышское общество, более либеральное, наполовину состоявшее из студентов, так называемое Латышское общество взаимопомощи, которое впоследствии оказалось под полным влиянием и руководством подпольной организации РСДРП — «Северной группы». Как происходил захват руководства этого общества — об этом скажу после.

Кроме того, существовало одно студенческое общество, деятельность которого впоследствии совсем замерла.

Наконец, четвертый пункт культурного обслуживания латышей в Москве был основан под названием «Культурный центр» (Бюро), вокруг которого группировались вся либеральная интеллигенция и так называемые легалисты, которые отрицали необходимость существования и работы подпольной политической организации.

Из Прибалтики были также эвакуированы школы, например: Торговая школа, высшие начальные училища и др. Во главе этих школ как раз находилась наиболее прогрессивная часть учительства, что, безусловно, сказалось и на политических настроениях учеников. Можно отметить таких руководителей, как Клеппер, Паэгле, Карлсон, работавшими с нами.

Отношение к войне в разных слоях общества сильно изменилось уже в конце 1915 г. Рост дороговизны, плохое снабжение армии и разговоры о Распутине создавали оппозиционное настроение к правительству и к войне. Усиливалась и революционность пролетарских масс. На крупных заводах города Москвы: Военно-промышленном, «Динамо», машиностроительном заводе Дангауер и ряде других, где имелись ячейки подпольной организации, определенно поднимались голоса против войны, что и выразилось в политических забастовках, протестах и т. д.

Мелкобуржуазная интеллигенция начала частично симпатизировать большевистскому течению и даже в легальной работе в узком кругу на лекциях и рефератах высказывала оппозиционные мысли против существующего строя. Течение против войны сильнее чувствовалось среди беженцев — латышских рабочих, так как, с одной стороны, латышские рабочие в Риге находились под руководством сильной рижской подпольной организации РСДРП, а с другой стороны, эвакуация с родины в новые условия России, где другой быт, другие нравы, усилила ненависть к войне. Среди эвакуированных латышских рабочих оказался довольно большой процент членов партии (подпольной организации РСДРП(б), которые искали связей с местной московской партийной большевистской организацией.

До первой половины 1915 г. в Москве существовала подпольная с.-д. организация «Тверская группа», но в связи с арестами членов этой группы она уже в первой половине 1915 г. перестала существовать и на свободе остались только отдельные товарищи, как, например: Лацис, Берзин, Лепин Вера и др.

Среди эвакуированных из Прибалтики членов партии образовалась небольшая инициативная группа, которая хотела восстановить «Тверскую группу» или организовать новую. Встречи членов партии обыкновенно происходили в Латышском обществе (Покровка, 41). Наконец, было назначено собрание для обсуждения вопроса о создании в Москве подпольной организации — в узком кругу, на квартире у одного из студентов (адреса не помню, — кажется, у Веры Лепин) — из следующих товарищей: Парре, Мозерт, Стипнек, Леппе, жены тов. Карпс и нескольких человек из бывшей «Тверской группы». На этом узком совещании было решено созвать более широкое организационное собрание, которое состоялось в конце августа 1915 г. на Воробьевых горах и на котором присутствовало около 20 человек. Среди них принимали участие тт. Клок, Бредис, Маурер, Курцынь, Мария Ош, Зельма Абол, Парре, Леппе, Стипнек, Марта Стипнек, Петерс, Блумфельд (Алексис)[1], Мусин, Карпс, Лепин Вера и др., а также часть членов бывшей «Тверской группы», фамилии которых не помню.

Однако участь первого организационного собрания могла быть очень печальной. Оказалось, что собрание было выслежено шпиками, и при помощи местных крестьян, вооруженных дубинками, собрание было окружено. Предстоял арест всего собрания, но он не состоялся только благодаря большой выдержки председателя собрания тов. Клок, который не дал разбежаться членам собрания, а, обратившись к гулявшим недалеко студентам-латышам, стал апеллировать к их национальным чувствам, заявляя, что, мол, они латыши-беженцы, выгнаны из своей родины, здесь же не находят приюта, а, наоборот, их всячески притесняют. Студенты заступились, заявили свой протест полиции и обещали жаловаться выше, члену Государственной думы, если не оставят в покое этих «бедных беженцев». В результате полиция ограничилась тем, что переписала всех присутствующих, записала их адреса, и все разошлись по домам (конечно, фамилии и адреса давались в большинстве случаев неправильные). Но все же до появления полиции собрание уже сумело выбрать организационное бюро, в которое вошли тт. Клок, Алексис-Блумфельд и третий товарищ, фамилии которого не помню,— кажется, Карпс. Таким образом, было положено начало подпольной организации под названием «Северная группа» РСДРП(б).

Организационная группа быстро развернула свою работу, и в ближайшие месяцы «Северная группа» насчитывала

[1] Он же Мозерт.

уже около 100 членов. Организационное построение «Северной группы» было такое: основным звеном являлась ячейка-кружок, затем — совещание представителей кружков, Совет, коллегия пропагандистов, Красный крест подпольной организации (по оказанию помощи заключенным), и представитель от совета должен был входить в Московский комитет РСДРП(б). Вся основная партийная работа проходила в кружке. Совещание представителей кружков имело своей задачей разрешение организационно-технических и практических вопросов по обслуживанию ячеек, а совет осуществлял полное руководство всей организацией и фактически обладал функциями комитета партии, решая принципиальные вопросы, связанные с руководством и строительством всей организации. В состав совета входило от 5 до 7 товарищей. Совещание состояло из представителей кружков. В течение 1915 — 1916 гг. состав совета переизбирался 3 или 4 раза. Состав совета в течение этих двух лет часто менялся в связи с арестами, от'ездами товарищей в другие города и т. д.

На собрании по подготовке к изданию настоящего сборника от 13 октября 1929 г. участников «Северной группы» в подполье установлен состав совета (комитета) из следующих товарищей, которые перебывали и избирались по одному или несколько раз членами совета, комитета в течение двух лет работы «Северной группы» до Февральской революции: Карпс (кличка Карлис), Витте Жан Ансович (Ликайс), Гайле, Эферт, Парре Август Фрицевич (Томс), Клок, Леппе Иван Иванович (Клявин), Шиллинь, Кушель, Земел, Калнынь Риппа (Мария), Упит, Вилнис (Борода), Страумит («Саймнекделс»), Ласис, Машул (Черный), Улластс (Дадзис), Мозерт-Блумфельд (Алексис), Рудер, Крумин, Миле (Дзирк-стеле) и Аугсткалн.

Обязанности между членами последнего состава совета были следующие: тов. Вилнис являлся кассиром «Северной группы» и представителем по связи с ленинградской организацией, тов. Аугсткалн был председателем Красного креста «Северной группы», тов. Упит (Крастынш) — кассиром Красного креста, а тов. Леппе — по связи с председателями кружков.

По части распространения литературы, особенно листовок, воззваний, к 1 мая, к 9 января и т. д. работа возлагалась в большинстве случаев на т. Парре А. Ф. и на меня.

Кроме обычных кружков, были образованы теоретические кружки для подготовки теоретически-образованных пропагандистов. В 1916 г. уже существовал высший теоретический кружок в составе около 10 человек под руководством тов. Крастыня и Карпса и 2—3 кружка низшего

типа, подготовлявшие рабочих-пропагандистов и прорабатывавшие более общие вопросы. Кружок, руководимый тов. Крастынь, несколько раз собирался у меня (Малый Дровяной переулок, д. 4, кв. 6).

Кроме того, в течение всего времени существовала коллегия пропагандистов, в задачу которой входило теоретическое обслуживание всех кружков и массовок.

В начале жизни «Северной группы» существовало, примерно, 4—5 кружков с численностью от 12 до 15 человек в каждом кружке, а позже — уже от 10 до 12 кружков с количеством членов до 200 человек. Правда, состав группы был сильно текучим, так как товарищи приезжали и после кратковременного пребывания (в бесплодных поисках работы, в целях избежания воинской повинности или как состоящие в черных списках, также вследствие высылки из Москвы в результате трех провалов и арестов, которые происходили в 1915 и 1916 гг.) выбывали, и потому количество членов колебалось. Все распоряжения Московского комитета подпольной организации, в те периоды, когда он существовал, проводились в жизнь через совет, и через него кружки снабжались подпольной литературой, прокламациями, газетами и т. д. (см. схему на стр. 65).

Необходимо также остановиться на организационном построении кружков. Кружки избирали совет, а совет выделял одного-двух представителей по обслуживанию нескольких кружков (5—6). Голосования происходили тайные, путем подачи записок за ту или другую кандидатуру, а совет избирал своего представителя в Московский комитет, Красный крест и коллегию пропагандистов.

В начале декабря 1915 г. «Северная группа» уже насчитывала в Московской губ. 8 фабрично-заводских кружков, носивших конспиративные названия: «Стыпрайс» (Сильные), «Вильныс» (Волна), «Атвасе» (Отросток) «Лесма» (Пламя), «Цериба» (Надежда), «Атауга» (Поросль), «Ритс» (Утро), «Дарбаридс» (Трудовое утро), «Ветра» (Буря), «Моцоша Яунатне» (Учащаяся молодежь).

Кроме органической связи с Московским комитетом, «Северная группа» имела связь и с другими городами: Ритой, Ленинградом, Саратовом, Самарой, Харьковом, Тулой, где имелись явки для установления связи и обмена литературой.

Социальный состав «Северной группы» был в своем абсолютном большинстве рабочий. Была небольшая прослойка трудовой интеллигенции, например: народные учителя, журналисты. Была и прослойка революционного студенчества (тов. Ласис, Карпович, Шилинь и др.).

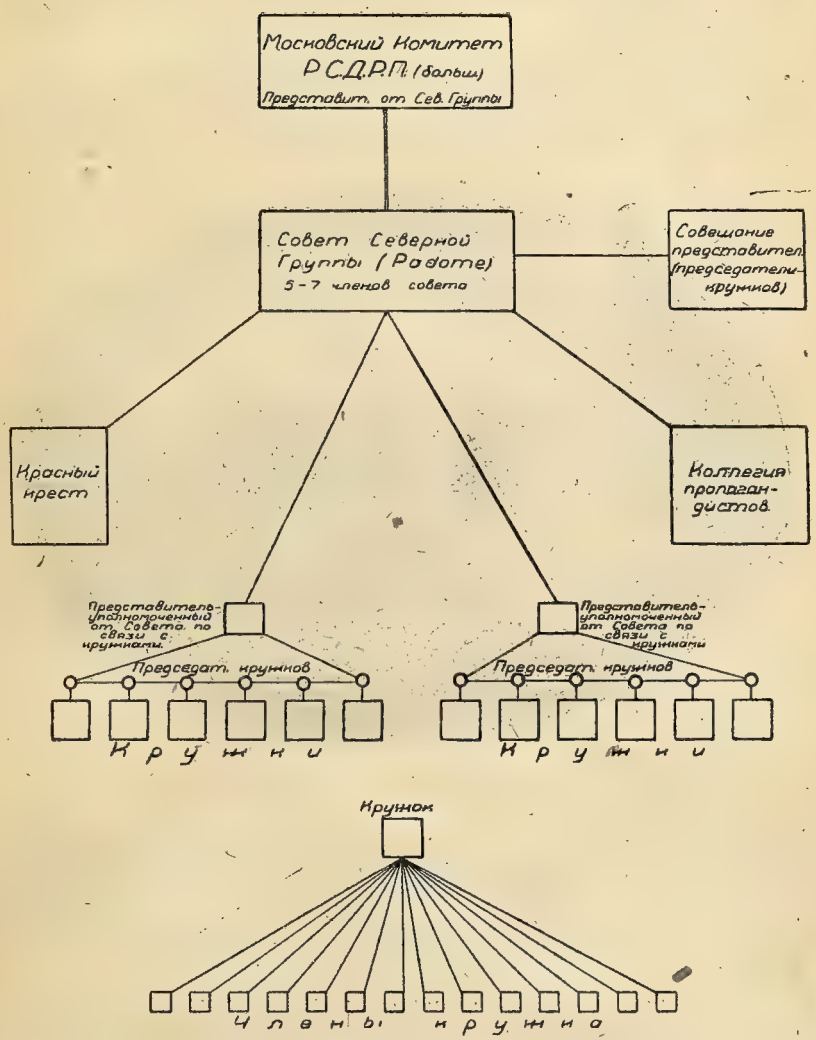

Схема организации «Северной группы» (в период от начала 1915 г. по февраль 1917 г.). Правильность этой схемы подтверждена общим собранием участников «Северной группы».

2. Подпольная деятельность «Северной группы».

«Северная группа» была большевистски выдержанной организацией, так как при приеме членов в организацию на это обращалось особо серьезное внимание: сколько-нибудь оппортунистические или колеблющиеся элементы не принимались.

Поэтому течений или оттенков меньшевистского толка, не говоря уже об организационном их оформлении, в ней не было. Поэтому значительных расхождений в основных политических вопросах также не существовало. Это, конечно, не

А. Цалит, М. Стипнек, Мангул.

значит, что у нас в группе среди части товарищей не бывали некоторые шатания по тем или иным отдельным политическим вопросам, но число таких было крайне незначительно, а об'ективная обстановка и здоровая рабочая закваска не содействовали развитию в направлении оппортунизма.

Поскольку почти вся масса членов группы состояла из числа эвакуированных уже во время войны товарищей, которые прошли «рижскую школу» по борьбе с капиталом, в вопросе об отношении к войне и к империализму, в «Северной группе» была совершенно ясная и отчетливо большевистская установка: у пролетария нет своего отечества, война является

империалистической. Группа признавала полное «пораженчество». К вопросу о военно-промышленных комитетах, созданных буржуазией для вовлечения рабочих в дело обороны «отечества», было отрицательное отношение, и комитеты нами бойкотировались. Горячо обсуждался вопрос об отношении к войне и к военно-промышленным комитетам на массовках, и единогласно принимались резолюции о борьбе с войной. Расхождения были по линии только тактической: одни хотели бойкотировать с первой же ступени выборов, а другие считали необходимым эти выборы использовать в целях агитации.

Членами «Северной группы» на предприятиях велась агитация против войны и против выделения рабочих представителей в военно-промышленный комитет. Чувствовалось приближение революции. Было принято решение о необходимости подготавливать массы к будущим боям с буржуазией, и «Северная группа» брала на себя задачу вести эту работу среди латышских, а также русских и всех остальных наций рабочих, с которыми приходилось соприкасаться.

Денежные средства «Северной группы» составлялись, прежде всего, из членских взносов, которые были установлены в размере ½—1% получаемого оклада содержания. Безработные были освобождены от взносов. Часто бывали случаи, что товарищи платили больше установленного 1%, особенно — из интеллигенции, которые хорошо зарабатывали, например П. Дауге. Но нужно признаться, что сбор членских взносов не всегда и не во всех ячейках был хорошо поставлен. Иногда дело немного хромало. Производились также сборы по специальным подписным листам, причем привлекались к подписке не только члены группы, но и стоящие вне ее — сочувствующие революционному движению. Для сбора средств было использовано и Латышское общество взаимопомощи, где устраивались специальные литературные вечера, доклады и т. д., чистый доход от которых поступал в фонд «Северной группы». Были также пожертвования отдельных лиц, но такие случаи были редки. Для Красного креста с каждого члена партии, кроме членских взносов, взимался сбор в размере ½% с заработка в месяц, который шел исключительно на помощь арестованным товарищам, находящимся в тюрьме и ссылке. Средства группы шли главным образом на технические надобности: издательство, литературу и т. п. Ответственным лицом за суммы Красного креста был особый кассир.

Конспирация в подпольной организации играет громадную, а иногда и решающую роль. В латышских партийных организациях конспирация имела хорошие свои традиции.

И этот латышский опыт был целиком перенесен в «Северную группу».

Как же проводилась конспирация в нашей группе? Кружок обыкновенно собирался в лесу или на квартире у товарища, которая была вне подозрений и откуда, в случае необходимости, легко можно было убежать. Если дело происходило на квартире, то почти всегда выставлялся наблюдатель, а если собирались в лесу, то обыкновенно в таком месте (недалеко от массовых гуляний), чтобы в случае налета полиция ничего не могла доказать, а главное — не могла обнаружить каких бы то ни было записей. Но гораздо сложнее обстояло с организацией массовок, маевок, так как на такие собрания собирались члены всей организации; с сочувствующими число участников их доходило иногда до 250—300 человек.

Такие собрания устраивались только в лесу, в нескольких верстах в глубине его. Место, где именно и в каком пункте будет массовка, знало только одно лицо, иногда максимум два, которых выделял в качестве организаторов совет «Северной группы», а остальные участники собрания знали только первый патруль, который находился на 1-й версте, а иногда и гораздо дальше от места собрания. Для опознавания патруля дается условный пароль, примерно: «Куда ведет данная дорожка?» — ответ: «В лес». Обыкновенно на первый патруль выделялась «парочка», прогуливающаяся в хорошую погоду на лоне природы и не вызывающая никакого подозрения. Первый патруль, собрав двух-трех товарищей, передает их второму, а тот направляет третьему и т. д., и в результате эта группа товарищей попадает на место собрания. В случае если близко к массовке проходит кто-нибудь, то таковой немедленно задерживается, и его держат арестованным на все время собрания. Такой случай имел место в лесу под Ригой, когда прогуливалась одна парочка в лесу, а мне и тов. Парре было поручено их арестовать. Во время собрания выставляется сторожевое охранение, несколько кольцеобразно, на определенном расстоянии, чтобы в случае тревоги можно было бы своевременно разойтись.

Таким образом, при соблюдении этих правил полиция была лишена возможности арестовать на месте участников собрания (см. схему на стр. 69).

Зимою применялся метод использования рождественских «елок». Везде и всюду на эти вечера собирался народ, и довольно легко под видом этого религиозного празднества устраивались наши собрания. Такая «елка» была организована на квартире у тов. Парре и Витте, а также на квартире у тов. Матч (Благуша, Измайловское шоссе, д. 3), где был

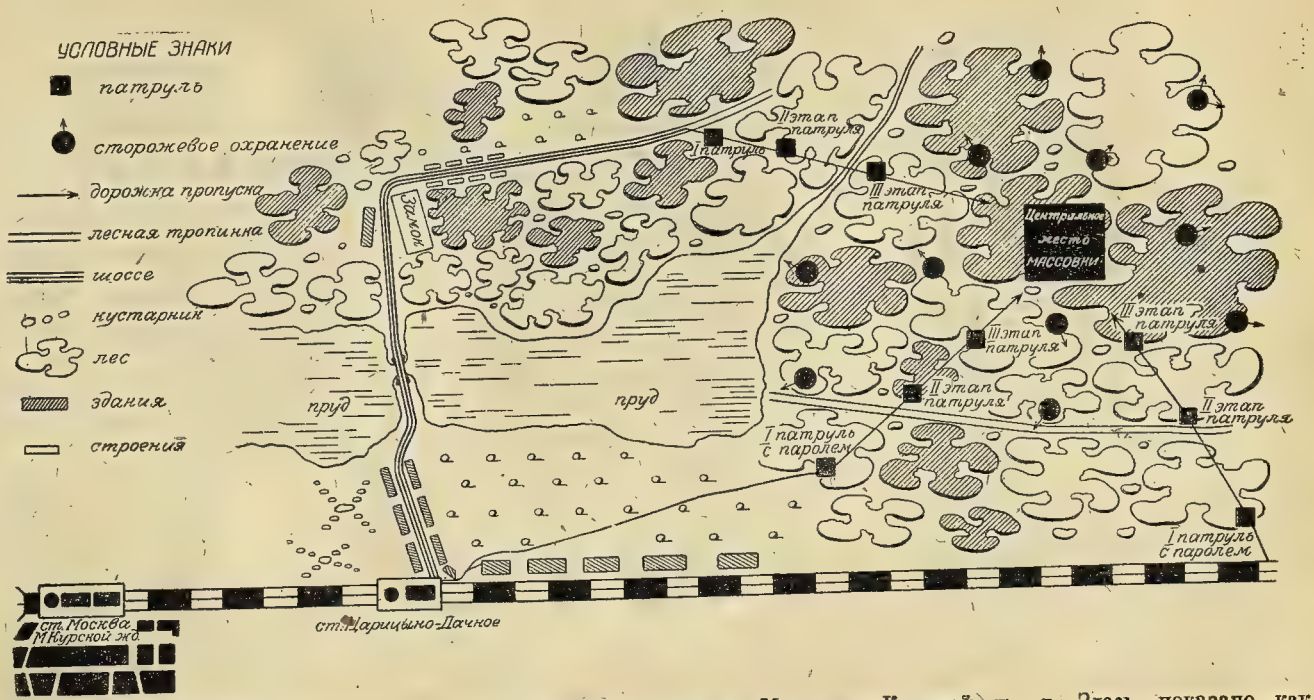

Схема одной массовки 1917 г. в лесу при станции Царицыно, Московско-Курской ж. д. Здесь показано как участники массовки с трех сторон идут к месту сходки.

доклад «о внутреннем положении». Там собралось около 40 человек; почти такое же количество было и на первой квартире.

Так же строго соблюдалась конспирация и при выборах должностных лиц в организации.

Принцип этой системы выборов заключался в тайном голосовании, путем подачи записок. Участники выборов никогда не знали, кто именно избран. Например: идут выборы одного члена в совет. На эти выборы является представитель совета, и ему подаются записочки, кого именно каждый предлагает избрать, и получивший большинство поданных голосов проходит в совет. А так как представитель совета сам считает поданные голоса, то кроме него никто не знает, кто выбран в совет. Тот же принцип выборов, применяется, скажем, на массовке, при выборах представителя на конференцию, с'езд и т. д.

Кроме организационной системы для хорошей конспирации требовались еще высокая дисциплинированность, наблюдательность, выдержка и быстрая ориентировка каждого члена организации. Во-первых, от него требуется, чтобы он по пути внимательно следил (незаметно), не сопутствует ли ему какое-нибудь подозрительное лицо, и если обнаружит таковое, то он сам не имеет права являться на данное заседание, а если это лицо было обнаружено близко около места, где должно было состояться заседание, то заметивший это должен сообщить собранию немедленно. Он должен научиться отличать шпика от обывателя и должен уметь избавиться от шпика. Как характерный пример можно привести такой случай. Осенью 1916 г. по Новопроектированному пер., д. 10, на квартире у тов. Земел, должно было состояться заседание совета. На углу 3-й Мещанской ул. в качестве патруля был выставлен «Борода» (Вилнис), от которого я должен был получить дальнейшие указания, но, подойдя ближе, я заметил, что по другой стороне улицы стоит господин в котелке и внимательно наблюдает; недалеко от него расхаживает такой же джентльмен. Для меня стало ясно, что кругом шпики и что надо немедленно скрыться. Успев предупредить «Бороду», я быстрым темпом направился по направлению к Екатерининскому парку, но так же быстро за мной пошел указанный джентльмен. Для меня стало ясно, что он намерен меня задержать. Я пустился бежать к трамваю, а он бежал за мной следом со свистком, но я на ходу успел вскочить в трамвай, а шпик не успел. Я доехал до следующей остановки и скрылся в темных переулках около Самотечной площади.

Как оказалось потом, шпиками было обнаружено место заседания, и они готовились к «лакомому кусочку», но и на

этот раз их дело сорвалось, так как заседание не состоялось. И, наоборот, поплатился один из джентльменов, который, попавши в 11 часов ночи в безлюдный темный переулок, перенес «маленькую неприятность», так как тов. Земел нанес ему дубиной несколько хороших ударов по голове.

Как правило, каждый член партии должен был иметь кличку для того, чтобы не знали его настоящей фамилии, но в этом отношении портила дело работа в легальных обществах (где приходилось указывать настоящую фамилию).

«Скомпрометированные» члены организации по фамилии стали известны охранке. Поэтому в целях конспирации и во избежание арестов необходимо было доставать для этих членов организации подложные паспорта, а также иметь штамп об освобождении от воинской повинности. Для этой цели выделялся один или несколько товарищей, которые должны были уметь хорошо чистить старый паспорт и копировать печати.

В «Северной группе» это дело было поставлено прилично. Я помню, что в конце 1916 г. мы выучились выпускать настолько хорошую продукцию, что даже при химическом исследовании не могли установить, что паспорт подвергался чистке. У тов. Бурдына сохранились даже печати и штамп, но при отступлении Красной армии из Риги архив находился у него, и он не успел захватить с собою. Как мы видим, сами условия, в которых приходилось работать, вынуждали совершенствовать виды конспирации, а также и методы работы.

Члены «Северной группы» вели работу среди латышских и русских рабочих на следующих предприятиях: Военно-артиллерийский завод, эвакуированный из Риги, «Унион», где много было эвакуированных из Риги рабочих и где сильна была латышская социал-демократическая группа; завод «Проводник», эвакуированный из Риги в Тушино; новый корпус завода «Проводник» по Генеральной улице; завод «Каучук», эвакуированный из Риги. На некоторых из этих предприятий, помимо членов «Северной группы», были и русские товарищи — члены подпольной русской организации. Кроме того, работа велась на телефонной фабрике Земгора, обувной фабрике Слуцкина, в покровских мастерских отдела снабжения армии, в покровских брезентово-пошивочных мастерских и деревообделочных мастерских Казанской ж. д. На этой группе предприятий русских членов партии почти не было.

Работа членов партии главным образом заключалась в ведении агитации среди рабочих масс против войны, распространении нелегальной литературы и воззваний к 1 мая,

9 января, распространении листовок, организации собрания и т. д. против воли дирекции предприятия.

Приемы работы среди латышских рабочих были те же, что и среди русских, т. е. устная агитация, пропаганда, распространение нелегальной литературы. Кроме того, велась работа в легальных обществах, которых было довольно много.

Члены «Северной группы» всегда принимали горячее участие в забастовках на тех предприятиях, где они работали. Например, в 1915 г. на заводе «Унион» вышел конфликт в связи с неправильным увольнением двух рабочих. По этому поводу была организована забастовка, в которой активное участие принимали члены «Северной группы», а именно: тов. Мозерт-Блумфельд (Алексис), Бредис, Муссинь, Даугул, Залман, Абол Зельма, Андерсон Зельма и др.

В январе 1916 г. на заводе «Унион» полицией было арестовано 40 рабочих. Под влиянием членов подпольной организации рабочими была об'явлена политическая забастовка с требованием освободить арестованных, что осуществить не удалось, так как был об'явлен локаут и завод на некоторое время был закрыт, после чего начались проверка и отсеивание «неблагонадежного» элемента. Но для рабочих стало ясно, что победа может быть достигнута только при организованной борьбе. Сознательная и активная часть рабочих пользовалась авторитетом в глазах всей массы.

Члены «Северной группы» принимают участие в демонстрациях и призывают рабочих к борьбе. Так, 9 января 1916 г. на Военно-промышленном заводе была организована уличная демонстрация в знак протеста расстрела рабочих 9 января, а также была проведена забастовка 1 мая, в которой принимали горячее участие и члены «Северной группы» тов. Вилнис-Венде, Ванаг, Дадзис, Улласт, Аугсткалн и др.

В 1916 г. в экономической забастовке обувной мастерской «Чакар» (в ноябре) участвовали члены «Северной группы» тт. Вилнис, Кушел, Рунц Марта, Аугсткалн, Матч Констанция и др. Забастовка длилась 4 месяца и приняла самые острые формы, вплоть до избиения штрейхбрехеров.

По инициативе членов «Северной группы» тт. Аболин, Пиген, Биркен, Зельма, Миле и др. и при непосредственном руководстве последних в 1916 г. (весною) была организована краткосрочная забастовка в пошивочных мастерских Земгора на Покровке с требованием уволить одну работницу за подхалимство, за срыв рабочих требований. В виде одной из форм борьбы с таким элементом было применено надевание мешка на голову этой работницы, чтобы этим самым окончательно дискредитировать ее в глазах рабочей массы. Требование рабочих было удовлетворено.

Как пример, можно еще привести забастовку 18 ноября 1916 г. на заводе Эриксон, в которой активное участие принимали члены «Северной группы», на заводе «Унион», «Дангауер» и др.

Не безынтересно рассказать и о массовках, организованных «Северной группой». Таких массовок за два года было проведено в окрестностях Москвы около пяти-шести, главным образом в лесу за Преображенской заставой, за Петровским парком, в дачной местности Царицыно, на Благуше и в других местах. Для организации массовок выделялись один-два товарища, которые являлись полностью ответственными за всю организацию и имели право кооптировать в помощь себе членов для технического обслуживания массовок. Точное место, где должна была происходить массовка, знало только одно лицо, а каждый патруль знал только свой соседний патруль.

Организатором массовок в большинстве случаев являлся тов. Парре. К организации массовок привлекались также тов. Витте и др.

На массовках, примерно, участвовало до 200—250 товарищей. Среди участников не все были члены партии, так как на массовку разрешалось брать с собой и сочувствующих. Основными вопросами, обсуждавшимися на массовках, являлись темы по текущему моменту и различные вопросы теоретического порядка. Докладчиками обычно бывали тт. Карпс, Витте и Крумин (ныне редактор «Известий), Забельский (по теоретическим вопросам), Крастынь («Виктор») и др.

За 1915 и 1916 гг., поскольку мне помнится, Московским комитетом была организована конференция, на которой участвовали представители «Северной группы». Какие обсуждались вопросы, не помню. Возможно, что эта конференция и не состоялась, так как отчета о ее работах не было сделано. Но во всяком случае выборы нами были произведены.

3. Работа в легальных обществах и профсоюзах

Члены «Северной группы» принимали участие в следующих профсоюзах: в союзе металлистов «Единение» — тт. Парре, Петерс, Дымдин, Бредис, Леппе и ряд других; в союзе портных — тт. Клок, Витте, Гайле и др.; в союзе сапожников — тт. Упит, Кушел, Вилнис, Марч; в союзе торгово-промышленных служащих — тт. Берзин Альма, Берзин Марта, Гульбис, Свикке, Ласис и др.

Кроме легальных обществ (Общество взаимопомощи, Московское латышское о-во студентов, Культурное бюро и комитет беженцев (Покровка, 41), «Северная группа» имела неко-

торое влияние на работу Московского союза потребительских обществ, где довольно активно работали члены этой группы.

Существовавшее в то время Латышское общество взаимопомощи до образования в Москве «Северной группы» находилось в руках полулиберальной интеллигенции — студенчества без определенного направления.

Советом «Северной группы» было внесено постановление захватить в свои руки руководство этим обществом, и для осуществления этого мероприятия были выделены тов. Ласис, Парре, Петерс, сестры Бредис, Леппе, Саркис, Дымдин, Абол и еще ряд других товарищей.

Под видом беженцев члены подпольной организации записывались членами этого общества. Надеясь новичков обработать в национальном и либеральном духе, правление охотно их принимало. На первом же общем собрании членов общества был произведен «штурм», и было избрано правление, в которое вошло несколько членов «Северной группы», а остальные — из числа либеральной интеллигенции, сочувствующей нам и проводившей работу под нашим руководством. Общество находилось полностью под руководством «Северной группы» до самого Октябрьского переворота.

«Северная группа» проводила большую работу среди беженских масс. Первой и основной задачей была вербовка новых членов общества взаимопомощи и вовлечение в орбиту нашего влияния более прогрессивной части беженцев, а также воздействие через печать, учебные заведения. Это делалось путем использования легалистов — Каупина, который впоследствии стал ярым меньшевиком, Крузе, Стурита и других, полностью работающих с нами. «Северная группа» приобретала через Латышское общество необходимые документы для скрывающихся товарищей (паспортные книжки, временные удостоверения на право жительства) и вела большую агитационную работу среди беженцев по раз'яснению основных политических вопросов текущего момента. Большую роль играли П. Дауге и Крузе. Впоследствии, после Февральской революции, комитет беженцев был захвачен «Северной группой» и полностью перешел под наше влияние и руководство, а часть материальных средств, типография и т. п. комитета были использованы для партийной работы.

Из более видных легалистов действовали в то время: Каупин, Крузе [1], Драудин, Куршевиц и ряд других.

Работа в легальных обществах проходила в чрезвычайно тяжелых условиях, не говоря уже о том, что на всех заседаниях правлений, на делегатских собраниях присутствовали

[1] Тов. Крузе скоро стал членом нашей партии.

тайные или явные агенты полиции и учитывалось не только сказанное на собрании, но и настроение отдельных членов. Полиция время от времени устраивала облавы в целях выуживания «подозрительных, неблагонадежных элементов», а также в целях взятия на учет смельчаков-активистов. Такие налеты были произведены во время наших заседаний в союзе металлистов «Единение» (Троицкий пер., 15) во время собрания Латышского общества взаимопомощи в помещении столовой, д. № 19 по Петровке. Также было окружено полицией собрание отделения профсоюза металлистов в Симоновке, как раз во время доклада «О значении международного женского дня».

Во время таких «операций» полиция занимает все входы и выходы, а «шпики» производят самую тщательную проверку документов и отбор «подозрительного» элемента, а также перепись всех участников собрания с указанием адресов. Таким образом, охранное отделение через легальные общества и профсоюзы пополняло свои списки «неблагонадежных».

4. Попытки широкой литературной деятельности и провокаторы

На первое время при печатании кассовых отчетов, воззваний и т. д. совет обходился литографским способом. Вся эта работа была сосредоточена в руках Блумфельда (Алексис) на его квартире (Новопроектированный пер., Карелин тупик, д. 3, кв. 8). Но такой метод издания воззваний сильно ухудшал массовую работу, и ощущалась сильная нужда в издании печатных воззваний на латышском языке, а также информационного листка. Поэтому решено было организовать подпольную типографию. Нашли помещение. Отдельным товарищам из печатников было поручено достать шрифт, и, действительно, отдельные товарищи, в том числе и провокатор Спрогис, собрали довольно большое количество шрифта, но при одном из массовых арестов членов «Северной группы» он был из'ят охранным отделением. Пытались еще раз собрать шрифт, частично его достали, но недостаточно, и до самой Февральской революции типография не была организована.

Вопрос об издании своей печати на латышском языке чисто большевистского направления дебатировался не раз на заседаниях совета «Северной группы». Предлагалось издать легальную газету «Новая мысль» через общество взаимопомощи под руководством фракции «Северной группы» с определенной установкой освещения вопросов культурной рабо-

ты, жизни и быта латышских рабочих масс и служащих. Этот вопрос был оформлен через правление указанного общества. Был намечен редактор тов. Доринш, но скоро он был арестован и вместо него выдвинут новый редактор тов. Свикке, но вскоре и этого редактора несуществовавшей еще газеты постигла такая же участь.

Помимо ареста «редакторов» власти тормозили разрешение на издание газеты, а также были огромные затруднения по части технического оформления дела (в смысле типографии, помещения и т. д.). Так и не удалось издать даже легальную газету. Как впоследствии (после Февральской революции) выяснилось, неудача по изданию печатного органа (арест «редакторов», провал шрифта) оказалась делом рук провокатора — агента охранки Спрогиса, который был в курсе этих дел, являлся активным участником Латышского общества взаимопомощи и самолично «помогал», как член «Северной группы» изданию газеты и налаживанию подпольной типографии. Правда, еще тогда тов. Свикке было высказано сомнение в его преданности партии и обвинение в недостаточном соблюдении конспирации. Благодаря этому по поручению «Северной группы» был назначен суд чести над Спрогисом из товарищей: Витте Н. А. и Янел. После разбора того дела сомнения тов Свикке были отвергнуты, достаточного материала не было, и Спрогис был реабилитирован. Однако, как уже отмечалось выше, после февраля Спрогис оказался опубликованным в списках провокаторов Московского охранного отделения.

Как выяснилось после революции, в «Северной группе» из латышей работали 4 провокатора, а именно: Спрогис с женой, Бергман (Рудыс) и Упман. Спрогис принимал активное участие в работе легальных обществ и, таким образом, освещал в охранном отделении работу фракции, а также сообщил именной список членов «Северной группы», принимавших участие в работе общества взаимопомощи. Провокатор Бергман (Рудыс), проживая в одной квартире с тов. Мозерт-Блумфельдом (Алексис), который в начале 1916 г. являлся представителем в Московский комитет и был центром всей работы «Северной группы»,— мог достаточно хорошо, с точки зрения охранки, освещать работу как «Северной группы» с ее советом, так и кружков. Он сообщал охранному отделению именные списки членов группы, хотя и по кличкам, освещал настроение и взгляды членов группы, а также представил схему всей организации, хотя и не совсем верную (см. стр. 77).

Несмотря на строгую конспирацию, которая существовала в «Северной группе» среди ее членов, благодаря этим провокаторам произошли три провала — аресты членов «Север-

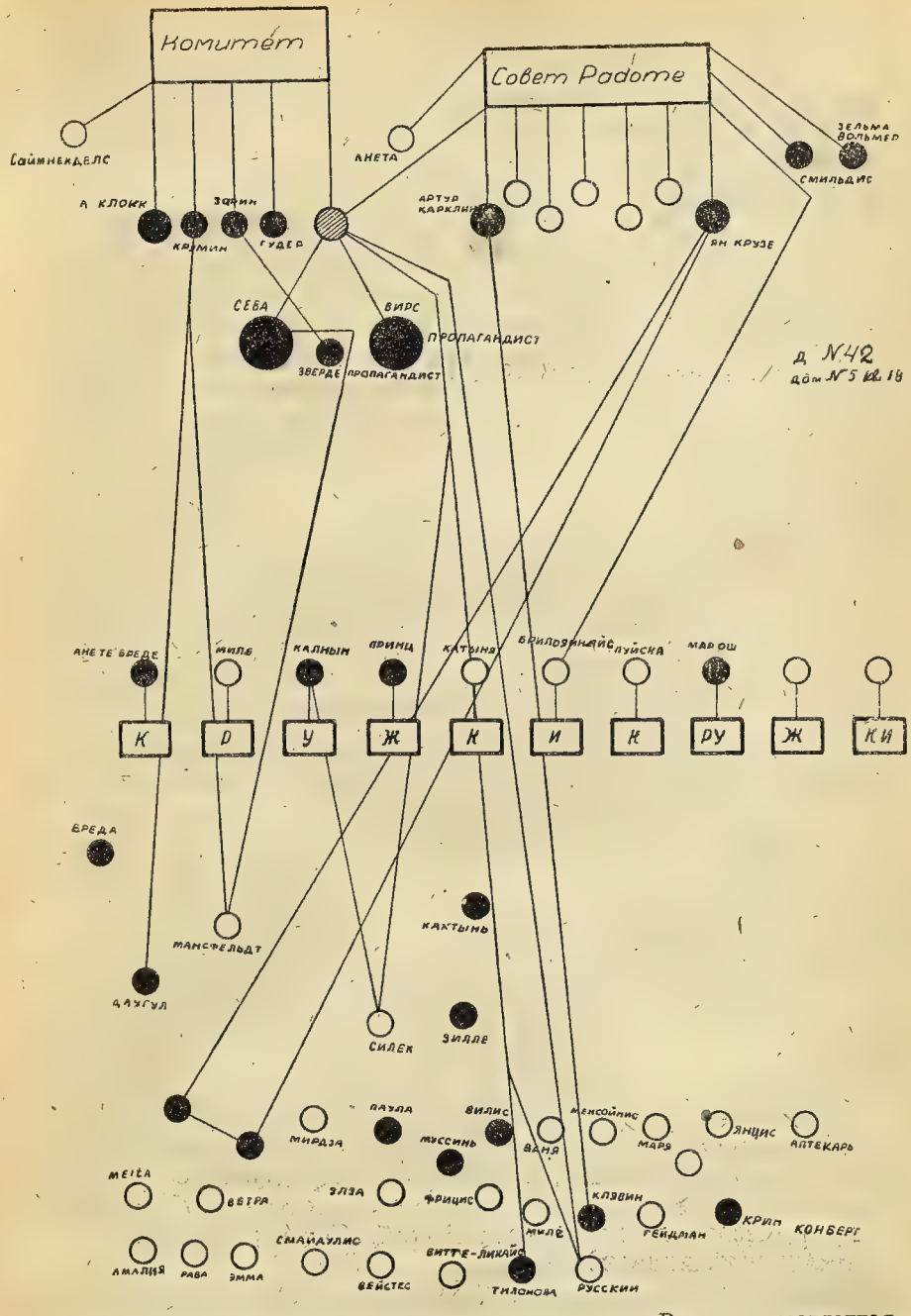

Схема организации «Северной группы» провокатора Рудыса, составленная им для московского охранного отделения. Она содержит много неправильностей. Правильную схему организацию смотри на странице 65.

ной группы» (список арестованных 1, 2, 3, 4 и 6 января 1916 г. см. в приложении). В первый раз было арестовано всего 48 человек, которые впоследствии в административном порядке были высланы в разные отдаленные города России, а часть из них была отправлена на передовые позиции, в армию. Второй провал произошел 28 сентября 1916 г., когда было арестовано 28 человек, которые также были высланы в разные города. Третий провал был 15 декабря 1916 г., арестованных постигла такая же участь. Работа провокатора Бергман (Рудыс) была расшифрована организацией, ему был об'явлен бойкот, но он куда-то успел скрыться. Относительно же провокатора Спрогиса, как уже указывалось, у отдельных товарищей были сомнения, и даже проверялись его действия, но все же доказать ничего нельзя было до Февральской революции. Чем окончилась участь провокаторов,— хорошо не знаю. По слухам, как будто, Спрогиса убили в Риге после революции, а провокатор «Рудыс» был арестован Московским революционным трибуналом советского правительства и присужден к тюремному заключению. Правда, вследствие разгромов «Северной группы» первое время, после указанных провалов, работа немного хромала, но организация скоро оправлялась и проводила свою работу с еще большей энергией и настойчивостью.

5. Февральская революция

Уже в конце 1916 г. сильно чувствовалась приближающаяся буря революции. Как на заседаниях совета, так и на массовках обсуждались уже вопросы о подготовке к революции, о необходимости раз'яснения массам значения революции, захвата власти рабочим классом и установления диктатуры пролетариата.

«Северная группа» явилась тем резервуаром кадров, из которого после Февральской революции выросла сначала латышская партийная группа при Лефортовском районе, а затем секции почти во всех районных комитетах партии большевиков.

Участие «Северной группы» в Февральской революции выразилось в работе ее членов на предприятиях и в учреждениях, где они состояли рабочими или служащими.

Сейчас же после Февральской революции «Северная группа» была легализована и первое время числилась отдельным районом московской организации. В группу сразу влились вернувшиеся ссыльные: Данишевский, Баузе, Янсон, Сунитс и ряд других видных товарищей.

Из архивного материала «Северной группы» и опубликованного кассового отчета в латышской газете «Социал-демо-

крат» от 11/III 1917 г. мы имеем точные данные как о количестве кружков, так и о названиях их, а также и о финансовом состоянии организации.

Всего кружков в момент легализации было 14, а именно: 1) «Рабочее утро», 2) «Утро», 3) «Омут», 4) «Поросль», 5) «Неспокойный», 6) «Пучина», 7) «Международники», 8) «Международный совет, 9) «Луч», 10) «Надежда», 11) «Зимовники», 12) «Циммервальдцы», 13) «Волна» и 14) «Учащийся».

Так как в среднем в кружке состояло примерно от 10 до 15 чел., то членов партии «Северной группы» в момент легализации в 1917 г. было около 200 человек.

В течение первых же недель после революции число членов группы увеличилось до 1.500. Все члены «Северной группы» принимали активное участие в дальнейшем развертывании революции. Почти каждый день созывались массовые собрания, где раз'яснялся ход революционных событий, велась массовая пропаганда большевизма. На отдельных митингах того времени участвовало до 3 000 человек. Были дни, когда организовывалось по пяти-шести митингов. Главными докладчиками на этих митингах выступали тт. Данишевский, Ленцман, а также П. Дауге. Организатором митингов был выделен тов. Лепше.

Тов. Данишевским был сделан доклад на одном из крупнейших митингов в Москве в здании быв. Соломонского цирка, где он обрисовал большевистскую точку зрения на буржуазный лозунг «война до победного конца».

Любопытно, что уже в начале революции на этих митингах принималась резолюция о братании солдат на фронте и о превращении войны империалистической в гражданскую, а также о скорейшем заключении мира без аннексий и контрибуций.

По инициативе «Северной группы» 12 марта была организована демонстрация за дальнейшее развитие революции и против войны. В демонстрации широкое участие принимали русские рабочие, и она вылилась в мощную 10-тысячную манифестацию, шедшую под лозунгами большевиков.

С самых первых дней Февральской революции «Северная группа», с участием московского бюро латвийской соц.-демократии, начала издавать ежедневную газету на латышском языке «Социал-демократ». Газета имела строго большевистское направление и вела беспощадную борьбу с меньшевистскими настроениями и идеологией некоторой части латышских социал-демократов, которые в организации большевиков не состояли.

На конференцию московской организации большевиков в 1917 г. (после Февральской революции) представителями от

«Северной группы» Лефортовского района были избраны тт. Крастынь (Викторс) и Калнынь (Мария).

На собраниях латышских секций и на широких рабочих митингах обсуждались важнейшие вопросы тактики партии большевиков.

Много было уделено внимания вопросу о курсе на социалистическую революцию и диктатуре пролетариата. По этому вопросу не было разногласий среди членов партии латышей, и вся широкая рабочая масса всегда голосовала за эту установку.

Лозунги «Долой Временное правительство», «Вся власть советам» принимались единогласно широкими трудящимися латышскими массами. В вопросе о братании солдат на фронте и заключении мира было также правильное понимание. Характерным явлением, подтверждающим это, является следующий эпизод на одном из больших митингов латышей, на котором тов. Данишевский делал доклад по этому вопросу: когда один из приехавших с фронта царских офицеров стал возражать против братания на фронте,— он был освистан и немедленно выгнан из собрания.

Февральская революция 1917 г., свергнувшая самодержавие, отдала власть в руки либеральной буржуазии, стремившейся продолжать империалистическую войну; задача превращения буржуазной революции в пролетарскую выдвигала перед партией необходимость вырвать массы солдат и рабочих из-под влияния меньшевиков и эсеров и создать свое большинство в советах. И эта основная задача была полностью понята широкими рабочими массами латышей. Меньшевики почти никаким влиянием на наши рабочие массы не пользовались.

С своей стороны считаю, что «Северная группа» сыграла значительную роль в деле революционизирования масс трудящихся не только среди латышских рабочих, но и среди русских.

Работа членов «Северной группы» в легальных обществах, организация вокруг этих обществ наиболее революционного элемента, активное участие членов группы во всех политических событиях на предприятиях, в забастовках, маевках, политических протестах, проведении экономических забастовок, большая теоретическая подготовка, которая проводилась среди членов партии по раз'яснению вопросов текущего момента и усилению теоретического багажа каждого члена группы,— все это дает нам полное основание сделать вывод, что «Северная группа» сыграла не малую роль как в подготовке революционных масс трудящихся, так и в активном участии их в самой революции. Члены «Северной груп-

ны» за все время существования латышских секций всегда активно участвовали в революционной борьбе и помогали партии проводить в труднейших условиях большевистскую линию среди рабочих масс города Москвы в борьбе за установление диктатуры пролетариата в целях окончательной победы над буржуазией и осуществления коммунизма.

О размерах и характере средств, которыми располагала организация, могут дать некоторое представление сохранившиеся кассовые отчеты за несколько месяцев до революции:

Кассовый отчет за декабрь месяц 1916 г. «Северной группы» Моск. организации РСДРП(б)

I об'единение (подрайон)

№№ по пор.	Название кружка	Членские взносы		Красный крест		Итого	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1	«Рабочее утро»	4	25	4	25	8	50
2	«Утро»	—	30	—	30	—	60
3	«Омут»	4	05	4	05	8	10
4	«Неспокойный»	2	—	2	—	4	—
5	«Поросль»	3	50	3	50	7	—
6	«Пучина»	1	50	1	50	3	—
	Итого	15	60	15	60	31	20

II об'единение (подрайон)

1	«Луч»	4	50	4	85	9	35
2	«Надежда»	1	25	1	25	2	50
3	«Зимовники»	2	—	2	—	4	—
4	«Циммервальдцы»	5	90	5	90	11	80
	Итого	13	65	14	—	27	65

Примечание. Остаток с 1 ноября по 1 декабря по I-му об'единению:

138	61	104	41	243	02

Израсходовано 75%, уплачено Московск. комитету 43 р. 01 к.

Кассовый отчет «Северной группы»

за январь 1917 г.

№№ по пор.	Наименование кружков	Членские взносы		Красный крест		Итого	
		Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
1	«Рабочее утро»	8	50	—	—	8	50
2	«Утро»	—	—	—	—	—	—
3	«Омут»	—	—	—	—	—	—
4	«Поросль»	9	—	—	—	9	—
5	«Неспокойный»	4	—	—	—	4	—
6	«Пучина»	—	—	—	—	—	—
7	«Международники»	18	90	3	—	21	90
8	«Международный совет»	15	—	10	—	25	—
	Итого	55	40	13	—	68	40
1	«Луч»	2	—	—	—	2	—
2	«Надежда»	4	—	—	—	4	—
3	«Зимовники»	3	—	—	—	3	—
4	«Циммервальдцы»	5	45	—	—	5	45
5	«Волна»	6	80	—	—	6	80
	»	9	10	—	—	9	10
	»	—	—	1	30	1	30
	Итого	30	35	1	30	31	65

Вместе с остатком и пожертвованиями по состоянию на 1 февраля 1917 г.

	Членских взносов	Красный крест	Итого
	231 р. 60 к.	225 р. 16 к.	456 р. 76 к.
Уплачено Моск. к-ту		57 р. 37 к. (из этой суммы).	

Примечание: Отсутствие поступления сумм по членским взносам от некоторых кружков и полное отсутствие поступлений в «Красный крест» за январь объясняется тем, что председатели кружков полностью еще не успели собрать, так как в «Красный крест» каждый член партии обыкновенно платил дополнительно к членскому взносу, и эти суммы еще не вошли в данный отчет.

А. Парре

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ «СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ» РСДРП(б) В МОСКВЕ В 1915—1916 ГГ.

В разгаре империалистической войны в 1915 г., когда немцы заняли территорию Прибалтийского края: Латвию, Литву, город Ригу и другие местности Прибалтики, многие предприятия этого края начали лихорадочно эвакуироваться в крупные промышленные центры России, главным образом в Москву.

В связи с этим из Прибалтики начался усиленный поток беженцев в центр России. В Москве как центре России этот наплыв был особенно заметен.

Само собой разумеется, что рост дороговизны и общие тяжелые условия значительно усиливали среди беженцев недовольство войной и царским режимом, и, несмотря на военное положение, почва для работы РСДРП(б) среди этого слоя населения была особенно благоприятной.

Что касается прибалтийского пролетариата, в особенности рижского, то среди него уже в конце 1915 г. был очень незначительный процент рабочих, которые еще сохраняли патриотически-шовинистические настроения. Только особыми репрессиями и тяжелыми экономическими условиями можно об'яснить недостаточную активность и слабые в то время проявления антиправительственных политических настроений рижского пролетариата.

Необходимо, однако, отметить, что среди квалифицированных рабочих-латышей известная группа пользовалась особыми льготами и привилегиями. Этой группе удалось эвакуироваться вместе с заводами за счет государства и сразу же приступить к работе по монтажу и восстановлению этих предприятий. Более важным заводам, работавшим на оборону, государство выдавало значительные суммы на эвакуацию; из этих сумм предприниматели могли не только платить рабочим, но и устраивать по протекции «своих людей».

Эта группа получала старую зарплату, и даже с некоторой прибавкой. Большой процент этой группы состоял из людей, политически «надежных», верных предпринимателю и целого ряда «родственников», прятавшихся на заводах от мобилизации. Само собою разумеется, что эти категории препятствовали развитию среди рабочих революционного движения. Однако среди эвакуированных рабочих были и рабочие большевики, мало еще политически «скомпрометированные». Но таких на первых порах были единицы.

Таким образом беженцев можно было разделить на следующие категории: 1) рабочие, эвакуировавшиеся вместе с заводами, пользовавшиеся привилегиями, 2) рабочие, работавшие на оборону, устраивавшиеся по протекции, чтобы избавиться от мобилизации, 3) прослойка рабочих, бежавших из Прибалтики самовольно, за свой риск и страх, 4) просто беженцы, крестьянская деклассированная масса, оторванная от своей родины, потерявшая всякую надежду на «победоносную войну» против немцев. Среди всех перечисленных групп был лишь незначительный процент лиц, свободно владевших русским языком.

Что касается экономического положения в самой Москве и политических настроений пролетариата, то необходимо отметить вкратце следующее: экономическое положение пролетариата в Москве на разных предприятиях было неодинаковое. Например, металлисты одной и той же квалификации, работавшие на оборону на крупных заводах, сумевшие экономически и политически защищать свои интересы, были материально значительно лучше обеспечены, чем на мелких предприятиях.

Точно так же уровень зарплаты значительного процента работающих военнообязанных, для которых расчет означал немедленное отправление на передовые позиции, сильно отставал от бешеного роста дороговизны. Вообще в то время средний уровень зарплаты в Москве был ниже уровня зарплаты в Риге.

С ростом беженского движения лидерами буржуазии Прибалтики разных взглядов и группировок был организован так называемый Беженский комитет по оказанию материальной и «моральной» помощи беженцам. Особенно развертывал свою работу и оказывал существенную и материальную помощь «Латышский комитет беженцев», во главе которого стояли национальные кадетские лидеры, Залит и К°. Залит известен как один из организаторов латышских стрелков в начале империалистической войны. Позднее эти стрелки революционизировались и хорошо проявили себя в истории гражданской войны.

В Москве существовало еще так называемое «Латышское общество взаимопомощи», организованное более левым течением либералов-культурников, меньшевиков-ликвидаторов и др.

Вместе с беженцами в Москву из Риги и других городов прибыл целый ряд партийцев, старых подпольщиков-большевиков, которые повели работу в Беженском комитете и обществе взаимопомощи. Начав с индивидуальной агитации, они затем начали организовывать единый центр латышских подпольщиков — «Северную группу». До этого при Московской организации была организована латышами-пролетариями так называемая «Тверская группа», которая была задушена репрессиями и арестами. В связи с этим большая часть оставшихся на свободе членов партии была уже скомпрометирована, находилась на учете охранки и поэтому временно вынуждена была почти прекратить свою деятельность.

Осенью 1915 г., примерно в августе, в Беженском комитете я встретил тов. Стрипнек, который через свою сестру был связан с некоторыми подпольщиками из бывшей «Тверской группы». Я жил в то время вместе с другим подпольщиком, тов. Леппе, и с ним вместе участвовал на организационном собрании, где были также Стрипнек, Гулбис и, кажется, Берзин, остальных не помню. Всего нас было человек 7 или 9. Не помню также, кто был инициатором этого собрания. Участники этого первого собрания были интеллигенты, за исключением меня, Стрипнека и Леппе. Я и тов. Леппе чувствовали некоторое недоверие и неуверенность в присутствующих, и мы в частном порядке информировались у тов. Стрипнека об их политической надежности и большевистской выдержанности. На собрании был решен ряд организационно-технических вопросов, и было назначено на ближайшее воскресенье собрание на Воробьевых горах для выборов организационной коллегии — совета и окончательного решения ряда организационных вопросов подпольщиков.

О первом организационном собрании на Воробьевых горах, где присутствовало, примерно, человек 20, достаточно уже рассказано в статье тов. Леппе. Несмотря на то, что подконец собранию помешала полиция, мы успели положить начало существованию новой организации. Наша организация, по соображениям конспиративным, была названа «Северной группой» и разбита в зависимости от места жительства и работы, а также личной связи отдельных товарищей, на несколько кружков, во главе с кружковыми старостами, поддерживавшими связь с организационной коллегией—советом, который в свою очередь имел связь с Московским комитетом партии. В дальнейшем, к лету 1916 г., группа выросла до

200 человек и имела около 12—15 кружков, в среднем по 5—12 человек в кружке.

Впоследствии были созданы так называемые первоначальные теоретические пропагандистские кружки для пополнения знаний политически малограмотных членов партии. Одновременно на общих собраниях кружков, а также на массовках разбирались достаточно глубокие теоретические вопросы в связи с вопросами текущего момента. Позднее был организован также один кружок повышенного типа. В этом кружке было около 9—10 человек. Руководителями-пропагандистами кружка были в то время тт. Крастынь и Карпс. Соблюдая конспирацию и находясь в особо тяжелых условиях, мы в члены партии принимали только тех, кого можно было лично проверить через знающих их товарищей или по указаниям соответствующих организаций. При этом требовалась рекомендация не менее двух членов партии, знающих их политические взгляды, бытовые условия; необходимы были также и элементарные знания устава и программы партии. Прием производился на кружках. До вступления в партию для проверки товарищей они привлекались к практической работе и назывались содействующими. Им поручалась работа по распространению литературы, сбору средств на «Красный крест», агитация среди рабочих. На кружках ставились доклады-рефераты на тему вроде «Что такое подпольная партийная конспирация». Молодые члены партии получали как бы инструкцию о соблюдении конспирации. Кроме того, ставились доклады по тактике и стратегии большевистской партии.

Партийная работа велась и через легальное Латышское общество взаимопомощи, когда оно было нами завоевано.

Насколько мне помнится, под разными замаскированными названиями слушались вопросы о самоопределении Латвии, по истории литературы, искусства и т. п. На самом деле все эти вопросы рассматривались в разрезе особых задач текущего момента.

«Северная группа» непосредственно, а также и через Латышское общество взаимопомощи имела влияние на неорганизованную беженскую массу и постепенно начала завоевывать в известной степени руководство в Беженском комитете. Часть членов партии, менее «скомпрометированные», в частности тов. Крузе, вела непосредственно политическую работу в Беженском комитете. Эти легальные возможности использовались отчасти и для материальной поддержки средствами «Северной группы». В частности посредством Беженского комитета нам удалось снабжать тех или других наших товарищей необходимыми им документами.

Средства «Северной группы» собирались из членских взносов, и, несмотря на безработицу и тяжелое материальное положение, они поступали весьма аккуратно. Общим правилом было взимание, примерно, одного процента с зарплаты.

Порядок ведения кассовой отчетности был таков: членские взносы, пожертвования и прочие сборы получал председатель кружка, и передавал их председателю старостата всех кружков, а если имел личную связь с казначеем, то передавал ему непосредственно. Последний, чтобы уберечь кассу от случайного провала, не держал у себя на руках какие-либо суммы, а передавал их по назначению высшим инстанциям.

В каком порядке хранились и выдавались деньги, он не знал. Казначей должен был вести отчетность на память или особыми, непонятными для других заметками, а в конце месяца составлять официальный кассовый отчет. Оригинал кассового отчета переписывался товарищем, имевшим хороший почерк, но ни в коем случае не казначеем, затем размножался при помощи гектографа. Отчет передавался для ознакомления всем кружкам, после чего возвращался руководителю кружка для уничтожения; сохранялись в отдельных случаях лишь 1—2 экземпляра. В конце 1916 г. приход составлял примерно от 200 до 500 руб. в месяц (см. статью тов. Лепше).

В последнее время у нас были накоплены некоторые средства, и стоял вопрос об издании своего периодического органа. Некоторым товарищам было поручено предпринять технические меры по организации подпольной типографии — таскать шрифт, доставать бумагу. Однако наладить свою типографию все-таки не удалось и пришлось ограничиться гектографом. Собранные средства тратились, помимо оказания помощи «Красному кресту», на технические нужды, распространение литературы, оплату содержания платных пропагандистов.

В летнее время организовывались массовки в лесу в условиях весьма сложной и строгой конспирации. Вопросы о созыве массовки, а также о подборе докладчиков прорабатывала оргколлегия. Одному из членов оргколлегии поручалась техника организации; он должен был наметить место и время собрания, причем накануне председателям кружков сообщался только первый пароль (условная встреча). Председатель кружка не имел права на словах сообщать второй пароль. Он сам доводил до второго патруля или поручал сделать это одному или двум надежным товарищам. Так же было в отношении третьего патруля и т. д. Местность, условные знаки и пароль должен был выбирать товарищ,

которому была поручена организация массовки, для чего он иногда мог под свою ответственность кооптировать одного-двух членов партии на помощь. Сбор назначался обычно не в одном пункте, а в двух-трех. От первого патруля и до следующего назначались разводящие. Точность срока сбора строго соблюдалась. На месте сбора товарищи вновь проверялись председателями кружков. В случае недоразумения при проверке, если оказывалось одним больше, или одним меньше, начиналась поименная проверка по кружкам, вплоть до окончательного уточнения. После проверки открывалось собрание. Вначале сообщались сведения относительно местности, где происходило собрание, давались указания, в какую сторону бежать в случае налета полиции, какие условные знаки будут даваться со стороны патрулей. На собрании не разрешалось курить, разбрасывать бумажек, чтобы не оставалось никаких признаков собрания. Необходимые записи при выборах или для других целей по окончании собрания уничтожались там же на месте. Необходимые отметки в блокнотах по поводу доклада для информации или инструкции велись таким образом, чтобы их нельзя было расшифровать. Если, несмотря на все мероприятия, на такое собрание случайно наталкивались посторонние,— собирающие грибы, охотники и т. д.,— то их обыскивали, отводили в сторону и задерживали под стражей до конца массовки. Места массовок были: Преображенская застава, Сокольники, Благуша; использовались также и дачные местности: Кусково, Царицыно. Посещаемость массовок была весьма значительная. Собиралось 60—70% членов «Северной группы» и много сочувствующих.

Все члены партии латыши, кроме работы среди латышей, вели большую работу и играли значительную роль и в профессиональных союзах. На предприятиях была непосредственная связь по линии работы и с партийными организациями русских рабочих.

Московская подпольная организация во многом заимствовала большой организационный опыт прибалтийских организаций, особенно рижской.

Значительная группа латышей-подпольщиков работала на телефонной фабрике Земгора, на Военно-промышленном заводе, в Покровских швейных мастерских, работавших на оборону, на обувной фабрике Слуцкина, на быв. Семеновской, в брезентных мастерских Земгора, на «Проводнике», на военно-промышленных заводах. Отдельные товарищи принимали активное участие в работе среди металлистов, среди кожевников (тт. Кушель и Матч), портных (тт. Витте, Розе), в союзе торгово-промышленных служащих (Гулбис и Зе-

мель). Значительную роль играли латыши-подпольщики, особенно интеллигенты, в Москве в Союзе потребительских обществ. Несколько членов «Северной группы» РСДРП(б) руководило экономическо-политической забастовкой, возникшей на военно-промышленном заводе по случаю массовых арестов в январе 1916 г. Эта забастовка потерпела потом полное поражение, последствием чего явилась фильтрация состава рабочих от политически «неблагонадежных» элементов.

«Северная группа», принимая участие во всех политико-экономических забастовках, не отрывалась от общемосковской организации, поддерживала с нею связь.

Накануне 1 мая 1916 г. в воскресенье за Преображенской заставой была организована специальная агитационная массовка. Организация этой массовки была поручена тт. Капс, Гайле и мне; в порядке кооптации мною привлечен был тов. Леппе. В этой массовке участвовало около 300 человек. Были, насколько мне помнится, и представители общемосковской организации.

Кроме официальной связи с московской организацией, «Северная группа» имела почти постоянную связь с рижской организацией и частичную с Петроградом. От рижской организации, хотя и с перебоями, получали литературу.

Вопрос о выпуске самостоятельной литературы «Северной группой» обсуждался неоднократно. Однако нехватало технических и материальных средств, а также достаточных теоретических сил; мешали и усилия провокаторов. Поэтому пришлось обойтись только гектографированными воззваниями, отчетами, протоколами высших инстанций, а также распространением литературы, получаемой от московской организации.

Преследования полиции, материальные затруднения и отсутствие заработка часто заставляли членов «Северной группы» разъезжаться по разным городам России. Но нет худа без добра; через уехавших товарищей «Северная группа» получала связь с другими районами. Постоянную связь и место явки мы имели в Саратове, Самаре, в Нижнем Новгороде. В Саратове такой явкой являлась квартира ранее высланного товарища Гулбиса и квартира товарища Перкон.

Необходимо отметить, что опыт работы «Северной группы» был учтен также другими городами. В частности, была создана крепкая латышская группа РСДРП(б) в Саратове, которая играла немалую роль как в подпольной работе, так и во время керенщины и в период Октябрьского переворота. Под руководством латышской группы в 1918 г. был организован латышский стрелковый полк, сыгравший большую

историческую роль в подавлении военного восстания в Саратове в 1918 г.

Большую работу проделала «Северная группа» накануне Октябрьского переворота по подготовке и революционизированию латышских стрелков, когда-то организованных под национально-шовинистическим флагом; но позднее в истории гражданской войны они сыграли большую и положительную историческую роль.

В связи с безработицей и преследованиями в Риге, я приехал в Москву осенью 1915 г. Здесь я через короткое время установил связь с тт. Леппе, Рутман, Стипнек, с которыми уже раньше был знаком по совместной работе.

По приезде я вступил членом в союз металлистов, находившийся в то время на Троицкой улице, около Екатерининского парка. Руководство союзом металлистов находилось в руках большевиков.

Поступил я на завод Гаген-таль, ныне 1-й арматурный завод, в качестве слесаря, как военнообязанный.

Среди рабочих в общем тогда была большая политическая подавленность. Было много военнообязанных, большой процент учеников, устраивавшихся по протекции и т. д.

Установить, имеются ли на заводе кроме меня и Леппе еще другие члены РСДРП (б), нам не удалось. Вообще передовых, организованных рабочих на заводе было крайне мало. Агитацию среди рабочих возможно было вести только индивидуальным путем.

Примерно через полгода я перешел на телефонную фабрику Земгора на Покровской улице, изготовлявшую тогда в лихорадочно спешном порядке военно-полевые телефоны.

Я работал в качестве штамповщика. Уровень зарплаты был там значительно выше, политическая обстановка гораздо лучше. Следует отметить, что и администрация здесь была более либеральная, как вообще на предприятиях земского союза. В частности, после моего ареста осенью 1916., несмотря на более чем месячное отсутствие на работе, управляющий, немец, по моей просьбе выдал мне удостоверение в том, что я служил на таком-то заводе по день моего от'езда. Это в то время играло весьма существенную роль, поскольку существовало такое распоряжение: военнообязанные, переходящие добровольно из одного предприятия в другое, работающее на оборону, не оформляющие вновь отсрочку в течение 5 дней, на работу не зачисляются, а подвергаются мобилизации и обязаны немедленно явиться к воинскому начальнику. Причем интересно отметить, что я, получая от управляющего справку по день расчета, указал ему, что меня считают немецким шпионом, на что он выразил

вслух свое сочувствие словами: «Ну, что же, сегодня вас, а завтра могут выслать и меня».

На телефонной фабрике из членов партии работали тт. Лидак, Бредис и под чужой фамилией Лапинь, Леппе, Путис и я. В дальнейшем вступил в партию также работавший там тов. Фришенфельд.

Политическая работа, как то: обсуждение вопросов текущего момента, распространение газет, воззваний, сбор пожертвований для «Красного креста»,— велась на заводе довольно активно и среди беспартийных.

Члены «Северной группы» металлисты, за исключением сильно скомпрометированных в глазах полиции и живших по чужим документам, принимали активное участие в работе союза металлистов, который тогда, после недавнего разгрома, находился в довольно плохом состоянии. Большое затруднение в этой работе, конечно, создавало плохое знание русского языка. Несмотря на это, мы с тов. Леппе посещали собрания довольно аккуратно, работали в разных культурных комиссиях и поддерживали связь с русскими товарищами в правлении союза металлистов. В частности, мы имели близкую связь с тов. Батышевым, помню также тов. Плаксина.

По работе в союзе металлистов сохранилось в памяти два характерных эпизода. В 1915 г. союзом металлистов проводился «женский день» в Лефортовском районе, где с докладом выступала женщина, по кличке, кажется, «Женя». Собрание было довольно многолюдное, были горячие дебаты, но, примерно, к концу собрания налетела полиция, некоторых арестовала и записала адреса всех присутствовавших. Второй случай налета полиции был в помещении правления союза металлистов на Троицкой. Там было довольно широкое делегатское собрание, обсуждавшее разные актуальные вопросы. И на этот раз дело ограничилось только взятием на учет, записыванием адресов и тщательным обыском на месте.

Вообще в то время, как правило, при всяком более или менее людном собрании по линии легальных профессиональных и культурных обществ надо было быть готовым к налету полиции, к аресту и обыску. Несмотря на такую обстановку, союз металлистов продолжал упорно вести свою работу и, в частности, сыграл большую роль по сближению количественно значительных кадров латышских металлистов с местными рабочими массами.

Работая в «Северной группе», я состоял в кружке «Прометей» под кличкой «Томс» (раньше имел кличку «Вецайс»), являлся руководителем (старостой) кружка, в дальнейшем непродолжительное время был руководителем, председателем

старостата всех кружков, а после, в 1916 г., был членом оргколлегии-совета. В состав совета тогда вошли следующие товарищи: я, Витте, Кушель, Гайле, Земнеце (кличка) и Дадзис (кличка).

Необходимо вкратце остановиться на функциях упомянутых организаций и вообще на вопросе о внутреннем построении «Северной группы».

Первой организационной основой являлся кружок. Во главе кружка стоял периодически избираемый кружковой староста-руководитель, задачей которого было иметь связь с высшей инстанцией по всем организационным вопросам, обслуживать кружок, созывать кружковые собрания.

Существовал также институт совещаний кружковых старост, в который входили персонально руководители кружков, в свою очередь выбиравшие из своей среды одного общего руководителя. А этот последний имел связь с оргколлегией-советом, избиравшимся из более видных, проверенных и закаленных подпольщиков, в составе 3—7 человек.

Оргколлегия-совет имел связь с высшими партийными инстанциями и представлял «Северную группу». Существовала связь с Московским комитетом, с фракциями профессиональных союзов, а также, почти систематическая, с рижской организацией.

Кроме этого постоянного органа имелись еще теоретические кружки начального типа, и в дальнейшем был организован один общий кружок повышенного типа, так называемый в то время кружок пропагандистов, в котором я участвовал недолго.

По совместной работе в «Северной группе» хорошо помню следующих товарищей: Леппе Иван Иванович (кличка «Клявиньш»), в настоящее время состоит в московской организации; Гайле (кличка «Земнеце»), где находится в настоящее время, мне неизвестно; Лаува — убит во время гражданской войны, служил в Красной армии; Карпс (кличка «Карлис»); Витте (кличка «Ликайс»), в настоящее время находится в московской организации; Спрогис — после Октябрьского переворота выяснилось, что он старый провокатор; моя сестра — Берта Парре — вступила в партию в 1915 г.; Зельма Биркан — в настоящее время беспартийная; Мария Полис; Миле (кличка); Крастыньш (кличка «Викторис»), Озол-Преднек — в настоящее время находится в московской организации; Забельская — в московской организации; Алексис — кличка; Бредис — три сестры; Дымдынь; Кушель — умер от сыпного тифа в 1921 г. в Ростове; два брата Мартынсон — один находится в Москве, другой умер; Гулбис — умер; Следе — кличка; Страумит (кличка «Саймнекделс»), находится в настоящее

время в нижегородской организации; Мария Оше (кличка «Маза Мейта»),— в нижегородской организации; Янель; Ласис; Клокс; Петерис (кличка); Рудис — оказался провокатором; Стипнек — умер от сыпного тифа, кажется, в 1923 г.; Рутман — в московской организации; Саркис; Катэ-Саймнеце (кличка); Бейка Янцис; Путис; Бредис-Лапынь; Фришенфельд; Бурдынь; Лидакс — в московской организации; Вера Лепинь; Земель; Борман; Грейер и др.

В Латышском обществе взаимопомощи активно участвовали из «Северной группы» тт. Леппе, Ласис, Гайле, Саркис, я и ряд других товарищей. С докладами и рефератами выступали тт. Драудынь, Швабе, Свикке, Крузе (потом вступил в партию), Ласис, Дауге, Скуенекс, Крушевич, Леонс Паэгле — пролетарский писатель — и другие.

Жил я в коммуне вместе с тт. Витте, Бейка Анной, Зельмой Биркан, Миле,— моей сестрой, Марией Полис и еще с тремя беспартийными в отдельной квартире на Тихонском переулке около Виндавского вокзала.

Зимою, к рождеству и Новому году, по традиции рижской организации, организовывались так называемые «партийные елки». Под предлогом «елки» устраивались более или менее многолюдные собрания, на эти собрания привлекались также и беспартийные, и на них проводились политические беседы.

Такая «партийная елка» была устроена зимой 1915 г. в нашей квартире. Присутствовало около 20 человек. Среди нас был Рудис, оказавшийся потом провокатором. Очевидно, по его донесению, хотя и с опозданием нагрянула полиция и произвела обыск. Но и на этот раз никого из нас не арестовала, так как в квартире ничего «компрометирующего» не нашли. Наткнулись только на черновик моего кассового отчета, находившийся у меня в кармане, но так как я спокойно заявил, что это является записью по моей сдельной выработке на заводе, то, не разбираясь в этих цифрах и условных отметках, мне эту бумажку вернули обратно. Если бы этот документ попал в охранку, то, конечно, там он был бы расшифрован.

Будучи основательно «скомпрометирован» в связи с неоднократными обысками на разных собраниях, а также заметив аккуратную слежку — проводы шпиков по вечерам,— я в целях отвода внимания шпиков временно отошел от всех функций, связанных с необходимостью соприкасаться с людьми. Переменив квартиру, стал реже посещать общество взаимопомощи и выполнял только обязанности казначея; начал посещать вечерние технические курсы, организованные Обществом трезвости на Трубной площади.

Как потом оказалось, в одном доме со мной проживал провокатор Спрогис, который, очевидно, являлся главным доносчиком на меня.

28 сентября 1916 г. арестовали меня и сестру. Был произведен тщательный обыск, но, так как я предвидел свой арест, этот обыск не дал абсолютно никаких компрометирующих данных. Несмотря на это, был дан ордер с приказом арестовать меня и сестру. В эту ночь было произведено около 300 обысков по всей Москве, причем только среди одних латышей было около 100 обысков и арестовано из «Северной группы» 32 человека.

В тюрьме я сидел в одной камере вместе с тов. Земель, старым, весьма энергичным и теоретически подготовленным товарищем, активно работавшим в потребительском обществе. Впоследствии он погиб на фронте во время гражданской войны. В другой камере сидел Озол-Преднек и Каупинь из общества взаимопомощи — меньшевик, не состоявший в подпольной организации, и ряд других товарищей.

Режим в тюрьме был не особенно жестокий, если не считать очень сокращенное время прогулок. Обращались с нами вежливо, мы имели возможность вести переговоры между собой в коридорах и т. д.

Необходимо остановиться еще на тех приемах, которые охранка применяла при вербовке провокаторов. Отсидев примерно три недели, я был вызван в охранное отделение. Взяли меня одного. Это вызвало среди нас недоумение.

В охранке меня посадили в холодную темную камеру. В полдень любезно предлагают обед. Я был основательно голоден и, хотя и опасался, как бы меня не накормили чем-нибудь усыпляющим, все-таки не отказался от обеда из двух блюд, очевидно от стола охранников. После обеда сладкий чай. Потом вызывают в отдельный кабинет, где происходит разговор с глазу на глаз со штатским человеком с вызывающей улыбкой, говорящим по-латышски. Очевидно, московская охранка имела хорошо налаженную связь с рижской охранкой и оттуда выписывала себе квалифицированных охранников-латышей.

Охранник предлагает мне стул; я отказываюсь, он все-таки заставляет сесть, предлагает папиросу. Потом начинает говорить о разных отвлеченных вещах: о тяжелых условиях в России, о необходимости помочь правительству в обороне страны и т. д. Выслушав все это, я отвечаю, что мне непонятно, какое я имею ко всему этому отношение, что я как простой рабочий правительству ничем помочь не могу, что на заводе работал фактически на оборону страны. Тогда он начинает разговаривать более конкретно. Чтобы

показать, что он все знает, он рассказывает, где я был, какие массовки организовывал, что, примерно, говорил. В заключение предлагает мне продолжать работу в таком же духе и оказывать помощь правительству, обещая освободить меня, улучшить материальное положение, гарантирует возможность учиться. Тут уж я не выдержал, начал волноваться и категорически заявил, что провокатором не буду и никакими приемами сделать меня таковым ему не удастся.

Группа членов «Северной группы» РСДРП (б) [1]

1) Муссинь, 2) Леппе И. И., 3) Упит, 4) Калнынь М., 5) Забельский В. И., 6) Цалит, 7) Вилнис, 8) Стипнек, 9) Озол-Преднек, 10) Лацис, 11) Бланк, 12) Бурдынь, 13) Печея, 14) . . . . . 15) Янел, 16) . . . . . 17) Машул, 18) и 19) . . . . . 20) Цельмин, 21) Ласис, 22) . . . . . 23) Пиген, 24) Берзин М., 25) и 26) . . . . . 27) Цивцивадзе.

Несмотря на это, он сделал еще попытки кое-что узнать от меня, но, выяснив, что все это бесполезно, предложил мне вернуться в камеру и «подумать».

Конечно, думать об этом не было никакой нужды, но для меня стало ясным, что, судя по всему, среди наших близких товарищей имеется провокатор. Я в то время знал значительную часть членов партии. Перебирал в своей памяти всех товарищей, но никого не мог заподозрить в провокаторстве. Правда, некоторые подозрения вызывал у меня

---

[1]) Пропущены фамилии, которые автор не помнит. Тт. Лацис, Бланк, Цельмин и Цивцивадзе являлись членами «Тверской группы».

Спрогис, однако я считал его для этого дела слишком тупоумным, ограниченным. К тому же он имел еще физический недостаток,— он был сильно глуховат.

На другой день разговор с охранником продолжался, но уже без угощений, без обедов и без вчерашней вежливости. Это был уже настоящий допрос. Желая скорее отделаться, я стал более резко отвечать на вопросы, ограничиваясь категорическим отрицанием.

На третий день разговор велся в крайне грубом тоне, с руганью и угрозами. Вежливый человек с улыбкой, проявил свою настоящую натуру. Однако обошлось без рукоприкладства. После этого было дано распоряжение отправить меня немедленно обратно в тюрьму. На сей раз меня уже везли в «собачьем ящике». После этих трех дней тюрьма была для меня настоящей свободой.

Я, конечно, в тот же день сообщил обо всем товарищам в соседней камере. После этого я отсидел еще, примерно, месяц с лишним. Так как против меня, кроме доносов шпиков-провокаторов, не было абсолютно никаких документальных данных, так же, как и у большинства арестованных,— меня выслали административно под негласный надзор полиции в Саратов. Сестру мою, вместе с рядом других товарищей, выслали в Нижний-Новгород.

Прошлая подпольная работа — 13-14 лет тому назад — может нынешнему молодому поколению показаться ничтожной по размаху, но эта как-будто мелкая работа явилась крепким фундаментом огромных достижений настоящего времени.

В. Забельский

СТРАНИЧКИ ИЗ ИСТОРИИ ЛЕГАЛЬНЫХ ЛАТЫШСКИХ ОБЩЕСТВ В МОСКВЕ

Уже начало 1915 г. показало, что положение царской России в империалистической войне становится все тяжелее: линия фронта на русском театре военных действий отодвигалась все больше и больше на восток; начались уже первые эвакуации районов, правда, еще небольших. Следующий нажим противника заставил русские армии откатиться далеко назад. Начались эвакуации обширнейших западных областей: Польши, Литвы, Латышского края и Эстонии.

Особенно опустошительна была эвакуация Латышского края. Напуганное шовинистической кампанией в печати, где сообщалось о «немецких зверствах», насилиях и грубости, о поголовной мобилизации немцами всех работоспособных мужчин, поверив обещаниям, что все беженцы будут устроены,— население целого ряда районов, особенно сельских, добровольно покинуло свои насиженные места... Целые волости, насчитывавшие от тысячи до десятка тысяч жителей, опустели. Остались лишь по преимуществу старики и неработоспособные или люди, находившиеся в близких сношениях с местным немецким дворянством и духовенством.

Особенно обезлюдела так называемая Средняя Курляндия — уезды: Митавский, Туккумский, Бауский, а с выходом линии фронта на Западную Двину также и придвинская полоса Курляндии и южная часть Лифляндии.

Но не везде эвакуация сельских районов была добровольной. В местах, где не было особой готовности выселяться, все взрослое и работоспособное население должно было спешно выбираться со скотом, хлебом, с домашним скарбом, а иногда и без него, под воздействием казацких нагаек.

И только в начале сентября 1915 г. было издано распоряжение не выгонять население против его желания.

Различные учреждения и культурно-учебные заведения эвакуировались в обязательном, заранее предусмотренном, порядке так же, как и все важнейшие фабрики, заводы и мастерские.

Из одной Риги было эвакуировано свыше 400 больших и малых предприятий и мастерских; из них значительная часть с рабочими.

Города опустели вследствие прекращения торгово-промышленной и культурной жизни. Те, кто намерен был остаться, теперь вынужден был бежать.

Так в короткое время опустел густо населенный, культурный и богатый край.

Мощный поток эвакуированных беженцев и выселенцев направлялся на восток в поисках нового пристанища.

Одно из первых мест по количеству оседания беженцев и эвакуированных занимала Москва.

Сюда был вывезен целый ряд предприятий: гиганты резиновой промышленности — заводы «Проводник» (Москва и Тушино) и «Каучук»; завод Розенкранца, моторно-рессорный завод, электротехнический завод «Унион», Иегельская джутовая фабрика (Пушкино, Павлово-посад), митавская замочная фабрика Крамера, машиностроительный завод Пирвица и целый ряд небольших мастерских.

Эвакуированы были предприятия и из других городов, правда, в значительно меньшем количестве. Однако не все вывезенные предприятия удалось восстановить. Нехватило помещений для размещения оборудования, нехватило строительных материалов, не отпускались средства для этого. Так в районе ст. Люблино, Курской железной дороги, долго оставалось лежать без всякого применения оборудование нескольких цехов Русско-балтийского вагоностроительного завода из Риги; не установлено было оборудование ряда мастерских. Точное количество эвакуированных предприятий установить нельзя, более же значительные указаны уже выше.

Если судить о числе эвакуированных рабочих по количеству выданных Беженским комитетом пособий, то еще в сентябре 1915 г. из одной лишь Риги эвакуировалось около 2 500 рабочих. Но выдача пособий производилась и после сентября 1915 г.

Помимо рижских фабрик в Москву были вывезены предприятия из других городов, частично также с рабочими.

Кроме того в Москву было эвакуировано довольно много учреждений, так что общее число рабочих и служащих, прибывших вместе со своими предприятиями и учреждениями, было не меньше 4 500—5 500 человек.

Положение рабочих, эвакуированных со своими предприятиями, было лучше, чем положение всех остальных категорий беженцев. Они в первую очередь получали работу или в эвакуированных или в местных предприятиях; часть их — квалифицированные — получала суточные в виде денежного пособия. А поскольку эвакуация предприятий началась еще до наплыва беженской массы, то и с квартирами было легче устроиться. Если еще иметь в виду, что с предприятиями вывозили почти исключительно рабочих квалифицированных, то станет очевидным их выгодное положение по сравнению с другими.

Положение рабочих, приехавших не со своими предприятиями, было хуже: квартирный вопрос стоял острее, найти работу было труднее. Но все-таки квалифицированные рабочие, особенно металлисты, химики, кожевники, швейники, имеющие подходящую для работавших на оборону предприятий квалификацию, получали работу сравнительно легче.

Гораздо хуже обстоял вопрос у не имевших квалификации, особенно у чернорабочих и батраков. Им найти работу было гораздо труднее и приходилось подолгу оставаться на бирже труда или в поисках за работой обивать пороги различных предприятий, так как даже проводимая в это время мобилизация промышленности пред'являла спрос прежде всего на дешевые рабочие руки — женщин и детей.

Количество выселенцев и беженцев, прибывших в Москву не со своими предприятиями и учреждениями, было весьма значительно и составляло основную массу прибывших.

К моменту Февральской революции в Москве и в ближайших к ней районах насчитывалось зарегистрированных беженцев-латышей около 33 тыс.

Таким образом в Москве осели крупные массы беженцев, выселенцев и эвакуированных латышей. Были ли созданы и какие именно организации для обслуживания их материально-культурных нужд?

В связи с прибытием первых партий беженцев встал вопрос о помощи им со стороны латышских общественных организаций в Москве, ибо государственный аппарат был в этом деле тяжел и неподвижен, и на него возлагать какие бы то ни было надежды не приходилось. Местное городское самоуправление, занятое своими делами, также не могло оказать большой помощи. Но, организовав дело обслуживания беженцев, средства найти было можно. Московское латышское общество, об'единявшее местную латышскую буржуазию, было организацией реакционной, не имевшей влияния на массы. Но зато оно пользовалось доверием у правительственных органов. Оно имело помещение в своем собственном доме

(Покровка, 41), и здесь чисто стихийно образовался центр, куда начали обращаться беженцы со всеми своими нуждами.

Левые элементы местной латышской колонии, в первые дни принявшие самое горячее участие в обслуживании нужд все увеличивавшейся массы беженцев и вынесшие на своих плечах всю тяжесть работы первого периода, в дальнейшем мало интересовались организацией помощи беженцам. К тому же местным левым организациям — обществу взаимопомощи и студенческому обществу — правительство не отпускало бы средств. Поэтому отчасти и было стремление использовать для этой цели фирму Латышского общества. Руководители последнего оказались предусмотрительнее. Они учли выгодную для себя возможность оказывать влияние на массы, получить в свое распоряжение громадные денежные средства, а вместе с тем и различные почетные и прибыльные должности. Латышское общество выхлопотало утверждение организованного при нем комитета по оказанию помощи беженцам, состав которого был набран почти исключительно из сторонников общества, представители же латышских общественных организаций Москвы были устранены, несмотря на то, что именно они вначале были фактическими работниками по обслуживанию беженцев. Вокруг комитета разгорелась горячая борьба за влияние на беженцев.

При комитете были созданы отделы обслуживания различных нужд беженцев. Школьный отдел организовал школы, детские сады, интернаты, снабжал учеников книгами, учебными пособиями, обувью, одеждой и т. д. Так, еще в начале 1915/16 учебного года школьным отделом было размещено («Dsimtenes Atbalss» № 1 от 5 сентября 1915 г.) детей беженцев в средних школах повышенного типа около 200 чел. и в начальных — 350 чел.

В первой половине 1916 г. беженских детей уже насчитывалось около 6 тыс. Из них на тех или других видах снабжения было около 2 500 чел. Начальные школы посещало 1 100 чел. Начальных школ было 11 с 40 группами учащихся. Детских садов было 5, учителей в начальных школах — 43, учителей в приютах и детских садах — 18 чел. (по данным доклада на конференции работников школ и просвещения).

Таким образом с внешней стороны делалось как будто бы довольно много. Но суть не в этом, а в содержании и направлении этой работы.

Комитет производил регистрацию беженцев, выселенцев и эвакуированных латышей, содержал общежития и приюты, направляя на работу по поступавшим к нему заявкам на рабсилу. Только до 1 октября 1915 г. было направлено на

постоянную и временную работу, до 5 тыс. чел. Условия работы большею частью были очень тяжелые,— плата низкая, рабочий день длинный,— ведь в беженцах искали дешевые рабочие руки. Поэтому рабочий скоро оставлял работу, увеличивая число повторных посылок на работу. Эксплоататорское лицо комитета проявлялось в организации своих мастерских и в создании в них крайне тяжелых условий работы (брезентно-пошивочных, обувно-кожевенных и других мастерских).

Безработные беженцы, а также нетрудоспособные, получали пособие в размере 20 коп. в день. Ясно, что на такую сумму нельзя было прожить.

Были у комитета свои врачи и, конечно, попы. Последние в работе комитета занимали очень видное место. Комитет не был бы верен себе, не выполнял бы своих классовых задач, если бы отказался от одурманивания попавших в беспомощное положение беженцев.

Помимо комитета при Латышском обществе в области обслуживания нужд беженцев в Москве работали другие организации. Так, например, петроградское общество «Родина» и городская управа содержали ряд учреждений и школ, обслуживавших беженцев.

Неудачи на фронтах и поражения царских армий, с одной стороны, и частые призывы в армию, переосвидетельствование белобилетников, начавшиеся продовольственные затруднения и сильное вздорожание жизни,— с другой, вызвало боевое настроение у московских рабочих, да, пожалуй, и не только у рабочих. Интеллигенция, отчасти и буржуазия не составляли исключения. Мне как приехавшему из прифронтовой полосы во второй половине октября 1915 г. это особенно бросалось в глаза. Недовольство московских рабочих выливалось уже в конкретные формы: забастовки трамвайных рабочих, стачки на фабриках, баррикадные бои на Страстной площади и другие выступления носили определенно политический характер. Но еще большее недовольство было среди латышских беженцев, особенно рабочих. Их положение было особенно тяжелым: материальные нужды слабо удовлетворялись, безработные получали мизерную материальную помощь, условия труда работавших были тяжелы, жилищные условия невозможны; дороговизна росла с ужасающей быстротой.

К этому времени (сентябрь — октябрь 1915 г.) уже сорганизовалась с.-д. организация — «Северная группа», об'единяющая по преимуществу латышей, приехавших из Прибалтийского края. В группу входило много старых членов рижской с.-д. организации — рабочих и работниц, эвакуированных

с фабрик и заводов Риги. Была и учащаяся молодежь. Прежних членов с.-д. организаций других городов Латышского края было значительно меньше, и рижане определенно преобладали и руководили этой группой. Остатки разгромленной охранкой с.-д. «Тверской группы» были очень незначительны, и те потом раз'ехались из Москвы.

Перед нашей организацией встал вопрос об использовании имеющихся легальных возможностей в виде различных обществ, кружков и комитетов. Нужно сказать, что в Латышском крае использование легальных возможностей, не как самоцели, не как чего-то самодовлеющего, а как дела, подчиненного определенным основным требованиям партийной организации и работы, было ценным дополнением к работе нелегальной организации.

Конечно, идея использования легальных возможностей таила в себе большие опасности, а именно: опасность переоценки этих возможностей, утерю значения их служебной роли и порождения вредных иллюзий о крупных результатах этой работы. Использование легальных возможностей могло к тому же усилить провалы и в нелегальной организации.

Поэтому руководить работой в легальных обществах представляло большие трудности, особенно при разобщенности и отсутствии правильных связей с партийными центрами.

Основной работой группы в легальных организациях являлась работа в латышских обществах и среди латышей-беженцев.

Это и понятно. В латышские общества устремилась вся активная масса проживающих в Москве. Как среди членов группы, так и среди остальных, прибывших в период войны балтийцев, было очень много лиц, не владевших русским языком. Это и послужило главной причиной того, что латыши в русских (по территории) организациях принимали сравнительно небольшое участие.

В Москве главная масса левонастроенных элементов группировалась около Московского латышского общества взаимопомощи, являвшегося опорой с.-д. большевистского влияния. До наплыва беженцев общество взаимопомощи носило расплывчатый, неопределенный характер как по своей работе, так и по составу своих членов, число которых колебалось в пределах нескольких десятков. Здесь по преимуществу группировались различные мелкобуржуазные элементы и разночинная интеллигенция, так как рабочих-латышей до этого в Москве почти не было.

С эвакуацией предприятий из Латвии в Москву и наплывом рабочих состав членов общества значительно изме-

нился. Он в короткий срок значительно орабочился. Число членов временами доходило до 800 чел. Этому способствовало то, что беженцы освобождались от уплаты вступительных и членских взносов, здесь проводился большой демократизм.

Ввиду такого резкого изменения соотношения «базиса» и «надстройки» исполнительный орган общества, правление, должно было измениться. По заданиям «Северной группы» была выделена часть товарищей — около 20 чел. — из которых вспоминаются: Парре, Гайле, Ласис, Лепне, Абол, Дымдынь, Витте, Клок, Янель и другие, которым было предложено принять меры к подготовке завоевания органов общества.

11 октября 1915 г. в столовке общества взаимопомощи шанявцев по Б. Грузинской улице состоялось общее собрание под председательством тов. Саркис. Счетчиками голосов были избраны тт. Крумин, Парре, В. Лепин и Кейпенварлиц. Присутствовало 118 чел.

В прениях по вопросу о работе старого правления и дальнейшей работе общества т. Драудынь поднял вопрос о печатном органе. Драудынь предложил от рижской газеты «Iaunais Wahrds» («Новое слово») перейти к тогдашней петроградской газете «Iaunás Peterpils Awises» («Новая петроградская газета»), мотивируя это политической невыдержанностью первой. По этому вопросу возникла оживленная дискуссия. Выступавшие тт. Свикке, Курцынь и другие указывали, что как та, так и другая газеты — чисто буржуазные. Поэтому «опереться» на них, т. е. солидаризироваться с их политически-идеологическим направлением — совершенно недопустимо.

По этому вопросу значительным большинством голосов постановили никакого решения пока не принимать.

После обсуждения ряда вопросов о дальнейшей работе выбрали новое правление, в которое вошли членами: тт. Свикис, Каупынь, Пукис, Эдольф, Ласис, Крузе, Витте; кандидатами: Карповиц, О. Калнынь и Гревинь; в ревизионную комиссию избраны: Крумин, Клок и А. Гайле, с кандидатами: Шилин и Драудынь.

Таким образом, в состав правления попали 4 члена группы, 2 сочувствующих и 1 меньшевик; ревизионная комиссия была составлена исключительно из членов группы.

После этого Московское латышское общество взаимопомощи сделалось значительной опорой для работы нелегальной организации. Оно превратилось в место сбора и концентрации революционно-настроенных рабочих и интеллигенции и

дало возможность пополнить средства группы. Доходы от устраиваемых докладов, «чайных вечеров», концертов и т. п. полностью или частично обращались на пополнение денежных средств группы.

Вскоре после того, как группа овладела руководящими органами общества, оно перебралось в помещение коммерческого училища Мансфельд (по Б. Никитской ул., № 21). Там же помещалось и Латышское студенческое общество.

Поскольку устав предусматривал, что заседания правления и совета общества могут происходить без предварительного извещения полиции и на них могут присутствовать и члены общества, то вскоре эти заседания превратились в большие собрания, в которых участвовало по нескольку десятков человек, причем устраивались дискуссии на темы злободневного характера. Так вопрос об отношении к войне горячо и всесторонне дискутировался на трех «расширенных» заседаниях совета под ряд, причем в дискуссии приняло участие много нелегальных. Нечего добавлять, что к войне выявилось резко отрицательное отношение.

Весть об этих собраниях, очевидно, вскоре дошла и до охранки. В один из вечеров в конце ноября или в начале декабря 1915 г., еще до сбора публики, помещения оказались занятыми нарядом полиции во главе с приставом; всех приходящих записывали. Но поскольку в этих же помещениях находилось еще меньшевистское студенческое общество, библиотека и читальня, то большинство указало как на цель своего прихода или библиотеку, или студенческое общество. Это сбило пристава с толку, так как разобраться было действительно трудно, а народу набралось много. Пристав потребовал список членов. Но так как явилось и много нелегальных, то, конечно, дать список значило раскрыть карты. Поэтому заявили, что список членов унес кто-то из членов правления на квартиру, и, чтобы оттянуть время, обещали разыскать. Пристав подождал некоторое время, но, очевидно, ему надоело ждать, и он предложил список членов представить на следующий день в участок, а сам с нарядом полиции удалился.

Еще большая гроза надвинулась с другой, совершенно неожиданной, стороны.

Владелец училища Мансфельд был ошеломлен тем, что в помещениях его солидного и совершенно лояльного заведения оказались «такие преступники», на которых полиция производит налет. Поэтому взбесившийся буржуа предложил убраться из его помещений в 24 часа. Ясно, что продолжать здесь широкую работу уже было нельзя, и пришлось искать новых помещений.

А найти новые помещения было дело нелегкое. Долго бились с другим владельцем какого-то среднего учебного заведения (по 3-й Мещанской, № 3), немцем по национальности. Пришлось воздействовать на его любовь к культуре и т. п., пока он не согласился.

Но со времени переезда почти каждый день новое помещение начал навещать участковый надзиратель, который старался просиживать на всех заседаниях совета и правления. Какая-либо работа стала невозможной. Поскольку представлять приставу старый список членов было невозможно, пришлось оттягивать это под различными предлогами, например, несчастным случаем при переезде (попал под трамвай и часть книг пропала). Очевидно, ему надоело возиться дальше, и в один прекрасный день председатель общества, которым состоял тогда Крузе, был арестован. Не помогли и заимообразно взятые визитка и меховая шуба, в которых он обыкновенно отправлялся по служебным делам «к начальству».

Ясно, что нужно было пойти на тактический маневр и переизбрать правление. На этот раз в правление попали более умеренные элементы и часть меньшевиков. Состав нового правления плохо припоминается.

В первый период работы общества, помимо политических вопросов, занимались и рядом других вопросов. Так было решено устроить общеобразовательные вечерние курсы для взрослых и информационное бюро. Обсуждался вопрос об издании рабочей газеты на латышском языке,— подразумевалось, конечно, большевистского направления. Было принято даже какое-то решение по этому вопросу, но какое — не помню.

По настоянию общества взаимопомощи во всех городских читальнях выписывались латышские газеты и другие периодические издания. При Грибоедовской библиотеке был образован даже латышский детский отдел. За это время, насколько помнится, успели устроить один или два доклада и вечер. Помню, что т. Янель делала доклад на какую-то тему по женскому вопросу.

При новом составе правления положение не улучшилось, тем более, что немец, понявший по постоянным посещениям полиции в чем дело, через некоторое время начал настаивать на выселении общества. Полиция не давала разрешений на устройство собраний; так, например, назначенный на 26 февраля 1916 г. чайный вечер с докладом тов. П. Дауге был в самый последний момент запрещен. Работа на время притихла. И только на 10 мая 1916 г. удалось

получить разрешение на устройство доклада П. Дауге на тему «Этика и экономия».

С 3-й Мещанской, наконец, перешли в столовую на Петровку № 21. Насколько помнится, в период пребывания общества между Мещанской и Петровкой собрания устраивали где-то в другом месте.

В конце лета было снова переизбрано правление общества и опять усилен партийный состав. В новое правление, между прочим, вошли Янель, Леппе, Парре, Спрогис.

За этот период были устроены несколько докладов и один чайный вечер.

Возник опять вопрос об издании газеты на латышском языке. Эта идея время от времени выплывала вновь. Был даже намечен редактор А. П. Доринь, из старых шанявцев. Большие аресты в сентябре 1916 г. помешали организации этого дела. Был арестован и т. Дорынь. Как позже выяснилось, провокатор Спрогис хотел устранить его как своего конкурента, желая сам сделаться редактором. Еще позже редактором намечался тов. Свикке, но и он вскоре был арестован.

В этот последний период ряд вопросов текущего момента, которые «по политическим обстоятельствам» нельзя было открыто вынести и ставить в порядок дня, применялся к тому или другому моменту работы общества и обсуждался в плоскости его работы. Правда, для малосознательной части такое обсуждение вопросов на «эзоповском языке» было иногда не совсем понятно. Но основная масса и в такой постановке разбиралась хорошо и принимала активное участие.

Несмотря на такую постановку работы теперь, после раскрытия архивов охранки, стало известно, что почти все время среди членов общества находились провокаторы. Они освещали охранке работу «Северной группы», а также очевидно, и общества. Этими провокаторами были Спрогис, Карл Вилюмович (по охранке «Красный»), старый работник рижской жандармерии, состоявший одно время даже секретарем общества; жена его, Мария Петровна Спрогис (по охранке «Молодой»), также раньше работавшая в лифляндском жандармском управлении в качестве осведомителя; Рудольф Иванович Берман (по охранке «Майский»).

Другим местом, где концентрировалась революционная масса, было Московское латышское студенческое общество (Б. Никитская, 21). Хотя состав этого общества был ограничен (членами могли быть только студенты и слушатели высших учебных заведений), число членов его сильно возросло за счет пролетарских элементов. Это и неудивительно: к 15 ноября 1915 г. было зарегистрировано в Москве около

200 студентов-беженцев. К этому количеству присоединилась масса бывших ранее московских студентов и слушателей университета им. Шанявского, что вместе составило около 350—400 чел. В общестуденческих латышских собраниях участвовало 250 чел. В отличие от Московского латышского общества взаимопомощи здесь сильно было влияние меньшевиков. Здесь тогда работала масса лидеров теперешней меньшевистской партии Латвии (Бастьян, Скуенек, Петревиц и другие).

Здесь происходили бои между большевиками и меньшевиками, так как недопустимо было предоставить меньшевикам беспрепятственно обрабатывать беспартийное студенчество или выступать от имени всего студенчества. Схватки эти иногда были горячие. Боевым вопросом был вопрос об участии в работе комитета беженцев при Московском латышском обществе. Большевистские элементы выступали против участия, меньшевистские — за. Правда, как это свойственно оппортунистам, последние сопровождали это оговорочками: участвовать пока временно и своим личным влиянием воздействовать на реакционеров из Латышского общества.

Благодаря этому им и удалось собрать большинство на общем собрании 19 сентября 1915 г. Тем не менее, на одном из следующих собраний (9 ноября 1915 г.) под влиянием большевистских элементов было постановлено не участвовать в работе так называемого «культурного бюро» при латышском комитете беженцев и занять по отношению к нему отрицательную позицию, как к учреждению, созданному реакционерами из Латышского общества с целью пропагандировать религиозное мракобесие и ультранациональный шовинизм.

Конечно, было бы верхом нелепости даже и для меньшевистских оппортунистов не соглашаться с таким предложением. Это и подтвердилось в дальнейшем. Когда рядом наших товарищей ставился вопрос о непорядках в работе по обслуживанию беженцев, о неправильной трате денег, о необходимости ревизии дел и хозяйничания в Беженском комитете при Латышском обществе, то у них не хватило мужества голосовать за принятие такого решения (общее собрание 15 декабря 1915 г.).

Помимо Латышского студенческого общества взаимопомощи существовал еще целый ряд землячеств и кружков, например: балтийское землячество при коммерческом институте, рижский студенческий союз, землячество при государственном университете («Восток»), кружок самообразования при Рижском политехническом институте («Луч») и

кружок исследования прибалтийской природы и культуры при университете им. Шанявского. Они занимались больше разрешением местных вопросов своего учебного заведения и лишь изредка ставили общие принципиальные вопросы.

Большевистское влияние было сильнее в кружке при университете им. Шанявского, в «Луче» и отчасти в землячестве при коммерческом институте. Из «Луча» выделилась группа товарищей — Ласис, Карповиц, Карклынь, Яунозолынь и Шилин,— которая под названием «кружок учащейся молодежи» вошла в «Северную группу».

Таким образом, обслуживание нужд беженцев — дело глубоко политическое как по своим условиям, так и по содержанию работы — оказалось в руках небольшой реакционной клики Московского латышского общества. Оно, конечно, немедленно стало использовать это в своих интересах, назначив своих представителей на все важнейшие посты в своем аппарате и проводя свою линию, порой глубоко оскорбительную для обслуживаемых беженцев и устранявшую всякий общественный контроль.

Представители левых организаций, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть первоначальной работы, не могли помириться с таким положением, да и сами беженцы были глубоко недовольны работой комитета, в которой подчеркивались моменты благотворительности и классового подхода. Беженец должен был удовлетворяться подачками и быть довольным всегда, как бы к нему ни относились. А относились чаще всего неправильно, особенно к рабочим, батракам, и вообще к «простому народу».

При школьном отделе для обслуживания культурных нужд беженцев было создано так называемое «культурное бюро», первые шаги которого уже выяснили его глубоко реакционное и чуждое народным массам лицо. Во главе его был поставлен реакционный писатель-декадент Фаллий, чьи литературные произведения в демократической части латышей, не говоря уже о рабочих, пользовались еще после революции 1905 г. крайне плохой славой.

И вот первым делом этого-то бюро была забота об открытии латышского лицея. Право, ведь неудобно же такому народу, как латыши, быть без своей аристократии и своего лицея! Другим мероприятием, которое «культурное бюро» начало проводить, было устройство так называемых «вечеров интеллигенции».

Большое скопление в Москве латышских беженских масс, не знающих русского языка, не имеющих средств для посещения платных представлений, давало хороший материал для политической обработки их реакционными руководите-

лями Латышского общества, возглавлявшегося в значительной мере проходимцем, плаксивым писателем Кенинш.

Нужно было во что бы то ни стало помешать этому. И вот на первые вечера являлись некоторые товарищи из общества взаимопомощи и студенческого общества, которые в своих выступлениях вскрывали реакционную сущность таких тем, как «Идеология и задачи латышской интеллигенции», «Роль искусства», «Латышские национальные культурные проблемы», «Культура искусства» и т. п., преподносимых в самом реакционном освещении. Эти выступления вызвали переполох среди устроителей, ибо этим срывалась спокойная работа «интеллигентов» и разоблачались настоящие цели их затеи. Вскоре вход стали разрешать только избранным по рекомендации известных устроителям лиц. Это уже было другое дело, массам вход был закрыт. Полный бойкот всей прогрессивной части латышей был ответом на дальнейшие, уже настоящие темы мракобесия: «Национально-особенная религия», «О религиозном скептицизме», «О лютеранстве», «О православии» и т. п.

Таково было содержание работы Латышского комитета помощи беженцам по линии «культурной». Отсюда можно сделать вывод о форме, размерах и характере всей работы комитета.

Обществом взаимопомощи это еще раньше было учтено, сразу же после образования комитета, т. е. с 9 сентября 1915 г., и было решено занять отрицательное отношение к сотрудничеству в комитете. Поэтому, когда комитет отказался принять условия общества взаимопомощи о реорганизации всей работы на основах общественных, то представители общества, огласив на заседании 30 сентября 1915 г. заявление о том, что они не имеют возможности участвовать в работе на существующей базе, покинули его. Такова была точка зрения «Северной группы» по данному вопросу.

Несколько слов хочу сказать еще о работе школьного отдела комитета.

Хотя в 1916 г. была значительно развернута работа по открытию школ и детских садов, однако, со снабжением школ дело обстояло очень неважно. Еще хуже обстояло дело со снабжением учеников обувью и одеждою. Были непорядки в питании детей и все благодаря злоупотреблениям, беспечности и халатности работников комитета.

Обувь часто выдавалась на картонной подошве и до того плохая, что через день-два разваливалась. Одежда или распарывалась или после пребывания под дождем так оседала, что становилась непригодной. Вместо ваты в верхней одежде иногда оказывались опилки или солома. Как обувь, так и

одежда часто выдавались неподходящих размеров. Можно подумать, что это были единичные случаи, случайные ошибки. Но в том-то и дело, что это вошло в систему работы снабжающих органов комитета, и никакие указания не помогали.

Бывали периоды, что из-за отсутствия обуви (хотя таковая только что была выдана) не посещали Кудринскую школу, в которой мне пришлось одно время работать, до 60% учащихся; отсутствие же по различным причинам до 10—15 и даже 20% было почти постоянным явлением. Много детей из-за этого болело; смерть также делала свое дело. Не лучше было положение и в других школах.

Все указанные снабженческие безобразия срывали работу школ, и все попытки учителей принимать те или другие меры оказывались безрезультатными. Их работа шла вхолостую.

Это вызвало глухое недовольство среди учителей. Нами решено было по указаниям представителей группы использовать это положение, организовать учителей и потребовать передачи дела снабжения в руки учительского органа или под его контроль. Особенно живое участие в этом деле принимали учителя: тт. Клепер Р., Карлсон Н., автор этих строк, Лиекпис, Паэгле и другие. Было назначено общее собрание учителей и работников школьного отдела. На него явилась в полном сборе верхушка комитета — Залитс, Кенинш и др. Настроение было особенно напряженным и боевым.

На требования, выставляемые учителями, о передаче снабжения в руки учительского органа, улучшения управления школами и т. д., верхи ответили уклончиво, но обещали пойти на некоторые уступки.

Во время прений по этому вопросу особенно хлопотали о примирении меньшевик Каупыньш и другие, которые старалась разжалобить массу. Масса заколебалась, и вопрос о забастовке учителей, которая, судя по царившему настроению, была вполне возможна и уже намечалась как необходимое средство воздействия, был сорван. Решено было выбрать комиссию из учителей для дальнейшего ведения переговоров. Но решающий момент был потерян благодаря не столько сопротивлению противника, сколько работе «посредников». Ни на какие уступки комитет не пошел. Он выиграл время и внес раскол в массу учителей, так что выбранной комиссии в составе тт. Клепера, Д. Штейнберга и автора этих строк ничего другого не оставалось, как открытым письмом в латышские прогрессивные газеты обратиться ко всей латышской общественности с описанием творимых комитетом безобразий. В ответ на это тт. Клепер и Штейнберг, которые

продолжали состоять на работе комитета, были с 16 марта 1916 г. уволены со своих должностей. Но все-таки кампания вокруг этого поднялась довольно большая: состоявшееся 29 марта 1916 г. собрание учителей-беженцев приняло резолюцию протеста против увольнения Клепера и Штейнберга, постановило обратиться ко всероссийской профессиональной учительской организации с требованием наложить бойкот на места уволенных и отозвать представителей учительства из школьного попечительства комитета.

Еще до протеста собрания учителей аналогичный протест вынесли просветительный отдел «культурного бюро» при ЦК беженцев, затем общее собрание Московского латышского общества взаимопомощи, Московское латышское студенческое общество и другие организации. В печати появились протесты в письмах от находящихся в армии учителей и других общественных деятелей. Хотя прямых результатов не достигли, но моральный авторитет Латышского общества и комитета беженцев был сильно понижен. Заострение внимания на работе школ, пожалуй, явилось результатом об'единенного выступления учительских масс.

Московская латышская газета «Dsimtenes Atbalss» («Эхо родины») не только не печатала наших статей, освещавших положение учителей и беженской школы в Москве, но, наоборот, в ней появлялись статьи, толковавшие кампанию протеста против увольнения учителей, как напрасную шумиху. И неудивительно: редактором газеты состоял ренегат И. Банкав, статьи же писались бывшим когда-то «левым» журналистом Карлом Грасис, ставшим к тому времени ближайшим сотрудником редакции.

Таково было отношение этой газеты ко всем мероприятиям в пользу рабочего класса. Но мы старались использовать аппарат комитета по оказанию помощи беженцам в интересах группы. Члены группы устраивали там встречи или использовали документы комитета, проездные литера, пользовались транспортом комитета и проч. В некоторых случаях нуждающимся товарищам, находившимся на нелегальном положении, выдавали беженское денежное пособие.

Работа комитета, особенно его «культурное бюро», вызвала возмущение всей более или менее прогрессивной массы. Чтобы ослабить недовольство, ЦК по оказанию помощи беженцам в Петрограде 14 ноября 1915 г. постановил упразднить «культурное бюро» при Латышском обществе и образовать в Москве под тем же старым названием новую автономную, непосредственно подчиненную центру, организацию, в составе двух представителей ЦК и по одному представи-

телю от Московского латышского общества, общества взаимопомощи и студенческого общества.

Встал вопрос: дать ли представителей в новое «культурное бюро»? В студенческом обществе вопрос этот уже прошел, несмотря на возражения некоторых присутствующих. Обсуждался он и в обществе взаимопомощи. Были и здесь противники участия. Но поскольку, с одной стороны, вводилось представительное начало, и с другой — допускалось свободное участие в работе отделов, то содержание их работы должно было зависеть от того, сколько и каких работников сможет дать общество взаимопомощи. Общее собрание решило дать своего представителя, каковым был избран 6 декабря 1915 г. П. Дауге.

Таким образом президиум реорганизованного «культурного бюро» образовался в составе Мейеровица (председатель, представитель ЦК), И. Дауге (заместитель председателя — от общества взаимопомощи), Кениня (секретарь — от МЛО) и Фриденберга (кассир — от ЦК). Президиум вскоре кооптировал: Скуенека, Бйлмана, Куршевица, Вельме, П. Даале, К. Скалбе, а Кениня в должности секретаря сменил Куршевиц.

Бюро перешло в помещение типографии «Мысль» (Петровка, 17).

При «культурном бюро» образовались отделы: просветительный, общественных вопросов, литературы и искусства, архива, информации; несколько позже — кооперативный отдел и комиссия по устройству детского праздника.

Отделы «культурного бюро» возглавлялись одним из членов президиума и комплектовались из всех желающих работать в данном отделе. Между собою отделы ничем не были связаны.

Из них наибольшую деятельность проявили просветительный отдел, отчасти отдел общественных вопросов и по устройству детского праздника.

Руководителем просветительного отдела был назначен член президиума Кенинш, являвшийся руководителем школьного отдела латышского комитета по делам беженцев. Сотрудниками отдела были по преимуществу учителя открытых в Москве латышских школ, студенты и отдельные общественные работники. Число сотрудников доходило до 50. Здесь были и члены партии, сочувствующие, и люди меньшевистского толка. В значительной части состав отдела считался «левым», но велико было и так называемое «болото».

Важнейшею работой просветительного отдела был созыв конференции работников беженских школ 6—9 марта 1916 г.

в Москве. Значение этой конференции в том, что она дала возможность подвести итоги работы беженских школ, информировать о положении и наметить некоторые педагогически-программные вопросы.

На конференции принимали участие, кроме представителей учителей, представители беженских комитетов Латышского края и других мест. Участие представителей беженских комитетов придало составу конференции определенный характер, так как на ней присутствовали самые яркие представители латышской буржуазии: Мейеровиц (потом бывший премьером и министром иностранных дел буржуазной Латвии), А. Берг (теперешний глава фашистов в Латвии) и ряд других.

Обращаясь с приветствиями к конференции, Берг и Кенин особенно настойчиво подчеркивали необходимость сплачивать силы латышского народа, не делиться на группы, не уклоняться от основного (?!) пути.

Еще более интересным было выступление представителя учителей, когда-то «левого» Декена (позднее директора департамента просвещения в Латвии и члена партии меньшевиков). В своей речи Декен в унисон Бергу и Кенину старался особенно выпятить, что учитель в своей работе должен руководствоваться исключительно педагогическими соображениями и своею совестью педагога, но ни слова не сказал о приниженном положении школы, об обязанностях учителя по отношению к обществу и о других элементарных вопросах.

В порядке дня конференции стоял вопрос о правовом и материальном положении учителей беженских школ. Из сообщений с мест выяснилось, что самое ненормальное положение было в Москве. Когда докладчик по данному вопросу — автор этих строк — упомянул об общественных обязанностях и о недочетах обслуживания беженской школы в Москве, клика из комитета по беженским делам подняла сильный шум, а председательствовавший Декен, испугавшись такого оборота дела, поспешил закрыть заседание, предложив от имени президиума не открывать прений по данному вопросу.

Таким образом, по одному из острых вопросов левой части конференции был зажат рот.

Произошел инцидент и при обсуждении программного вопроса — программы закона божьего, — вокруг которого разгорелись горячие прения. В результате была вынесена резолюция, говорившая, что закон божий — частное дело каждого и церковь подлежит отделению от государства и школы. Эта резолюция получила 52 голоса, противоположная резолюция — лишь 30 голосов.

Это было сильным ударом по правой части, в особенности в обстановке приниженности и раболепия, удушения всего живого со стороны самодержавия.

На ряду с ранее принятыми резолюциями об упорядочении материального и правового положения школ (не беженских комитетов и ЦК, что, не закончив рассмотрения страхование против безработицы, заболеваний и старости, об'единение в учительский профессиональный союз и пр.), решение по вопросу о религии так напугало тузов из беженских комитетов и ЦК, что не закончив рассмотрения всех программ и других вопросов, стоявших в порядке дня, они закрыли конференцию. Берг (представитель ЦК) в заключительном слове сказал, что некоторые обстоятельства помешали дальнейшей спокойной работе конференции.

Таким образом были сорваны расчеты на то, что ярко патриотическая националистическая конференция сыграет определенную роль в сделке латышской буржуазии с парским самодержавием, и поднимет патриотизм в отсталых массах и в латышских стрелковых полках.

После конференции в просветительном отделе «культурного бюро» правые попытались взять реванш. На первом же заседании был поставлен вопрос о неправильном поведении на конференции автора этих строк и еще одного из докладчиков; однако большинством голосов вопрос был отвергнут. Тогда был поставлен вопрос об отношении отдела к преподаванию религии в школе. Кениным было внесено предложение признать закон божий предметом обязательным и выработать программу и метод его преподавания. В противовес этому было внесено другое предложение, которое устанавливало, что в будущей идеальной школе религии не будет; поскольку же в теперешней начальной школе этот предмет обязателен, то необходимо выработать по возможности идеальную программу; так как последнее предложение получило большинство, то Кенин как руководитель отдела вносит официальный протест, против «неуважения к религии».

Нужно отметить как курьез, что Декен, который считался большим либералом в учительских кругах, отказался от дальнейшего сотрудничества в просветительном отделе по вопросу о преподавании религии. Так обнажил свое жалкое «идейное» нутро человек, считавшийся когда-то левым и претендовавший на руководство учительством.

Как бы то ни было, по поводу постановлений конференции, а особенно постановлений просветительного отдела «культурного бюро» (поскольку он был фактическим организатором конференции), в связи с вопросом о преподавании религии поднялась большая шумиха. Вся правая латыш-

ская пресса начала усиленный поход, крича о красной опасности (газета «Лидумс» и другие).

Из остальных работ просветительного отдела можно отметить проведение анкеты о положении начальной школы, не только беженской, но и в латышском крае, разработку учительской анкеты, разработку и представление на утверждение устава латышского профессионального учительского общества, которое так и не дождалось утверждения и пр.

Отдел общественных вопросов «культурного бюро», за исключением нескольких докладов, более серьезной работы провести не успел. Была открыта библиотека для беженцев, для чего общество взаимопомощи предоставило свою библиотеку в количестве 1 350 томов. Также мало сделала и комиссия по устройству детского праздника.

Причина такой слабой работы заключалась в том, что после конференции правые элементы ушли, бюро и ЦК помощи беженцам резко сократили отпуск средств, московский градоначальник сильно ограничил выдачу разрешений на собрания, доклады и проч. Даже городская управа, которая раньше обещала площадь для устройства детского праздника, теперь отказала в этом.

В результате этого «культурное бюро», хотя и просуществовало до Февральской революции, но уже после июня — июля 1916 г. влачило больше номинальное существование. Возможности хотя бы самой минимальной легальной работы были исчерпаны.

И. Батышев

МОЯ ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В МОСКВЕ И ВСТРЕЧИ С ЧЛЕНАМИ «СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ»

По приезде в Москву, после провала в Харькове в июне 1914 г., я был крайне удивлен и вместе с тем обрадован тем обстоятельством, что в Москве оказался проживающим на Благуше Иван Никитич Смирнов, который сбежал из Нарымской ссылки.

Из других членов парторганизации, с которыми мне пришлось соприкасаться в Москве, был Василий Иванов, приехавший из Екатеринослава, куда он был административно выслан. Василий Иванов работал на заводе «Перенуд» за Рогожской заставой, где принимал активное участие в работе подпольной группы, существовавшей на этом заводе. При помощи тов. Иванова я поступил на этот завод. На второй день после поступления моего на завод рабочие пред'явили владельцам экономические требования. Вместо удовлетворения этих требований администрация завода рассчитала нескольких передовых рабочих, в том числе и Василия Иванова. В ответ на это рабочие прекратили работу и в обеденный перерыв собрались на митинг во дворе завода.

Однако явившийся на собрание администратор завода угрозами вынудил рабочих приступить к работе, я же в качестве одного из подстрекателей к забастовке был вызван в контору, где мне выбросили мой паспорт и зарплату за два дня работы (хотя я проработал всего только полтора дня) и предложили оставить завод.

Вскоре после этого Иван Никитич Смирнов познакомил меня с рабочим завода «Мэкс» на Благуше, социал-демократом тов. Глаголевым, через которого я и поступил на этот завод. Разразившаяся к этому времени империалистическая война в 1914 г. внесла вначале некоторое смятение в ряды отдельных партийных товарищей, и тов. Глаголев в это вре-

мя превратился в оборонца, стал пускать среди рабочих подписные листы для сбора денег раненым.

Иван Никитич Смирнов при встречах с нами говорил, что в Москве партийных работников очень много, но война парализовала интеллигентские силы партии, некоторые забились в свои норы, не ведут никакой партийной работы, другие находятся на распутьи. Привлекать инертную массу — это значит убивать напрасно время; теперь нужна самая широкая кампания в рабочих массах под боевыми лозунгами: «долой войну», «долой кровавую бойню», «долой самодержавие», «война — войне». Выполнить же это можно только в том случае, если мы будем иметь свою собственную типографию. Он предложил мне принять участие в организации подпольной типографии, и мы приступили к обсуждению этого вопроса. Получив от него адрес сельскохозяйственной школы, помещавшейся на Смоленском рынке, я отправился туда с запиской к учителю Преображенскому, с которым раньше встречался у Ивана Никитича (он звал его «Телефоном»). От него я получил рамку для шрифта, которую и сложил у себя на квартире. При следующей встрече я получил от Смирнова другой адрес к одному товарищу типографу, проживавшему в Рогожском районе (фамилию позабыл), от которого получил только типографскую краску.

Следующий день принес печальные известия; ночью был арестован целый ряд товарищей, в том числе и тов. Смирнов. У него произвели на квартире обыск в тот момент, когда я, получив краску, думал зайти к нему. В тюрьме к тов. Смирнову был подсажен печатник Николаев, оказавшийся провокатором. Последний, просидев с Смирновым один месяц, был освобожден, а Смирнов был снова выслан в Нарым. Таким образом связь с партработниками снова оборвалась, но скоро я через брата, находившегося в ссылке, получил письмо от ссыльного Соколовского к Яхонтову. Последний в свою очередь дал связь с председателем московского союза металлистов Соколовым (провокатором, который был расстрелян после Февральской революции).

Находясь без работы, я часто посещал союз металлистов. Знакомясь с его деятельностью, я чувствовал чрезвычайную слабость ее. Работа фактически шла без руля и без ветрил. Само правление в это время еще мало проявляло политической инициативы. Ввиду этого отдельные члены союза, как например, тов. Богданов, рабочий завода бр. Бромлей, настойчиво ставили перед председателем союза Соколовым вопрос о выпуске листовки к рабочим Москвы с протестом против войны, за подписью «группы РСДРП(б)». Хотя Соколов на этих наших совещаниях и не возражал против

выпуска указанной листовки, но чувствовалось пассивное отношение его к этому вопросу. Вместо того, чтобы самому составить листовку, он предлагал это сделать т. Богданову, совсем еще мало подготовленному юноше.

На одном из следующих совещаний при союзе т. Богданов представил составленную им листовку, но она оказалась написанной крайне несвязно. Присутствовавший на этом совещании т. Маленков взялся за ее переработку совместно с т. Богдановым. После выпуска этой листовки Маленков был арестован и отправлен на каторжные работы. К этому времени исчез с горизонта и Богданов.

В 1914 г. во многих металлических и других заводах можно было найти как отдельных членов, так и целые группы РСДРП(б). В течение всего военного периода 1914—1916 гг. эти группы, а также и отдельные работники, в большинстве своем вели форменным образом партизанскую борьбу. Эти группы были слабо связаны между собой, работали самостоятельно.

Районные парткомитеты, если они порой и создавались, быстро проваливались благодаря хорошо поставленному розыскному делу со стороны охранного отделения, располагавшего весьма большим количеством провокаторов.

Посещая вечерние технические курсы, помещавшиеся в Благовещенском переулке, я ясно видел, как учителя усиленно обрабатывают в патриотическом духе посещавших эти курсы рабочих. Так, например, инженер-электрик Александров по нескольку раз рассказывал одним и тем же ученикам, как он был выслан немцами в момент об'явления войны из Германии, причем старался изобразить немцев в виде каких-то зверей, которые среди бела дня ограбили его и других русских, проживавших в Германии. У него отобрали чемодан, деньги и вообще все, что он имел при себе. По его словам, какой-то сердобольный владелец частной гостиницы в Швейцарии, куда он был выслан, снабдил его деньгами, дав этим возможность вернуться в Россию.

Вся эта агитация создавала среди части учащихся оборонческое настроение. Ввиду этого на курсах образовалось два течения, враждовавших между собою. Оборонцы с пеной у рта стали отстаивать точку зрения борьбы с немцами до победного конца. Противники войны — в начале небольшая группа — вели пропаганду лозунгов: «война — войне», «долой войну» и т. д.

Мой товарищ по детству и техническим курсам В. Очкин, вначале революционно настроенный, согласившийся даже сделать в мастерской, где он работал, вал для нашей подпольной типографии, позднее под влиянием учителей пре-

вратился в оборонца, называя нас, противников войны, пособниками «немецкого империализма». Однако вскоре патриотические настроения начали постепенно спадать, и после весеннего (в 1915 г.) немецкого погрома ситуация изменилась, и оборонческую агитацию начали вытеснять лозунги большевиков.

Прибытие в Москву множества искалеченных на войне солдат, усиливающаяся дороговизна жизни, приведшая к разгрому палаток и столкновению с полицией на Преображенском рынке и в других местах, тяжелые условия труда на фабриках и заводах, где мужчины (которых пачками отправляли на фронт) заменялись женщинами, ссылка в Сибирь членов Государственной думы,— все эти факты являлись лучшими пропагандистами в пользу большевиков.

После некоторых мытарств по отдельным мелким мастерским мне удалось, наконец, поступить в 1915 г. на завод «Дукс». На этом заводе партийной организации не чувствовалось, но имелись отдельные партийные работники, как-то: член правления союза металлистов тов. Захаров, с меньшевистским уклоном, крайне энергичные члены большевистской организации тт. Николай Ковалев и Федосов, Петр Кочкарев, имевший анархический уклон (скончался 25 декабря 1925 г. в Мариинской больнице), революционно-настроенный, но к тому времени еще не оформившийся, Зеленцов и другие.

К осени 1915 г. забастовочное движение стало принимать большие размеры. Союз металлистов начал проявлять большую инициативу, делегатские собрания стали созываться чаще. От мастерской, в которой я работал, меня избрали уполномоченным в союз металлистов.

Одно из делегатских собраний было посвящено обсуждению развернувшегося стачечного движения. Во время этого заседания полиция ворвалась в здание союза металлистов, произвела личный обыск у всех присутствующих на собрании и переписала их. Прибывший с городовыми пристав, ознакомившись с фиктивно ведшимся на собрании протоколом, который был предъявлен ему, увидел, что в порядке дня стояли безобидные вопросы; ни о каких стачках в этом протоколе ничего не говорилось.

Тогда пристав стал звонить московскому губернатору, которому он сообщил, что в союзе металлистов никакого забастовочного комитета не обнаружено, а имеется только собрание уполномоченных союза металлистов и при личном обыске ничего подозрительного не найдено. На основании этого он просил дать директивы, что ему с нами делать. В результате, после составления акта о произведенном обыске, все собравшиеся в три часа ночи были отпущены по домам.

У меня были опасения, что будут арестованы, проживавшие по поддельным паспортам и присутствовавшие на этом собрании тт. Винтер (он же Петр Пурин) и Никифоров, работавший на Военнопромышленном заводе, но они аресту в этот вечер подвергнуты не были.

Разразившаяся стачка и арест нескольких десятков трамвайщиков всколыхнули рабочих на многих заводах. В знак протеста против этих репрессий рабочие заводов об'явили однодневную забастовку.

На заводе «Дукс» также стали устраивать совещания и готовится к однодневной забастовке. На одном из таких собраний принимали участие следующие товарищи: Николай Ковалев, Федосов, Петр Кочкарев, Захаров, Зеленцов и Батышев. Совещание этой группы происходило в трактире, помещавшемся рядом с заводом. В назначенный для забастовки день рабочие, придя утром за завод, приступили к работе. Проработав с полчаса и услышав крики «кончай работу», рабочие остановили станки, начали складывать в ящики инструменг и, наконец, подошли к дверям. В это время вихрем влетел в мастерскую директор фабрики Барташевич с полицейским. Оказалось, что он только-что с помощью полиции загнал обратно в мастерские рабочих, высыпавших во двор из велосипедной мастерской. «По местам,— кричал он на всех пытавшихся выйти из мастерской,— за работу!»

Лицо его исказилось от злости, он неистовствовал, как лютый зверь.

Рабочие продолжали стоять и не приступали к работе.

Бегая в бешенстве по мастерской и, услышав возгласы тт. Ковалева и Федосова, он предположил, очевидно, что они являются главарями забастовки, и предложил им явиться в контору. Простояв около 10 минут, более робкие рабочие стали медленно вынимать обратно инструмент и постепенно приступать к работе. За ними так же медленно, нехотя, стали приступать к работе и остальные рабочие. Сорвать с работы рабочих завода и вывести на улицу не удалось.

После неудавшейся забастовки обстановка создалась такая, что нужно было оставлять завод. Мастер Макаров вызвал к себе Петра Кочкарева и заявил, что полиция его считает анархистом, а посему ему целесообразнее взять расчет и уйти с завода. На другой день у него днем в квартире был произведен обыск, не давший никаких результатов. Посоветовавшись со мной, т. Кочкарев решил взять расчет. Несколько человек из разных мастерских были рассчитаны, в том числе тт. Федосов и Николай Ковалев. Я тоже решил взять расчет сам, не ожидая дальнейших событий. Директор завода Барташевич, узнав, что я ухожу, вызвал меня

к себе в контору и в присутствии мастера Макарова стал на меня стучать кулаками по столу и топать об пол ногами.

— Какое ты имеешь право уходить с завода? Я тебя, мерзавца, отправлю на фронт, на передовые позиции!— кричал он небагровев.

Я ему заявил, что я уже поступил на другой завод, и поэтому отправить меня на фронт ему не удастся, да и какой мне смысл работать на «Дуксе» за 3 рубля в день, когда я на другом заводе при более благоприятных условиях буду получать по 6 рублей.

С августа 1915 г. вновь оборудованный военно-артиллерийский завод, эвакуированный из Риги, частично приступил к изготовлению дистанционных трубок, предполагая развить производство ежедневного выпуска в количестве до 4 тыс. штук. С начала организации завода появились на нем члены нашей партийной организации, как-то: тт. М. Мусин, О. Оша, Петр Пурин, имевший впоследствии нелегальную фамилию Винтер, три сестры — Эльза, Лилия и Аня Бредис, Эльза Дымден и другие, которые стали вести партработу на заводе, принимая одновременно горячее участие в работе московского союза металлистов. Задачей отдельных членов партии и групп завода являлась подготовка стачек, проходивших в тот период. Одна из таких забастовок в конце декабря 1915 г. была особенно характерной.

Все попытки рабочих под руководством заводской партийной группы выиграть стачку не увенчались успехом. С самого начала забастовки все рабочие были рассчитаны. При выходе с завода их избивали нагайкой. Избиению подвергались не только мужчины, но и женщины. Район, прилегающий к заводу, был наводнен шпиками, сновавшими среди рабочих. Лесная улица была оцеплена конными стражниками, разгонявшими собиравшихся отдельными кучками рабочих. У отдельных членов партии и многих революционно настроенных рабочих начали производить обыски. Кое-кто был арестован, другие, оставив квартиры, скрывались у знакомых, часть направилась для подыскания работы в другие города. С самого начала рабочие сделали ошибку — согласились взять расчет. Благодаря этому при новом наборе не было принято на завод до 200 прежних рабочих. Пробастовав около двух недель, рабочие не выдержали и приступили к работе.

В начале 1916 г. рабочие попали в еще более плохие условия работы. Издевательства со стороны мастеров не имели предела, возмущение росло и, наконец, вылилось в новую стачку всего завода.

В результате этой стачки у многих рабочих были произведены обыски. Многие были арестованы, тт. Мусин, О. Оша и еще несколько человек высланы административно в Саратов. Две сестры Бредис и другие товарищи, перекочевавшие к этому времени на завод «Динамо», также были арестованы и высланы в Самару. Петр Пурин сослан в Иркутскую губернию. Летом 1916 г. Эльза Дымден и сестры Бредис оставили место ссылки и вместе с тов. Ураловым (ныне работает в НК РКИ) направились для нелегальной работы в Ленинград, заехав по дороге в Москву. Целый ряд других рабочих был выслан из Москвы в другие города, как-то: Нижний Нов-

Ряд членов «Тверской группы» в ссылке в Сибири на погрузочных работах (совместно с другими ссыльными).

город, Ростов-на-Дону, Харьков и т. д. Аресты рабочих были нередки среди членов партии и на других заводах, например, «Динамо», Военнопромышленный завод и др. Реакция в предсмертной агонии, систематически выдергивая работников, еще крепче спаяла неразрывными узами партийную организацию с рабочей массой.

Со второй половины октября 1915 г. отдельные группы социал-демократической организации вели подготовительную работу к созданию Московского комитета партии. Активный работник «Тверской группы» Петр Янов Пурин, в связи с избранием его в члены Московского комитета, обратился ко

мне с просьбой помочь ему проделать необходимые конспиративные операции, так как без посторонней помощи ему это сделать было трудно. Он сообщил, что паспорт он себе уже достал в беженском латышском комитете на имя крестьянина Курляндской губернии, Митавского уезда, Кудышинской волости, Альфреда Христиановича Винтер. Правда, это был не паспорт, а беженское удостоверение, заменявшее паспорт.

В первую очередь нужно было достать другую квартиру. Я предложил ему переселиться в дом № 15, кв. 3 по Пыхову пер., против дома, где я жил, там в это время сдавалась комната в наем. Он согласился, так как это было крайне удобно для быстрых сношений. Снявши комнату, я отправился на его старую квартиру за получением вещей. Товарищам, находившимся там, я сообщил, что тов. Пурин, серьезно ранив себе ногу из револьвера, находится в больнице и просил перевезти его вещи ко мне на квартиру. Товарищи были в недоуменьи, расспрашивали, как это произошло; я их успокаивал, просил временно его не навещать, и сказал, что в ближайшие дни он сам напишет обо всем подробно. Получив вещи и перевезя их на новую квартиру, мы решили, что Петр пару ночей будет ночевать в моей квартире и только после того как новый паспорт будет прописан, он переедет на новую квартиру. Прописка паспорта прошла благополучно, и через два дня он с Военноартиллерийского завода перешел на работу в велосипедную мастерскую завода «Дукс», где и стал работать под фамилией Винтера. На этом заводе работал и я.

Около двух недель было все спокойно. Но вот однажды секретарь союза металлистов Соколов (провокатор) дает мне адрес Винтера и просит меня сообщить ему, чтобы он пришел условиться насчет одного собрания. Я был удивлен тому, что Соколов знает не только его новую фамилию, но и адрес и заключил отсюда, что Винтер ему проболтался. Не прошло и двух дней после этого случая, как около наших квартир появились агенты охранки. Утром, уходя на завод, мы видели как «фараоны» за нами наблюдают, провожая открыто до самого завода. Выходя с завода, видишь, что уже стоит другая пара охранников, и они провожают нас до дома. Несмотря на сильный мороз, охранники стояли круглые сутки, все время сменяясь.

Околачиваясь в этом глухом переулке, они начали нагонять панику на живущих здесь обывателей. Квартирные хозяйки жаловались мне, что какие-то, по их мнению, бандиты днюют и ночуют в парадном под'езде дома; обыватели начали проверять дверные замки, крючки, а по ночам спали с зажженными лампами. Мы ломали голову, как изолиро-

вать Винтера, ибо арест был возможен в ближайшие дни, но уйти от шпиков было почти невозможно. И вот действительно Винтера скоро арестовывают и высылают на 3 года в Иркутскую губернию. В конце августа 1916 г. я получил от него письмо, в котором он просит прислать ему на побег 40 руб. Состоя казначеем Красного креста по оказанию помощи политическим ссыльным при Военнопромышленном заводе, я выслал ему просимую сумму денег. После побега из ссылки он меня в Москве на свободе уже не застал. Когда он приехал, я уже сидел в Арбатской части вместе с братьями Чуваевыми, Малтынем и Крастынем (последний работает в Коминтерне), Котовым (быв. секретарь МК), Мендельсоном и др.

После ухода с завода «Дукс» я поступил при содействии уполномоченного союза металлистов тов. Ульба (примыкавшего к анархистам) на Военнопромышленный завод в качестве инструментальщика-лекальщика. Характерно отметить, что я до этого времени лекальщиком не работал, и проба, сданная мною мастеру, была сделана тов. Ульбой вместо меня. Таким же образом пробы сдавали и многие другие товарищи, которых нужно было поместить на завод.

В 1915—1916 гг. русские квалифицированные металлисты, как-то: инструментальщики, слесаря и токаря-лекальщики, зарабатывавшие от 6 до 10 руб. в день, являлись застрельщиками всяких забастовок, западноевропейские же квалифицированные рабочие в это время составляли оплот реформизма и оппортунизма.

Наступает 9 января 1916 года. Накануне заводской звонок начинает выть, призывая рабочих к окончанию работы. Вечереет. Хлынувшую лавой во двор из мастерских массу рабочих энергично задерживают у ворот слесаря-инструментальщики. В самой середине этой массы тов. Шаблыгин, нахлобучив до самых глаз чужую шапку, поднимается на руках выше голов присутствующих рабочих. Он обрисовывает кровавые события 9 января, указывает на никому не нужную войну, где гибнут тысячи лучших жизней лишь для того, чтобы еще туже набивали свой и без того тугой кошелек капиталисты и призывает протестовать против войны. Речь окончена. Тов. Шаблыгин также мгновенно меняет головной убор и как ни в чем не бывало спокойно продвигается в общей струе рабочих, выходящих из завода на улицу.

Вот перед глазами тов. Никифоров, сам для себя делающий виды на жительство, чтобы ускользнуть от зоркого ока охранки. А вот и итальянская стачка: рабочие все у стан-

ков и у тисков, а машины вертятся вхолостую, рабочие стоят и не работают.

Пред'явленные рабочими требования о повышении заработка администрация не удовлетворяет. Сам директор завода ходит по мастерским, заводит разговоры с рабочими, которые, по его мнению, руководят стачкой, пытаясь уговорить их приступить к работе. Но увы, ничто не помогает, рабочие бодро, в шутливом тоне отвечают на вопросы директора, сами задают ему каверзные вопросы, но к работе не приступают. Этак изо дня в день: рабочие приходят на завод, стоят у станков и не работают. Однако итальянская забастовка продолжалась не долго, так как рабочие некоторых мастерских под напором администрации начали постепенно приступать к работе.

Инструментальная мастерская приступила к работе последней.

Рабочие на этот раз потерпели большое поражение. Отдельные работники,—анархисты тт. Макаров и Ульба, а также большевики Шаблыгин, Никифоров и другие—получили расчет и исчезли с горизонта.

Группа товарищей, в числе которых были тт. Никифоров и Шаблыгин, скрываясь от охранки, переезжают в Павлов Посад, где организовав мастерскую, часть из них живет по поддельным паспортам, часть по своим прежним. Но охранка так хорошо поставила сыск, что в числе этой группы оказался и агент охранного отделения. Вследствие этого группа этих товарищей, чувствуя провокацию, разбежались, и тов. Никифоров вынужден был оставить не только Павлов Посад, но и Москву, переехав с другими товарищами на Урал.

До этого времени работа на заводе проводилась отдельными товарищами на свой страх и риск, без достаточного партийного руководства. Необходимо было сделать ее более планомерной. Поэтому, несмотря на уход группы весьма активных работников, оставшиеся на заводе члены партии подняли вопрос об оформлении заводской партийной группы. Сорганизовавшаяся вновь заводская группа большевиков состояла из тт. Крумина, Батышова, Белоруссова и Дуни Шойхет. Последняя работала на заводе под чужой фамилией—Паши Тихомировой. Организационное заседание состоялось у меня на квартире. При оформлении этой группы приняла участие от Московского комитета тов. Маша Черняк.

К этому времени я получил связь с Лефортовским подпольным районным партийным комитетом, куда и вошел членом как представитель от Военнопромышленного завода.

Несмотря на трудности, работа в подпольных организациях не только не сокращалась, а продолжала развертываться. В ряды подпольщиков вовлекалось все большее количество рабочих. Все больше революционизировались рабочие массы. Так, стоило только поступить на Военнопромышленный завод инженеру, который раньше жестоко расправлялся с рабочими на заводе бр. Бромлей и отправил за революционную деятельность не один десяток рабочих на фронт, как вся четырехтысячная масса рабочих пришла в движение.

Не успел этот инженер притти к крупно-токарную мастерскую, которой он должен был заведывать, как остановился весь завод. Рабочие всех мастерских хлынули в эту мастерскую: ораторы из рабочих сменялись один за другим.

Характеристика данная одним из рабочих инженеру-зверю, готовому на всякую подлость, вызвала рев со стороны присутствующих рабочих. «Долой!», «Вон!», «На тачку!»— ревела масса.

Инженер смущен, дрожа прячется за спину Блажкова — директора завода. Блажков, вытянув руки вперед, сдерживает озлобленную массу. «В мешок!», «На тачку!»— ревет масса. «Долой!», «Вон!»— несется гул голосов.

Вдруг толпа расступается, по мастерской катится, стуча о каменный пол, тачка. Тут же рядом рабочий несет большой из-под углей мешок.

Директор усиливает движение своих рук, пробивая дорогу к выходу из мастерской. Инженер, уцепившись за директора, отбивается от рабочих, не желая отведать угольного мешка и поездки на тачке.

— Уф!— облегченно вздыхают инженер и директор завода, выскочив из мастерской во двор. Пот градом катится с их лиц.

— Лови! Лови! — несется вслед им море голосов. Не оглядываясь, стремглав, бросаются они в здание конторы под общий хохот рабочих. После устроенной инженеру бани, он на завод больше не являлся. Это была крупная победа рабочих.

Спустя некоторое время были арестованы Маша Черняк, Дуня Шойхет, а за Белоруссовым и Круминым по пятам стали таскаться шпики. Тов. Крумин был вынужден уйти с завода. Белоруссов в конце концов был арестован, но, ввиду проведенной агитации за его освобождение и брожения, начавшегося на заводе, он был освобожден. Скорый провал Дуни Шойхет об'ясняется, по моему мнению, тем, что она была чрезвычайно темпераментна, и не могла ограничиться

работой в подпольных группах. Она, пренебрегая всякой конспирацией, во время обеденного перерыва устраивала в инструментальной мастерской собрания рабочих, на которых открыто выступала по разным текущим и другим вопросам. Эти выступления, как видно, и ускорили ее арест.

Кроме меня и тов. Белоруссова был еще один большевистски настроенный юноша — тов. Захаров, который принимал также участие в нашей работе. На устроенном в мастерской Захаровым совещании мы совместно с тов. Белоруссовым решили заняться розыском и вербовкой членов по другим мастерским.

Эту работу мы возложили на тов. Захарова, который, имея вид подростка, свободно проникал во все отделения завода; сторожа, приставленные к каждой мастерской, не могли предположить, что подросток мог быть крамольником. К этому времени у нас в мастерской получился кризис с казначеем нашего подпольного Красного креста, и эту миссию мне пришлось взять на себя. Тов. Захаров проникал незаметно во все мастерские, где и пускал подписные листы Красного креста завода.

В каждую получку рабочие добровольно отчисляли кто сколько мог по подписному листу. Сумма денег за одну получку, поступавшая в кассу Красного креста, равнялась от 100 до 150 рублей. Об израсходовании денег предварительно совещались — сколько, кому и как их послать. Посылка денег производилась от целого ряда товарищей, а почтовые квитанции хранились у казначея. Законспирировавшись таким путем, Красный крест оставался неуловимым для охранки. Наш заводский Красный крест играл довольно большую роль, помогая живущим нелегально, оказывая помощь семьям «репрессивных», ссыльным членам партии и т. д.

Но эта работа являлась лишь побочной. К весне 1916 г. все внимание наше было сосредоточено на розыске товарищей, членов большевистской организации. В одной из мастерских мы обнаружили группу латышей, большевиков, которую сколотил, работавший там тов. Мендельсон. Продолжая розыски по другим мастерским, мы натолкнулись позднее на следы тт. Яновского (теперь член РКК Бауманского района), Попова и других, которые вели себя настолько конспиративно, что трудно было в короткий срок выяснить возможность привлечения их к партработе, а они со своей стороны, как видно, осторожно присматривались к нам. Провокация была поставлена настолько широко, что требовалась большая осторожность в привлечении товарищей в организацию.

Не ограничиваясь организовыванием цеховых групп, мы с тов. Мендельсоном приступили к массовой работе, выразившейся в устройстве загородных массовок рабочих завода. Такие массовки мы стали устраивать в окрестных лесах — в Сокольниках и за селом Богородским. Эти собрания проводили в предпраздничные и праздничные дни, привлекая на них не только членов партии, но и надежных беспартийных рабочих.

Помню, однажды, когда мы собрались в условленном месте и двинулись в чащу леса за селом Богородским, среди нас обнаружился один подозрительный незнакомый субъект, который держал себя с нами весьма развязно. Заметив и остановив его, мы спросили, куда он идет,— и получили от него ответ, что он идет с нами в лес играть в карты на деньги. Мы предложили ему итти обратно, заявив, что если он в следующий раз будет также приставать к нам, то мы ему устроим такую баню, что он живой от нас не уйдет.

Однако на следующей массовке у сборного пункта мы заметили несколько околачивающихся шпиков, которые прогуливались в этой местности. Благодаря этому пришлось массовку устроить далеко в чаще леса, а на обратном пути пройти через другую заставу. Эти массовки мы продолжали устраивать вплоть до осени 1916 г.

Накануне 1 мая 1916 г., в момент, когда рабочие окончили работу и разошлись, я получил большую кипу первомайских прокламаций. Как попала ко мне эта кипа, кто ее прислал, осталось до сего времени неизвестным. Я, тт. Белоруссов и Захаров, задержавшиеся почему-то в мастерской, не зная откуда взялись эти прокламации, стали совещаться и решать, что с ними делать. Рабочие уже разошлись, раздать их в данный момент уже было некому. Тов. Захаров сообщил, что за заборами скрыта конная полиция. Присутствие конной полиции натолкнуло нас на мысль, что прокламации подброшены охранкой с целью устроить нам ловушку.

Жалко было расставаться с этой большой кипой первомайских прокламаций, но делать было нечего. Мы решили сжечь ее в калилке, находящейся в первом этаже под нашей мастерской. Калильщик не сразу согласился расстаться с прокламациями, он предложил еще раз подумать стоит ли к этому прибегать, но убедившись, что другого выхода нет, присоединился к нашему мнению. В течение 2—3 минут эта кипа в раскаленной калилке превратилась в груду пепла.

Был и другой случай с прокламациями. Сижу один раз вечером дома. Уже 10 часов вечера. Вдруг слышу нерв-

ное дерганье звонка. Не успел я открыть дверь своей комнаты, как вихрем вкатывается в квартиру тов. Курин — председатель Московского профсоюза строительных рабочих — с пачкой прокламаций подмышкой.

— Уф! — облегченно вздыхает он, садясь в моей комнате на стул. — Хорошая баня только что была. Мы, — говорит он, — выпустили груду прокламаций. Охранка не дремала и устроила нам целый ряд засад. Под самым носом у засады мы вынесли прокламации.

Мускулы лица у этого измученного симпатичного товарища буквально прыгали. Как видно, он был радостно возбужден от сознания хорошо проделанной работы. Он посидел не больше 5 минут, оставил пачку прокламаций и, крепко пожав руку, также быстро выскочил из квартиры, как быстро в нее вошел.

Листовка имела большой формат, как-будто отпечатанная в типографии. Она была хорошо изложена, направлена против войны и ссылки в Сибирь рабочих депутатов Государственной думы, призывала к свержению существующего строя и т. д.

На 1 мая 1916 г. была назначена массовка под видом экскурсии, устраиваемой Московским обществом содействия устройству общеобразовательных народных развлечений, в лесную местность по Савеловской железной дороге.

Однако на Савеловском вокзале экскурсия была задержана и по распоряжению губернатора воспрещена. Случайно приехавшие на место массовки товарищи были возвращены конными патрулями обратно в Москву. Собравшиеся же на Савеловском вокзале рабочие решили не расходиться и направиться в Петровско-Разумовское, в парк. По прибытии туда, перебрались в Зыкову рощу, но и здесь невозможно было долго задерживаться. Снующие взад и вперед жандармы и агенты охранки вынудили их направиться обратно в город.

Когда подошли к селу Всехсвятскому, экскурсия уже превратилась в демонстрацию; стали петь революционные песни. Выйдя на Ленинградское шоссе, сняв фуражки, начали петь «Интернационал». Пение было настолько внушительным, что проезжающие на лихачах и извозчиках офицеры снимали фуражки, другие брали под козырек. Только успели демонстранты смешаться у трамвайной остановки Петровского парка с направляющейся домой с гулянья публикой, как из города проскакал мимо отряд стражников, разыскивающий демонстрантов, вызывая общий смех от'езжающих на трамваях, легко отделавшихся товарищей.

Как вело работу охранное отделение и с какой точностью у него скоплялись сведения, может характеризовать следующий факт.

В субботу вечером, не помню какого числа, в союз металлистов явился член правления союза тов. Молоткович, которого только-что в это время освободила охранка из тюрьмы и предложила оставить Москву в 24 часа.

Отозвав меня в сторону, тов. Молоткович задает мне следующие вопросы: «тов. Батышов, ты состоишь членом подпольного бюро Московского совета профессиональных организаций как представитель союза металлистов?» Я ответил, что состою. «И от Общества содействия устройству общеобразовательных народных развлечений [1] ты тоже являешься одновременно членом Московского совета профсоюзов?» — «Теперь третий вопрос,— говорит тов. Молоткович.— Вы устраиваете завтра утром экскурсию в Зоологический сад и оттуда пойдете в трактир на заседание Московского совета профсоюзов?» Получив и на это утвердительный ответ, он рассказал, что ему сегодня в охранке при допросе предлагали сознаться в том, что он состоял членом Московского совета профсоюзов. Он отрицал. Тогда ему заявили, что все равно им все известно и что они знают даже состав нового совета профсоюзов и т. д. и сообщили те сведения, о которых он мне только что говорил.

Я был страшно поражен этим неожиданным сообщением и поспешил сообщить в профсоюзы, что экскурсия в Зоологический сад отменяется.

Отозвав затем в сторону председателя союза металлистов Соколова (оказался после провокатор) и члена правления тов. Захарова (рабочий с завода «Дукс»), я говорю им:

— Помните, входя в Московский совет профсоюзов, вы дали мне слово, что об этом никто не будет знать; выполнили ли вы это или нет?

— Да,— говорят оба,— мы никому не говорили.

— Как же,— говорю,— не говорили, а от кого же охранному отделению все это стало известно?

Глядя на них, я думал: «кто же из них провокатор?»— Вижу Соколов побледнел, да и тов. Захаров тоже смущен. Думаю: «обоим нельзя верить». Заявляю им, что снимаю с себя полномочия члена бюро профсоюзов.

---

[1] Правление этого общества возглавлялось представителями профсоюзов и состояло из 10 человек, в него входили: Комаров—председатель общества (провокатор), Буксин (тоже агент охранки), Миронов (провокатор), Соловьев (провокатор), тов. Иванова—представительница союза портных, Беззубиков—представитель союза сапожников, Батышев от союза металлистов и др.

Направляюсь в общество развлечений, где я состоял секретарем и членом правления. Там застаю председателя правления общества Комарова (столяр, провокатор) и казначея тов. Беззубикова.

Я задаю им вопрос: говорили ли они кому-либо, что я вхожу от общества развлечений в бюро Московского совета профсоюзов. Они отвечают, что никому не говорили. Я сообщаю, что охранке это стало уже известно. Комаров бросается ко мне и спрашивает, от кого мне стало все это известно. Беззубиков безнадежно разводит руками. Я заявляю, что снимаю с себя полномочия и сообщаю другим товарищам о провале, предлагаю организацию распустить и произвести перевыборы вновь.

Необходимо несколько слов сказать и о деятельности Московского общества содействия устройству общеобразовательных и разумных народных развлечений, так как работа его до настоящего времени еще не освещалась в печати.

Приступая в 1915 г. к работе в этом обществе в качестве члена правления, я являлся в нем представителем от Московского профессионального союза металлистов «Единение» как член правления последнего. В. Буксин (провокатор) рассказал мне о нем курьезные вещи. Это общество организовалось якобы по инициативе губернатора, московского митрополита Владимира и гр. Уварова, и будто бы они первоначально задавали тон в этой организации. Потом постепенно началось в нем усиление интеллигентских групп, которые подчинили его своему влиянию, но сами были вытеснены после 1905 г. рабочими.

Будем надеяться, что товарищи, работавшие в этом обществе раньше, осветят условия, в которых оно зародилось.

Так или иначе, начиная работу в этом обществе, я застал его состоящим исключительно из рабочих. Общество утверждено было 22 декабря 1897 г. товарищем министра Икскюль и находилось в ведении министерства внутренних дел,— как гласил устав. Оно имело целью содействовать доставлению сельскому и рабочему городскому населению нравственных и разумных развлечений. К деятельности его относилось устройство и возможное содействие устраиваемым с разрешения начальства народным гуляниям, чтениям, концертам, спектаклям, лекциям, выставкам картин и т. п.

Район деятельности общества ограничивался Москвой и прилегающими к ней пригородными местностями. Кроме того, ему было предоставлено право ходатайствовать о распространении деятельности на другие местности России.

Членами его могли быть торговые, промышленные и общеобразовательные учреждения, а также частные лица,

за исключением людей, ограниченных в правах по суду, а равно состоящих под судом и следствием, несовершеннолетних, учащихся, состоящих на военной службе, содержателей трактирных и питейных заведений.

Средства общества составлялись из входной платы, из доходов по устраиваемым обществом разным увеселениям, из пожертвований и т. д. В 1914 г. общество насчитывало 265 членов, а в 1916 г. до 500. Управлялось оно правлением из 10 человек и общими собраниями членов. В 1915—1916 гг. оно находилось под влиянием большевиков и работало в контакте с Московскими профессиональными союзами.

Правление избиралось с таким расчетом, чтобы в него входили представители всех Московских профсоюзов. В это общество стекались все сведения, как-то: о работе всех профсоюзов, о стачечном движении, об аресте тех или других товарищей. Оно же являлось фактически ширмой для устройства — под видом экскурсий — разных массовок, подпольных совещаний разных групп.

Сюда, как установлено после Февральской революции, больше всего было направлено агентов охранного отделения. В одном только правлении из 10 человек было 4 провокатора: Иван Комаров, Миронов, Валентин Буксин и Соловьев. Здесь работа охранного отделения была поставлена по всем правилам искусства.

Во всех подмосковных экскурсиях участвовал член общества Барышников, неразлучный со своим фотографическим аппаратом. Он крайне усердно снимал всех участников экскурсий, снимки которых им направлялись в охранное отделение.

Загородные экскурсии устраивались с разными целями. Иногда они устраивались в местностях, имеющих историческое значение. По большей части они служили прикрытием для отдельных подпольных групп и устраивались в окрестных дачных местах, имеющих леса. На такие экскурсии привлекались рабочие с разных заводов от 150 до 300 человек. Проходили они так. Устраивали разные игры, пили чай, выступали с декламацией, в которой красной нитью отражалась ненависть к существующему строю, а порой и страстные призывы к свержению такового, покрываемые громом аплодисментов участников.

Незаметно для неопытного наблюдателя из этой гущи возбужденных, позабывших все страдания капиталистического гнета, вырвавшихся из душных мастерских фабрик и заводов, как бы получивших свободу людей, отделяются то один, то другой товарищи и не торопясь, уверенно шагают в чащу леса. Это подпольная группа. Не проходит и четверти

часа, как она в полном сборе и оживленно дебатирует все наболевшие политические вопросы. Обсудив свои дела, также по одному, незаметно вливаются они в общую массу. Солнце начинает постепенно уходить на запад и, наконец, скрывается за лесной чащей. Начинает вечереть. Ранний закат солнца вызывает общее недовольство.

— «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!» — вдруг запевает зычный голос товарища. — «Кипит наш разум возмущенный и в смертный бой вести готов», — подхватывают сотни голосов.

Экскурсия стройными рядами направляется к городу.

Дачная местность Измайловского зверинца оживает. Буржуазия, почивающая в своих уютных дачных кварталах, бросается к окнам, а более смелые выскакивают на улицу и с глазами, полными ужаса и ненависти, провожают демонстрантов; некоторые с перепугу снимают шляпы.

Таковы картинки этих экскурсий.

Часто под видом устройства чтений по какому-либо безобидному вопросу приходилось устраивать в здании общества дискуссии по разным политическим вопросам, как например: об отношении к военнопромышленным комитетам, о бойкоте Шаляпина в связи с его возмутительным выступлением в театре перед царской семьей, об отношении к войне и т. д.

Подавляющее большинство обыкновенно стояло на точке зрения РСДРП(б).

В 1916 г. Обществом развлечений было устроено два грандиозных по тому времени концерта, — один в Политехническом музее, а другой в помещении Консерватории, на которых выступали лучшие артистические силы.

Такие концерты с большой охотой посещались рабочими, билеты разбирались нарасхват. Организовывать эти концерты удавалось с большим трудом. Самым главным тормозом являлась задержка разрешения губернатора на устройство их. За полчаса или за час до начала концерта не имелось еще разрешения, а иногда и совсем не получали его. Артистов удавалось доставать, благодаря содействию директора Художественного театра, и поэтому эти выступления обходились очень дешево. Некоторые артисты даже охотно соглашались выступать бесплатно, но были и такие, которые всячески отделывались от выступления или требовали платы.

С лекторами дело обстояло еще хуже. Лекторы требовали плату — от 15 до 20 руб. за лекцию. Оплачивать их было не под силу, так как лекции устраивались большей частью бесплатно, а иногда с платою по 5 коп. с человека.

Большую помощь оказывала обществу тов. Додонова

как в части доставки лекторов и артистов, так и своими советами.

Прокатившаяся волна стачечного движения в конце 1915 г. и в 1916 г. оживила и деятельность общества. Численный состав его стал расти, потребность в знаниях и культурных развлечениях начинает возрастать.

Одному из товарищей (не помню кому) было поручено установить связь с И. И. Скворцовым, которого предполагали пригласить прочитать цикл лекций по политической экономии для небольшого круга товарищей, но ввиду беспрерывных провалов и арестов, это дело расклеилось. С каждым днем пульс «общества» начинал биться сильнее, организм его становился все крепче и крепче, так что в рамки, отведенные ему, оно не могло уже уложиться и вело работу так, что в июле 1916 г. было признано «вредным», и московский губернатор постановил его закрыть.

В этот период агенты охранки все были на ногах. День и ночь стояли они у помещения общества, обнаглели и надоели до тошноты. Руки чешутся, так и хочется кому-нибудь из них съездить по физиономии. Чтобы отделаться от них, приходится путешествовать из переулка в переулок, из улицы на улицу, и, наконец, проколесив 2—3 часа без дела и без отдыха, одним прыжком вскакивать на ходу в трамвай, оставив позади неприятного спутника.

В один из воскресных дней биржа труда в Орликовом переулке заполнилась рабочими, пришедшими на «похороны» Общества развлечений. У всех бодрые лица, оживленно беседуют. Известие о закрытии общества не только не внесло панику, но подняло настроение рабочих.

Мера борьбы с крамолой, выразившаяся в закрытии общества, казалась смехотворной. На мою долю выпала честь сделать доклад о годовой деятельности общества до момента его закрытия. Товарищи с жадностью слушали доклад, сердца всех наполнились общим возмущением.

Выступавшие по докладу товарищи отмечали полную несостоятельность реакции, подливающей масло в огонь, ведущей к усилению революционного движения и к собственной своей гибели. Это вызвало протест со стороны присутствующего пристава.

Многие товарищи, принимавшие активное участие в работе общества, вскоре были арестованы и высланы из Москвы. В числе их был и казначей общества Беззубиков.

Слова выступавших товарищей сбылись, царизм продержался еще только 7 месяцев, в течение которых подготовил богатую почву всеобщего возмущения и ненависти.

В военный период почти на всех заводах Москвы можно было найти партийных товарищей, а порой и целые заводские партийные ячейки.

Эти группы почти не были связаны между собой, работали самостоятельно. Районные комитеты, если порой и создавались, быстро проваливались, благодаря хорошо поставленному делу охранки. В Благуше большую роль сыграло в смысле об'единения как заводских групп, так и отдельных работников, открытое в то время отделение Московского союза металлистов «Единение», во главе которого был поставлен член партийной организации тов. Плаксин, рабочий завода «Пелка».

В 1916 г. тов. Плаксин предложил мне войти членом в подпольный комитет партии Лефортовского района от группы Военнопромышленного завода. Однако на заседании Лефортовского райкома я присутствовал всего только один раз. Заседание происходило в одном из трактиров на углу Покровской улицы и Гаврикова переулка. Какие вопросы обсуждались на этом собрании — я не помню. Больше участвовать на заседаниях районного комитета не пришлось, так как тов. Плаксин вскоре был арестован, и я потерял связь с остальными членами райкома, которых я лично не знал.

В Замоскворецком районе, так же одном из наиболее революционных районов того времени, большую роль в смысле собирания революционных сил и оживления революционного движения сыграло открывшееся Замоскворецкое отделение Московского союза металлистов, во главе которого был поставлен член партии тов. Молоткович.

Выдающимися в революционной деятельности в этом районе были рабочие инструментальных мастерских Военно-артиллерийского завода, помещавшегося на Дербеневской улице. На этом заводе группа большевиков возглавлялась весьма энергичным и способным тов. Кожевниковым.

В Благуше крайне упорную борьбу провели рабочие завода Гном-Рон, где была об'явлена забастовка на экономической почве. Она дорого стоила рабочим, вырвав из их среды до 65 человек рабочих, в том числе и тов. Глаголева (иллюзии оборончества к этому времени у последнего прошли).

Все 65 человек рабочих были отправлены на фронт.

Та же участь, что и Общества развлечений, постигла месяц спустя и союз металлистов. После того, как было переизбрано правление этого союза весной 1916 г., был отведен бывший председатель правления Соколов (провокатор) и заменен тов. Журавлевым (рабочим из Сокольнических мастерских), партийное руководство в нем значительно усилилось.

Вместе с усилением работы союза металлистов усилился и приток к нему провокаторов. На сцену стали появляться провокаторы Маркушев, Папок, Николаев и др.

С весны 1916 г. и в течение всего лета шла усиленная подготовка по организации подпольных групп на разных заводах и частый созыв этих групп в окрестных лесах.

Со времени ареста тов. Плаксина и прервавшейся связи моей с Лефортовым пришлось установить связь с целым рядом других групп, большей частью Сокольнического района. На все об'единенные совещания групп этого района, на которых присутствовали и представители групп других районов, в том числе и группы Военнопромышленного завода, всегда приглашался и я. Из постоянных посетителей этих совещаний всегда являлся также тов. Журавлев.

12 июня в лесу, близ ст. Лосиноостровская состоялось общемосковское партийное собрание. 28 августа 1916 г. состоялось собрание представителей с.-д. групп близ станции Мытищи, на котором был заслушан доклад Николаева (провокатор) от организационной комиссии по созданию в Москве Московского комитета партии и по об'единению Московской с.-д. организации. После доклада Николаева мы перешли в лес, в район ст. Перловка, где собрание было продолжено и заслушаны доклады с мест. На этом собрании я сделал информацию о работе с.-д. группы на Военнопромышленном заводе.

4 сентября вновь состоялось собрание представителей разных групп, на котором обсуждался вопрос о подготовке к всеобщей стачке. 25 сентября 1916 г. состоялось в лесу Измайловского зверинца общемосковское партийное собрание, где обсуждался вопрос о подготовке всероссийской или, в случае неудачи, общемосковской стачки. Среди собравшихся присутствовало много товарищей, работавших в профессиональных организациях, а также Эльза Бредис, член «Тверской», а затем «Северной группы», жившая нелегально в Москве как бежавшая из ссылки.

На этом собрании подошел ко мне тов. Козелев, бежавший из нарымской ссылки, и, передав мне от нарымских ссыльных привет, заявил, что он имеет письмо ко мне от товарищей из ссылки. Я оставил ему адрес своей квартиры и попросил зайти ко мне и занести письмо, которого при нем с собой не оказалось.

Обратно с этого собрания мы возвращались ночью. У трамвайной остановки я заметил, что за нами следом сели в трамвай агенты охранки, двоих из которых я замечал и раньше при возвращении с других собраний, устраиваемых в окрестных лесах.

В обеденный перерыв мы имели привычку собираться на Старобасманной улице во дворе церкви, где была заросшая травой хорошая площадка, и стояли лавочки для сиденья. Здесь было место сбора всей нашей революционно настроенной публики.

26 сентября нам с тов. Захаровым во время обеденного перерыва неожиданно бросилась в глаза сидящая на этой площадке скромно одетая и весьма красивая девица, на вид лет 18—20.

Внезапное появление ее здесь и то, что она видимо наблюдала за тем, что делалось на этой площадке, вынудило нас с тов. Захаровым проверить: шпик она или нет. Не показывая виду, что ее заметили, мы двинулись в путешествие. Предположения наши подтвердились, она всюду следует за нами и не выпускает нас из поля своего зрения. А вечером, при выходе из завода, нас дожидаются уже два других шпика.

Необходимо еще вкратце коснуться одного крайне революционного завода — Сокольнических мастерских. Эти мастерские были сорганизованы во время войны и исключительно занимались изготовлением снарядов. В конце 1916 г. на этом заводе существовало довольно крепкое партийное ядро, возглавлявшееся тов. Журавлевым, Котовым и другими. В них насчитывалось до 4 тыс. рабочих, и здесь было большое поле деятельности для партийной организации. Осенью указанного года, под влиянием членов партийной группы, в этих мастерских была об'явлена экономическая забастовка. Эта забастовка имела большое политическое значение. Здесь на собраниях рабочие призывались протестовать против войны, и раздавались призывы к свержению самодержавия. В ноябре 1916 г. многие члены этой группы были высланы из Москвы. В числе высланных оказались тт. Журавлев, Котов и другие.

Несмотря на то, что связь с Московским комитетом была слаба, часто прерывалась, заводы, под влиянием отдельных групп и отдельных членов партии, все яснее и решительнее оформляли нараставшее революционное настроение и шли за большевиками.

27 сентября, составив месячный отчет о приходе и расходе средств заводского Красного креста, я предполагал для сведения рабочих пустить этот отчет по мастерским. 28 сентября, положив в карман этот отчет и целый ряд адресов товарищей из других городов, записанных на миниатюрных клочках бумаги, я вышел из дома № 4 по Орликовскому тупику. Было семь часов утра. Я направился к Военно-

промышленному заводу. Однако не успел я завернуть за угол Орликова переулка и Садовой улицы, как вдруг у самого входа в магазин Орликовых, где в это время выстроился большой хвост очереди из женщин, ждущих открытия магазина, я был схвачен за обе руки шпиками.

— Пожалте, карета для вас готова,— произнес злорадно шпик, держа меня, как клещами, за руку.

Они двинулись со мной по направлению к стоящей здесь же карете на резиновых шинах.

Наличность полицейского, оказавшегося вблизи, указывала, что бузить бесполезно. Я твердыми шагами направился к карете. Стоявшие в очереди женщины с недоумением глядели на меня, как видно, думая, каким это образом плохо одетый рабочий дождался такого почета — поехал в столь роскошной карете. Оцепенев, они стояли на месте и долго и пристально смотрели нам вслед.

Дорогой шпик пустился в фамильярные разговоры: какой губернии, сколько человек семьи и так далее.

У меня же в голове одна мысль: как уничтожить адреса и отчет заводского Красного креста, которые находятся у меня в кармане. Я вынул их раз из кармана и положил незаметно в складки сиденья кареты, но через секунду снова их вынул обратно и держал в руке засунув руку в карман пальто.

Шпик, заметив, что я ерзаю, заявляет, что он мне шевелиться запрещает, боясь, очевидно, что я его стукну по затылку.

Мы несемся стрелой, сначала бульварами, потом по Тверской улице, наконец под'езжаем к Гнездниковскому переулку. Еще несколько минут и будет поздно. Вот уже изгиб переулка и видны ворота охранки. Я стремительно выпрыгиваю из кареты, с такой же быстротой вслед за мной, успев захватить меня за конец пальто, выскакивает шпик.

— Застрелю,— кричит он.

Женщина, проходившая мимо, застыла на месте. Глаза ее наполнились ужасом.

— Чего стоишь?— крикнул я ей.— Иди, помогай!

Барахтаясь ногами в луже воды, на счастье оказавшейся тут после дождя, я успел разорвать часть бумаг и бросить в грязь, истоптав их ногами. Каждая секунда была дорога; остальную часть бумаг я стремительно сунул в рот и остановился.

Соскочивший в это время извозчик охранки, здоровый, приземистый детина, схватил меня за руку и рявкнул:

— Я те дам бегать! Как стукну по голове кулаком, так мокро останется.

Жители, живущие в этом переулке, бросились к окнам и стали наблюдать за этой неожиданной для них сценой.

Ругаясь площадной бранью, держа меня за руки, шпик и извозчик двинулись по направлению к конторе охранки.

Подойдя к столу дежурного околоточного, шпик размахнулся кулаком и гаркнул:

— Я те покажу, как бегать, сволочь...

Однако я отклонил голову и шпик промахнулся. Околодочный схватил шпика и отшвырнул его от меня.

— Уходи отсюда, шпана,— произнес он,— бить здесь я тебе не разрешаю.

Шпик быстро выскочил из комнаты.

— Обыскать его,— указывая на меня, произнес околодочный.

Присутствующие городовые бросились опустошать мои карманы.

— Вынули все,— отрапортовали городовики.

— Отвести его в камеру,— буркнул околодочный.

Через три минуты я очутился в темной комнате, в подвале. В первую очередь, нужно было освободить забитый бумагой рот.

Говорить в таком состоянии я не мог. Но и здесь это нужно было сделать с большой осторожностью, так как за мной наблюдали, заглядывая в сделанное в двери небольшое круглое окно. Уничтожив бумаги, я стал рассматривать комнату. В ней стояла простая железная кровать, на которой лежал грязный матрац. При осмотре последнего, я обнаружил в нем большое количество клопов. Кроме кровати, в комнате стоял небольшой деревянный стол и стул. Вот и все содержимое камеры.

Только что я успел уничтожить бумаги, как замок камеры щелкнул и меня попросили в канцелярию, где был зачитан список отобранных вещей, на которые составлен акт.

После подписания акта я снова был направлен в прежнюю камеру и в течение первого дня меня больше не вызывали. Осматривая стены камеры, я заметил, что они были все исписаны фамилиями сидевших в ней товарищей, среди которых было много знакомых фамилий.

Найдя на полу небольшой камешек с острыми краями, я стал им чертить на стене свою фамилию.

Я не мог спать в этом клоповнике почти всю ночь, так как клопы и блохи вели форменную атаку. Попытки заснуть привели к тому, что оказались искусанными вся шея и лицо.

На другой день в 10 часов утра вызвали на допрос к какому-то ротмистру, после допроса — снова в камеру. Час спустя, с двумя конвоирами, отправили в фотографию, здесь

же во дворе охранки. Съемка фотографий производилась в трех видах: стоя, сидя и боком. После съемки фотографической, произвели оттиски строения пальцев обеих рук и ладоней.

По окончании этих процедур, снова камера.

После обеда щелкнул замок камеры и вошедший городовой предложил одеваться и следовать за ним. Выйдя во двор, я заметил извощичью пролетку, в которой сидел другой городовой с рассыльной книжкой в руках. Пришедший со мной городовой, предложил мне сесть в пролетку, а затем обратился к сидевшему в ней городовому с целой нотацией, чтобы смотрел в оба и что в случае, если я от него сбегу, он будет нести ответственность за это.

Извозчик ударил лошадь кнутом, и мы рысью выехали со двора охранки по направлению к Арбатской части.

Смотритель тюрьмы расписался у городовика в книге и приказал присутствовавшей страже отвести меня в камеру № 1 на второй этаж.

Пройдя через два поста охраны, мы подошли к камере № 1. Звякнул железный засов и открылась дверь камеры.

Перед глазами предстала маленькая камера-коробка, в которой стояло четыре кровати, сделанные из досок; на них я заметил набитые соломой тюфяки. Здесь же прижавшись к стене, стоял стол, у которого находились три замурованных в этой «коробочке» товарища.

У одного из них на голове была целая копна черных длинных волос. Как оказалось потом, это был латыш по фамилии Милтынь.

— Товарищ Батышев, ты ли это? — крикнул обрадованно один из обитателей камеры. — Помнишь, мы с тобой встречались на Казанском вокзале, провожая земляков, и в союзе металлистов.

Подойдя поближе к говорившему, я узнал в нем тов. Чуваева.

— Я, — говорит Чуваев, — сижу в этой коробочке уже около недели, вместе с моим младшим братом. В Сокольниках, где мы вместе с братом работали на заводе столярами, случилась экспроприация заводских денег. На розыски приехало много шпиков, стали обыскивать мастерские. В мастерской, где я работал с братом, стали проверять и выстукивать стены. При таком тщательном обыске была обнаружена спрятанная и заделанная в стене подпольная библиотека. Стали проверять работающих в мастерской рабочих и решили, что эта библиотека принадлежит мне и моему брату подростку. Такова причина моего нахождения здесь. Ну, я-то, действительно являюсь виновным в этом

деле, а вот брат, почти еще мальчик, никакого отношения к этому не имеет и не разбирается еще во всех политических вопросах. При допросах в охранке мы отрицаем принадлежность нам этой библиотеки.

Только успел он закончить свой рассказ, как заскрипел засов и дверь камеры открылась. Вошел конвойный с ведром горячей воды, из которого столбом валил пар.

— Вот и чай,— об'яснили коллеги по комнате.

Взяв по куску черного хлеба и по громадной деревянной крестьянской ложке, они стремительно бросились к ведру и стали жевать хлеб и запивать горячей водой.

— Какой же это чай,— говорю я,— это просто горячая вода, ни чаем ни сахаром здесь и не пахнет.

— Здесь,— говорят они,— ни чаю, ни сахару не дают, только воду, а денег у нас нет ни гроша. Ждем, пока принесет кто-либо. Тогда загуляем, чай с сахаром купим, да и французскими булками полакомимся.

Среди сидевших в этой части находилось довольно значительное количество московских работников: Тов. Мендельсон, работавший со мной на одном заводе, тов. Крастынь (теперь работает в Коминтерне), тов. Котов (быв. секретарь Московского комитета партии) и другие.

Рабочие завода, узнав о моем аресте, собрали мне 100 руб.

Газета «Русское слово» поместила заметку о том, что арестован секретарь закрытого Общества народных общеобразовательных и разумных развлечений Батышев, на квартире у него произведен обыск, ничего компрометирующего не найдено...

Наконец, наступил желанный день освобождения. Опять контора части, волчий паспорт в зубы, 24 часа на сборы, запрещение жительства в городах, находящихся на военном положении на все время войны и т. д. Получай свободный проезд по волчьему билету. Но едва ли и с ним можно было далеко уехать. Многие в том числе и член правления союза металлистов тов. Молоткович, с такими билетами смогли доехать только до одного из находящихся в Москве вокзалов, где снова ловушка и новый арест.

Однако новая ловушка устраивалась полицией и охранкой не только на вокзале. У меня, например, после моего освобождения, засада была устроена возле квартиры, куда я, конечно, не пошел.

Когда я пришел на Военнопромышленный завод за получением расчета, администрация, вместо выдачи расчета хотела меня вторично арестовать, вызвав для этой цели целую ватагу полицейских. Только моя находчивость помогла мне скрыться от полиции и спасла меня от нового ареста.

Приложение 1

МАТЕРИАЛЫ К СТАТЬЕ тов. И. ЛЕППЕ

I. Список членов РСДРП(б) подпольной организации «Северной группы» в 1915—1916 гг. в Москве

1. Аугсткалн Ян,
2. Ансон Анце,
3. Абол Зельма,
4. Андерсон Ян («Волин»),
5. Абол Каролина,
6. Атварс Мильда,
7. Бундуринь,
8. Безайс Ян,
9. Бредис Лилия,
10. Бредис Эльза,
11. Бредис Анна,
12. Бурдынь Анс,
13. Берзин Марта,
14. Берзин Альма,
15. Бруцер,
16. Блумфельд Катте,
17. Блум Катте,
18. Борман Карл,
19. Борман Альфред,
20. Биркен Зельма,
21. Бейк Анна,
22. Вилнис Карл-Отто («Барда», «Борода»),
23. Випул Теодор,
24. Ванаг Вольдемар,
25. Вегер,
26. Вагул Анна,
27. Витте Жан Ансович,
28. Витте ... Ансовна,
29. Гайле Амалия («Земнеце»),
30. Гросман Паулина,
31. Гросман Минна,
32. Гулбис Рудольф,
33. Граудынь («Пуйка»),
34. Грейер Якоб,
35. Дымдынь Эльза,
36. Домбровский Ян,
37. Даугул Ольга,
38. Забельский Вольдемар Иванович,
39. Залитс Артур («Арайс»),
40. Земел Анна,
41. Залман Анна,
42. Земел Я. К.,
43. Зенберг Минна,
44. Зандерсон Зельма,
45. Зельбер Матильда,
46. Индриксон-Дулькис («Мим»),
47. Кубленок Ольга,
48. Крузе Эмма.
49. Калнынь Мария,
50. Крастынь Виктор,
51. Кушел Ян,
52. Каулинь Христина,
53. Карпс («Карлис»),
54. Конберг Кришян,
55. Крумин Геральд Иванович,
56. Калнынь Оскар,
57. Калнынь (жена его),
58. Клокк,
59. Крумин Карл,
60. Карповиц,
61. Клявенек Катте.
62. Клявенек Мартин,
63. Клинклав,
64. Леппе Иван Иванович («Клявин»),
65. Лепинь Вера,
66. Ласис Ян,
67. Лауве Иван,
68. Лидак Андрей,
69. Машул Якоб Якобович («Черный»),
70. Матч Арвид,
71. Матч Констанция,
72. Муценек Карл,
73. Матч Зельма,
74. Мусинь Катыня,

75. Муценек Паулина
76. Мартинсон,
77. Милтынь,
78. Мейя,
79. Нелетис,
80. Одынь Христина,
81. Озол-Преднек Карл,
82. Ош Мария,
83. Принцис Зельма,
84. Поль Мария,
85. Преднек Отилия,
86. Принцис Ян,
87. Пече Ян,
88. Пельш Роберт Андреевич,
89. Путнынь,
90. Пиген Эмма,
91. Пиген Зельма,
92. Парре Берта Фрицевна,
93. Парре Август Фрицевич,
94. Резевская Ольга Яновна,
95. Рунц Марта,
96. Риппа Якоб Янович,
97. Резевская Альма,
98. Ратч Милда,
99. Рудер Мария,
100. Розе,
101. Стипнек Иван,
102. Стипнек Марта,
103. Страумит («Сайвнекделс»),
104. Суссау Карл,
105. Спелман Мария,
106. Сицикович (два),
107. Смилгис,
108. Свикке Иван,
109. Саркис Иван,
110. Теплинь Берта.
111. Упите Эрнст Кришян,
112. Улласт («Дадзис»),
113. Фридриксон («Преде»),
114. Шилинь Альфред,
115. Шиллер,
116. Чакарс,
117. Хаан,
118. Херман,
119. Эфферт Эрнст Эрнстович,
120. Экис Анна,
121. «Элефант»,
122. Яунозолинь,
123. Янел Юлия,
124. Ятнек Ян,
125. Яунозол, Марта и др.

Примечание: Список далеко не исчерпывает всех членов «Северной группы». Он составлен на основе воспоминаний членов «Северной группы».

2. Список лиц, арестованных 1, 2, 3, 4 и 6 января 1916 г.,— членов «Северной группы» и часть легалистов, связанных по работе [1]

1. Аугсман Ян,
2. Бреде Анна,
3. Вельмер Зельма,
4. Бреде Шарлотта,
5. Даугул Ольга,
6. Зведре Фриц,
7. Зниле Якоб,
8. Кактынь Ян,
9. Ермолов Янис,
10. Кальнынь Оскар,
11. Канберг Криш,
12. Клок Вильгельм,
13. Клявенек Катте,
14. Клявенек Мартин,
15. Крузе Жан,
16. Крумин Карл,
17. Лепин Вильгельм,
18. Межапуке Мартин,
19. Мусинь Кристина,
20. Оша Марина,
21. Принц (Принцис) Ян,
22. Сицинова Елена,
23. Тихонова Мария,
24. Цаунит Анна,
25. Рудер Мария,
26. Абол Каролина,
27. Муценек Паулина,
28. Межелейт Вениамин,
29. Володин Георгий,
30. Смирнов Владимир,
31. Гавриил Федотов (без фамилии),
32. Заар Мартин,
33. Романов Василий,
34. Силин Ян,
35. Федоров Григорий,
36. Тябут Ксения,

[1] Выписка произведена из архива дел Московского охранного отделения.

37. Принцкетис Эмилия,
38. Кайненварлиц Мария,
39. Зандерсон Отиллия,
40. Дымдинь Эльза,
41. Волкова Любовь,
42. Цируль Кристина,
43. Федоров Василий,
44. Берайн Теодор,
45. Барабошкин,
46. Амолин Якоб,
47. Фрейберг Александр,
48. Петерсон Эдуард.

3. Список арестованных членов «Северной группы», март—апрель 1916 г. [1]

1. Эфферт Эрнст Эрнстович,
2. Виксне Артур Янович,
3. Витман Валентина Яновна,
4. Зорин.

4. Список членов «Северной группы», арестованных 28 сентября 1916 г. [2]

1. Даугул О. Я.,
2. Клявенек (нелегально вернулся в Москву),
3. Блюмфельд Е. Ю.,
4. Шнабович А. Т.,
5. Пуринь Н. Л.,
6. Апсе А. Я.,
7. Лауе Я. Э.,
8. Мартинсон Г. Т.,
9. Мартинсон П. Т.,
10. Преднек О. Я.,
11. Вибул Э. Я.,
12. Безвардс К. Я.,
13. Элькснс К. М.,
14. Парре Б. Ф.,
15. Парре А. Ф.,
16. Крастынь М. К.,
17. Беккер Э. Я.,
18. Бредис Л. А.,
19. Крумина Л. П.,
20. Крастынь К. К.,
21. Ульмис А. К., он же Погуль,
22. Сурс А. Т.,
23. Балцербул Д. Б.,
24. Милтынь И. Я.,
25. Цвикцельм Е. О.,
26. Смильгис Л. Я.,
27. Дорин А. П.,
28. Грандт Ж. М.,
29. Клявенек А. А.,
30. Герман А. П.,
31. Земел Я. К.

5. Список провокаторов, освещавших «Северную группу»

1. Спрогис, по кличке охранки Карл Вильямович «Красный».
2. Жена Спрогиса — «Молодой» — Мария Петровна.
3. Берман-Рудыс — «Майский» — Рудольф Иванович.
4. Упман Павел Ансович, по кличке «Московский» (не разыскан).
5. Из донесений в охранку о деятельности «Северной группы» значится еще под кличкой «Максим» и «Кузьмич» (из русских).

Приложение 2

ОХРАНКА О «СЕВЕРНОЙ ГРУППЕ» [3]

I. Донесение начальника охранки

В начале декабря месяца 1915 г. в отделении были получены сведения об образовавшейся в г. Москве латышской социал-демократической

[1] Из дел архива Московского охранного отделения за № 539 лист 1-й и 3-й.

[2] Составлен по архиву Московского охранного отделения (из дел за №№ 77, 118, 114, 186, 922, 880, 881, 885, 865, 861, 871, 883, 878, 863, 879, 888, 859, 882, 889, 887, 870, 868, 877, 873).

[3] Архив революции и внутренней политики. Дело № 98, л. 53.

большевистского направления организации, в состав которой вошли преимущественно латыши, эвакуированные из западных губерний.

К вышеуказанному времени эта организация насчитывала в г. Москве восемь фабрично-заводских кружков, носивших конспиративные названия «Stipree», «Witnis», «Atwase», «Leesma», «Zeriba», «Atauga», «Rihts», «Darba rihts» («Сильные», «Волна», «Отросток», «Пламя», «Надежда», «Поросль», «Утро», «Трудовое утро»), имела свой комитет пропагандистов, казначея, Отдел по оказанию помощи нелегальным и репрессивным (Красный крест), пытались завести сношения с местным с.-д. подпольем и устраивали кружковые собрания, на которых имелись рефераты. Обсуждались вопросы текущего момента и вопросы о постановке подпольной техники для печатания листовок.

Ввиду изложенного, в целях пресечения преступной деятельности членов вышеуказанной организации, в ночь на 1-е с. г. января были произведены, на основании ст. 23 правил о местностях об'являемых состоящими на военном положении, обыски и аресты лиц, входивших, по имеющимся в отделении сведениям, в состав этой организации, причем, в квартире мещанки г. Риги Марии Александровны Рудер, в чулане под лестницей за досками, были обнаружены рукописи, частью преступного характера записки, отпечатанная листовка на латышском языке, 22 отлитографированных листовки на русском языке с «циммервальдовским» воззванием, пузырьки с химическими чернилами и тушью, рукопись преступного содержания, предполагаемой к выпуску ко дню 9 января.

По пред'явлению обнаруженного сожителю Марии Рудер, проживавшему первоначально в Москве под фамилией Блумфельд, а арестованного под фамилией Яниса Фрицева Ермолова — 18 лет, гр-на Курляндской губ., Виндавского у., Эдваленской вол., по сообщению начальника Лифляндского губернского жандармского управления, проживавшего ранее до июля 1915 г. в г. Риге по подложному паспорту на имя Эдуарда Янова Урге, означенный Блумфельд-Ермолов-Урге об'яснил, что рукописи преступного содержания писаны им самим собственноручно.

При дальнейших обысках у крестьянина Рижского у., Инскюльской вол. Карла Петровича Крумина была обнаружена записка на латышском языке, подтверждающая имевшиеся в отделении сведения о принадлежности его к организации и работе в ней как казначея.

В этой записке, указанной в протоколе осмотра за № 12 (под. п.), сокращенно перечислены указанные выше восемь кружков организации с указанием суммы поступления членских взносов,— в ней же имеются первоначальные буквы «S. K.» Отдела помощи нелегальным и репрессивным (Красный крест) — «Sarkanais Krusts».

В обнаруженной же вместе с прочими материалами в чулане за досками записке, писанной собственноручно Ермоловым-Блумфельд-Урге, означенной в протоколе осмотра за № 7 под. п. 5, также существует запись «Wilnis» («Волна») «Leesma» («Пламя»), что в свою очередь подтверждает существование в латышской с.-д. организации перечисленных в начале сего кружков с законспирированными названиями, а равно и участие Ермолова-Блумфельд-Урге и Крумина в подпольной работе этой организации.

Докладывая о вышеизложенном, при сем представляю на распоряжение вашего превосходительства переписку о перечисленных выше лицах на 36 листах и вещественные доказательства в 5 свертках, присовокупляя, что Крумин как подлежащий призыву на военную службу и пославший на освидетельствование вместо себя другое необнаруженное лицо, страдающее физическим недостатком, почему получил белый билет, по арестованию был препровожден в распоряжение московского уездного воинского начальника на переосвидетельствование и, в настоящее время, по уведомлению московского уездного начальника от 30 января

с. г. за № 13 признан годным к военной службе и зачислен в 85 пехотный запасный батальон.

Приложение: Переписка на 36 листах и вещественные доказательства в 5 свертках.

Подписал полковник Мартынов.
Верно. ротмистр Знаменский.

2. Рукопись, обнаруженная у члена «Северной группы» Ермолова (Алексис) при его аресте 1 января 1916 г.

(Печатается в переводе с латышского на русский язык, сделанном охранным отделением при управлении московского градоначальника, д. 98 — 1916 г.)

Товарищи! Приближается 9 января, и в памяти каждого российского сознательного рабочего снова возрождается картина кровавого ужаса 9 января. Одиннадцать лет тому назад, 9 января, петроградские рабочие с верою в царя, с обнаженными головами, предшествуемые иконами и водимые подкупленным правительством агентом Гапоном, отправились к царю-батюшке просить свободу. А царь, вместо свободы, встретил их пулями, и кровь тысячи рабочих красила белый снег, и груды трупов покрыли улицы столицы. Вот чем российский пролетариат заплатил за свою наивную веру в царя-батюшку. Но мучения 9 января не прошли даром царю. 9 января показало в отвратительной наготе подлости царя и всей правительственной шайки. 9 января открыло глаза российскому рабочему и показало, какой ошибкой была его наивная вера в то, что правительство даст что-нибудь по своей воле, не будучи никем принуждено. 9 января показало, что рабочему классу не следует ожидать освобождения свыше и что может добиться такового и сам, и исключительно собственными силами. И началось российское 1905 г. революционное движение, которое, как могучая волна, перекатилось через всю Россию и до основания сотрясло гнилую постройку царского самодержавия.

Товарищи! И ныне 9 января льется кровь рабочих. Льется, хоть не на улицах Петрограда, но на обширных снежных равнинах от Балтийского до Черного моря, льется уже второй год, льется так, что от пролитой крови можно наполнить огромное море и от трупов сложить непроходимые горы.

Как только началась нынешняя война, российский пролетариат на время забыл урок, полученный им 9 января одиннадцать лет тому назад и, послушный правительству, принял войну. Рабочие послушали сообщение правительства, что причиной внутренних государственных неурядиц является «немец», поборов которого, рабочие приобретут необходимую свободу, поправят свои обстоятельства и т. д. И повторенная ошибка отомстила себя еще ужаснее. Потоки крови, груды трупов, разрушенные поля, сожженные дома, оставшиеся без крова беженцы, уничтоженные культурные ценности и миллиарды истраченных народных денег, оставшиеся без кормильцев семейства, вдовы и сироты, призреваемые армии калеки. чрезмерная дороговизна жизни, непосильное бремя податей, удушливая реакция, уничтожение рабочей прессы и союзов, осуждение депутатов от рабочих и масса разбойств в разных городах России — вот те блага, которые были обещаны и которые, как бремя, все тяжелее и тяжелее ложатся на плечи рабочих.

Ужасные последствия этой вторичной ошибки снова раскрыли глаза и лишний раз доказали, что поверить обещаниям правительства — означает самим себя обмануть.

Товарищи. Кровь, которая льется на войне — кровь рабочих и крестьян. Руки, изготовлявшие военные снаряжения для уничтожения наших

иноплеменных братьев, таких же рабочих, как мы сами — наши руки; богатства, которые уничтожаются в нынешней войне, которая ведется в пользу дворян и капиталистов воюющих держав — созданы нами.

Товарищи. Наше об'единенное коллективное желание есть огромная непобедимая сила, благодаря нам имеется исключительная возможность вести войну и только наша сила способна прекратить ужасы, с которыми связана нынешняя война.

И ныне, торжествуя 9 января, прекратите работы и выходите из фабрик, где это возможно, дабы припомнить прошлое, и обдумать настоящее и будущее.

Да послужит это сознание созданием — новой могучей революционной волной, которая смоет пошатнувшуюся от революционного потока 1905 г. постройку российского царского самодержавия.

3. Прокламация, обнаруженная у члена «Северной группы» Ермолова (Алексис) при его аресте 1 января 1916 г.

(Печатается в переводе с латышского на русский язык, сделанном охранным отделением при управлении Московского градоначальника, д. 98 — 1916 г.)

Российская социал демократическая рабочая партия
Латышская социал-демократия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ «СОЦИАЛИСТЫ»

Война длится уже пятнадцатый месяц. Денег и военных материалов у России уже давно не хватает. Единственная опора, на которую опиралось самодержавие, вера в терпение крестьян и рабочих начинает рушиться. Длительная война разорила семьи рабочих, лишила последнего кормильца жен, детей и родителей. Но сверх всего этого возрастает дороговизна жизни и уничтожает последнюю возможность призревать семейства товарищей,— ушедших на войну. Фабриканты делаются все нахальнее. Это пришлось испытать и рижским рабочим: тогда, после перевода фабрик на новые места работы, им предложили гораздо низшую рабочую плату. Это все заставило рабочих бросить веру и надежду на благорасположение господ и думать, как самим обеспечить свое существование. Так рушится сильнейшая опора русского самодержавия — народный патриотизм.

Возобновить его спешит группа «социалистов» во главе с Плехановым и Дейчем. Они говорят, что от немецкой победы более всего пострадает рабочий люд: придется возместить громадные военные расходы. Ну, а в случае победы России, возместят ли убытки разрушенным семьям рабочих. Нет, этого не сделает и не думает делать самоправие. Оно даже — неспособно призревать семьи тех рабочих, кормильцы которых пали на войне. Германия будто бы будет притеснять нас в политическом отношении. Но что делает самоправие. Это разве обещанная свобода, что царские слуги, в виде пуль, направили на рабочих Иваново-Вознесенска и Костромы. Царское правительство даже тогда, когда рабочих охватил патриотизм, не дали ни крошки политической свободы. Поэтому нас нельзя испугать чучелом немецкого реакционизма. Нет на свете правительства, которое даровало бы свободу. Ее приходится добиваться самим. И ее можно добиваться и от немецкого самоправия. Россия будто бы сделается колонией Германии в экономическом отношении и не найдут работы выписанные из деревень сельские рабочие. Поэтому будто бы нам

следует защищать родину, разгромить неприятеля. Но какие изменения внесло бы рабочим, если бы Россия сделалась колонией. Возможно ли платить содержание ниже того, какое платят в центральной России. Ни в одном государстве, ни в одной колонии нет такого ничтожного содержания, ни в одной стране света, исключая Китай и Турцию, рабочие не находятся в таком бесправном положении, как у нас. Не найдут будто бы работы приезжие в город крестьяне. Но почему сейчас крестьянам приходится оставлять деревни. К этому их принуждает политика правительства, отдавшего все недвижимости в руки небольшой горсточки дворян. Это поощряет закон 9 ноября, который на законном основании делает крестьян должниками помещиков. И если даже сделает Россию колонией Германии, промышленность не остановится, так как наибольший доход получается от рабочих. Таким образом, рабочих понадобится, если и не больше, то во всяком случае и не меньше, чем сейчас.

Мы не имеем отечества, что защищать. В той стране, которую называют нашим отечеством, все беззакония законны, если они исходят от богатых. Здесь убивают рабочих за то, что они требуют себе самое необходимое. Здесь, работающих в принудительном порядке углекопов мобилизуют и обращают в каторжных, ибо они лишены права оставлять по своей воле работу. В нашем нынешнем отечестве заставляют фабрикантов поступать в синдикаты. Товарищи. Где это еще видно? Другие государства признают синдикаты вредным для общества, ибо через них вздорожают цены на продукты, а русское правительство всеми средствами способствует учреждению их. И это отечество мы имеем защищать.

Нечего защищать государственные строи Франции и Англии, ибо и там убивают рабочих. И в французской республике посылают войска против забастовщиков, вводят на место двухлетней — трехлетнюю повинность и т. д. В нашей памяти еще свежо избиение рабочих в Дублине, в Англии, во Франции также, как в Германии господствует капитализм и заглушает всякое более или менее обширное рабочее движение.

Мы видим, какие новые «истины» нам сообщают эти «социалисты» — патриоты. Они забыли, что раньше говорили рабочим. Забыли постановление международного рабочего конгресса: — война войне. И подобные многим другим, «тоже социалистам», они сейчас выступают за прекращение борьбы классов. Каждая стачка равносильна измене, ибо она в пользу нашего врага. Потому потерпите, рабочие, хотя фабриканты сдирают с вас семь шкур, хоть вы помираете голодной смертью. После войны, с победой вашего отечества, и для вас наступят лучшие времена, и для вас перепадет что-нибудь из военной добычи — этот их теперешний взгляд, точно как у наших толстобрюхих патриотов.

Мы признаем большие заслуги Плеханова и др. во время рабочего освободительного движения. Но теперь, когда они, намереваясь помочь нам, помогают смертельному врагу рабочих — самоправию, следует отвернуться от них. Они хотят бороться вместе с русским самоправием против немецкого, убивая немецких рабочих. Мы, напротив, имеем бороться со всеми самоправиями — а не рабочими. Мы, товарищи, рабочие пойдем своей дорогой без них.

Нет еще государственного строя, который мы имели бы защищать. Мы создадим сами себе отечество, а не правительство нам при этом поможет. Это дело совершат, идя рука об руку, рабочие всех стран. Правительство начало войну с целью приобрести Восточную Пруссию и Галицию. Нам, рабочим, этого не нужно. Нам нужна благоустроенная жизнь, но война губит таковую. Поэтому мы против всякого кровопролития, так же как рабочие прочих государств. Дадим им руку и пойдем на борьбу за наши общие лозунги. Долой войну и самоправие. Да здравствует соединенное собрание, да здравствует революция.

Печатано в типографии Л.С.Д. Центр. Ком., 1915 г., 8.000 экз.

Центральный комитет.

СОВЕЩАНИЕ МОСКОВСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ 29 АВГУСТА 1914 Г. ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВОЙНЕ [1]

(Донесение провокатора под кличкой «Штурман» от 2 сентября 1914 г.)

29-го августа с. г. в Москве, состоялось частное совещание местных видных с.-д. (и большевиков и меньшевиков) для обсуждения положения дел и той позиции, которую надлежит занять Российской социал-демократии в связи с войной.

На совещании в числе других были:

Алексей Максимов Никитин.

Иван Иванов Скворцов.

Александр Федоров Хлынов (недавно вернулся из ссылки; служит в редакции журнала «Природа»).

Валериан Иванович Яхонтов.

Тарасевич (но не известно: Лев или Алексей).

Орест Иванов Розенфельд.

Еремей Исаеров Каплан (участие его известно не наверное).

Был также какой-то приезжий из Петрограда.

После обсуждения различных вопросов, прочтения известной телеграммы Вандервельде к социал-демократическим депутатам Думы и безыменного воззвания к народу (приложены),— присутствовавшие на совещании довольно согласно, несмотря на то, что часть собравшихся были большевики по убеждению, пришли к выводам, что политика молчания, которую последнее время приняла Российская социал-демократия по отношению к войне, не есть политика; что социал-демократия должна выступать, должна заявить о себе, о своей позиции, должна выработать программу действий и занять активную позицию.

Собравшиеся, обсуждая положение и внешние события, пришли к выводу, что Россия в войну втянута, вместе с тем констатировали, что настоящая война экономически для России будет выгодна, так как помимо уничтожения невыгодного торгового договора с Германией, несомненно впоследствии разовьется промышленность, а это развитие, будет сопровождаться расцветом и подъемом рабочего движения.

Кроме того, по мнению собравшихся, война и ожидающаяся победа над Германией, выгодна для социал-демократии и политически, так как Германия в прежнем ее виде питала и поддерживала русскую реакцию, а потому, с ослаблением этого влияния, бороться внутри России для соц.-демократии будет легче. С уничтожением Германии, являющейся носительницей милитаризма, таковой исчезнет с горизонта и ресурсы государственного казначейства будут употреблены на действительные народные нужды.

Выведя и согласившись на указанные предпосылки, собравшиеся пришли к следующим заключениям: социал-демократы в России не должны в настоящее время быть немыми свидетелями событий, а выступать активно, не только не против войны, а всеми доступными средствами помогать благополучному для России завершению войны и действовать так, чтобы Германия была действительно поражена. Поэтому, социал-демократы в России должны декларировать свое отношение к войне. Так как в настоящее время у социал-демократов в России имеется исполнительный орган в лице социал-демократической фракции Государственной

[1] Записка № 263, лист 90, 91, 93.

думы, то необходимо обратиться к ней и потребовать безусловного об'единения (большевиков и меньшевиков), выработать декларацию, от имени с.-д. фракции как выразительницы всей Российской социал-демократии.

Практически решения собравшихся сводятся к тому, чтобы все социал-демократы добивались бы равноправного участия во всех общественных организациях, возникших в связи с войной; например, в общеземской организации (где об'единились земцы и либералы); в участковых попечительствах о бедных (в Москве для московских социал-демократов это участие — очередной лозунг); в волостных попечительствах и других подобных организациях. На ряду с этим считается необходимым об'единить всю ту активную часть социал-демократии, которая особенно выявится на этом деле; об'единив этот активный социал-демократический элемент, социал-демократы выполнят организационную работу.

Позиция для Российской социал-демократии, выработанная на этом совещании, не является, однако, безусловно приемлемой для социал-демократов вообще и в Москве, например, отмечается наличность другой группы социал-демократов («большевистски» настроенных), к которой между прочим принадлежат: Виктор Ногин (организационная кличка «Макар»: он, вернувшись из ссылки, едва ли будет активно работать), Крыжановский Глеб Максимилианович, Мандельштам Александр Владимиров (организационная кличка «Одиссей»), Карпов Лев Яковлев (организационная кличка «Владимир»), известный Миритеев, утверждающий, что большинство рабочих большевиков, держатся этого взгляда. Точка зрения этих лиц на события и их отношение к войне таково: Россия вовсе не вовлечена в войну; война по существу ведется капиталистами и ради их интересов; а потому социал-демократы не должны оказывать какой-либо помощи правительству в войне и не сдавать старых позиций, выработанных социал-демократией. Группа эта предполагает, что германская социал-демократия едва ли сделала те шаги, которые ей приписывают; она считает войну громадной по последствиям, которые она произведет во всем жизненном укладе, и как бы прелюдией к социальной революции, которая явится более или менее в близком будущем, как ее логическое следствие.

По мнению этой группы, задача текущего момента для русской социал-демократии — не вмешиваться активно в события, но, следя за ними и организуясь внутренно, суметь в нужный момент овладеть движением.

Группа не указывает, однако, конкретно, как надлежит поступать, и ограничивается пока чисто теоретическим обсуждением; в помощь либералов не верит, так как считает, что с изменением торгового договора «русская буржуазия получит кость и будет ее глодать десятки лет и ссориться с правительством не будет», а потому надежды у социал-демократов только на крестьянство и на рабочих.

В отношении А. М. Никитина как будто выясняется несколько новая позиция, которую он занял: его задачей является теперь об'яснить рабочим и заставить их отнестись благоприятно к войне, т. е. в смысле полного сочувствия задачам правительства к благополучному исходу столкновения с Германией и Австрией. В частных разговорах и беседах с своими единомышленниками на разных собраниях Никитин отмечал то странное положение, в которое он попал в связи с тактикой, которую заняла его группа по отношению к войне, т. е. ему приходится итти рука об руку с правительством и помогать ему в деле войны; что такое положение ему пришлось занять в первый раз в жизни.

Видимо в первое, после своего ареста, время он держался своей прежней противоправительственной тактики и только в последнее время склонился к мыслям и теории, высказанной в известной телеграмме Вандервальде.

В Москве имеются сведения, что Петроградская социал-демократия в большинстве своем стоит на второй точке зрения (т. е. взгляды группы Ногина, Крыжановского и других); между прочим эти взгляды разделяют известные в Петрограде социал-демократы: Соколов (большевик); Георгий Цетлин (ликвидатор); Скрипник (секретарь журнала «Страхование рабочих» (большевик) и другие.

Начальник отделений подполковник Мартынов.

Приложение 4

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКА МОСКОВСКОЙ ОХРАНКИ О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МОСКВЕ ЗА ПЕРВЫЙ ГОД ВОЙНЫ

Лист 188

Секретно.

По Российской социал-демократической рабочей партии по г. Москве. (С начала войны).

Составлен 1 октября 1915 г.

Непосредственно перед началом войны с Германией, т. е. в первых числах июля месяца 1914 г. настроение московских рабочих, в связи с происшедшим в Петрограде кровавым столкновением рабочих Путиловского завода с полицией, было весьма приподнятое, и руководители местного социал-демократического подполья намеревались использовать таковое в партийных целях, почему и вели усиленную агитацию за об'явление в Москве забастовки для поддержания петроградских рабочих.

Однако в связи с об'явлением Германией войны России, настроение большинства рабочих резко изменилось и было решено, ввиду нахождения отечества в опасности, не чинить правительству затруднений и воздержаться от демонстративных выступлений.

Этот патриотизм рабочих сильно обеспокоил социал-демократических деятелей «большевиков», которыми, основываясь на полном противоречии войны с воззрениями социал-демократии, было решено заявить протест против войны и выпустить соответствующие листовки, в коих подробно осветить войну с точки зрения марксизма, указать призванным и ополченцам, что только путем социальной революции русский народ может получить гражданские свободы и что поэтому необходимо, воспользовавшись войной произвести государственный переворот.

Некоторые московские «меньшевики» первоначально также явно заняли враждебную позицию и пытались доказать, что, в случае победы России, восторжествует реакция и все, достигнутое рабочим классом за последнее девятилетие, пропадет даром.

Однако эта точка зрения части московских «меньшевиков» совершенно не встретила сочувствия в широких «меньшевистских» кругах как внутри России, так и за границей, и «меньшевики» решили, до всестороннего обсуждения создавшегося в связи с войной положения отказаться от каких бы то ни было демонстративных выступлений и занять выжидательную позицию.

Это отчасти об'ясняется еще тем, что «меньшевики» первоначально не представляли себе ясно, какую именно ведет Россия войну, т. е. наступательную или оборонительную.

«Большевики», напротив, не только остались на первоначально занятой позиции, но, выставив лозунгом: «война — войне», стали даже проповедывать необходимость превращения настоящей войны в войну

гражданскую для проведения социальной революции и учреждения демократической республики.

Часть же «большевиков», преимущественно из числа проживающих за границей, во главе со своим лидером «Ленины м», доказывали, что только поражение России приведет к революции, а потому рабочий класс и должен содействовать этому поражению.

Тем не менее, вначале агитация «большевиков» в широких рабочих кругах, в то время достаточно патриотично настроенных, не имела большого успеха и даже наиболее видными представителями местного «большевистского подполья было признано неприемлемым предложение «Ленина», агитировать за поражение России, и они ограничились лишь агитацией за необходимость, как сказано выше, превращения настоящей войны в войну гражданскую и указывали, в виду своего определенно-отрицательного отношения к войне, на необходимость не только не оказывать хотя бы пассивное содействие, но всеми средствами стремиться к скорейшему заключению мира.

«Меньшевики» первые месяцы войны, по указанной выше причине, не проявляли собственно никакой активной деятельности, ограничиваясь выяснением и определением создавшегося положения.

Такое относительное затишье наблюдалось почти до конца 1914 г., и даже арест в ноябре месяце на конференции в дачной местности «Озерки», близ Петрограда, членов социал-демократической рабочей фракции Государственной думы, хотя несколько и взволновал рабочие круги, но особого влияния на их настроение не оказал, и это событие не было в Москве отмечено никакими демонстративными выступлениями.

С этого же времени, т. е. с конца 1914 г., в социал-демократической «большевистской» среде стало замечаться стремление к организованности и сплочению разрозненных пролетарских масс, причем в первых числах января месяца текущего года в Москве состоялось об'единенное собрание московской и петроградской интеллигентной социал-демократии для обсуждения вопросов: 1) об отношении к социал-демократической (меньшевистской) фракции Государственной думы, 2) об отношений к бюджету и 3) об отношении к войне.

На этом собрании, однако, был рассмотрен только первый вопрос, причем была вынесена резолюция, хотя и признающая, в силу ареста «большевистских» депутатов, с.-д. фракцию Государственной думы единственной представительницей российского пролетариата, но требующая от нее в своей деятельности в одинаковой степени руководствоваться как постановлениями «меньшевиков», так и «большевиков».

Два других вопроса были перенесены на следующее такое же собрание, которое, однако, так и не состоялось.

В первых числах февраля была уже сделана попытка к проведению в день суда над рабочими депутатами, в знак протеста, однодневной забастовки с уличными демонстрациями, и даже предполагалось к этому дню выпустить соответствующую листовку.

Однако попытка эта не имела успеха, так как хотя принципиально и признавалось желательным отметить чем-нибудь этот день, но, ввиду несорганизованности рабочих масс, было решено не производить никаких демонстративных выступлений и лишь выпустить листовку, которая хотя и была отпечатана на гектографе, но распространения не получила благодаря принятым отделением мерам.

Стремление к сорганизованности с этого времени начинает наблюдаться не только в рабочих массах, но и в студенческой среде, причем образовываются особые марксистские группы при императорском техническом училище, императорском университете имени Шанявского, которыми выпускается несколько гектографированных листовок о текущем моменте.

Эти листовки, с одной стороны, благодаря отсутствию у студенчества связей с рабочими, а с другой — благодаря своевременно принимавшимся отделением мерам, почти не имели распространения в рабочей среде.

Наибольшее оживление в местном социал-демократическом подполье стало наблюдаться с весны, когда из Петрограда в Москву, по поручению «Петроградского комитета РСДРП», временно, видимо, выполнявшего функции Центрального комитета, стали приезжать видные партийные деятели, имевшие определенные поручения по воссозданию в Москве оформленных партийных организаций.

Из этих лиц заслуживает внимание быть отмеченной жена дворянина Вера Степанова А р н о л ь д, имевшая поручение воссоздать партийные организации в ряде городов, связав их между собою, так и с Петроградом.

Хотя А р н о л ь д и не удалось благодаря принятым мерам выполнить возложенное на нее поручение по г. Москве, однако ее приезд расшевелил местных с.-д. деятелей и подготовил почву для деятельности прибывшего вслед за ней в Москву, также по поручению «Петроградского комитета РСДРП», бывшего секретаря издававшейся в Петрограде рабочей, социал-демократического направления, газеты «Правда», студента Петроградского политехнического института Вячеслава Михайлова С к р я б и н а, которому, при содействии местных партийных деятелей, в сравнительно короткий срок удалось сорганизовать в различных районах Москвы несколько самостоятельных с.-д. «большевистских» групп.

К этому же времени относится и получение в Москве ряда листовок издания «Петроградского комитета РСДРП» частью получивших распространение и влиявших в сторону сорганизованности рабочих масс.

Первоначально эти группы действовали обособленно, но затем им удалось, при содействии того же С к р я б и н а, связаться, благодаря чему на очередь был поставлен вопрос об об'единении всех этих групп в одну организацию во главе с общегородским комитетом и для этого было решено созвать на 7 июня общегородскую конференцию.

Однако вследствие произведенной 6 июня ликвидации наиболее видных партийных деятелей, во главе со С к р я б и н ы м, конференция не состоялась, и вопрос об об'единении остался открытым, а также сразу заметно ослабела преступная работа этих групп, оставшихся без руководителей.

Вскоре, однако, благодаря поднятому вопросу о привлечении представителей рабочих организаций к работам созывавшегося главным комитетом Всероссийского союза городов с 1 по 13 июля в г. Москве общегородского совещания по борьбе с дороговизной и по снабжению армии предметами снаряжения и продовольствия, деятельность с.-д. подполья снова оживилась и опять был поднят вопрос о созыве общегородской с.-д. конференции, которую, однако, созвать не удалось.

К вопросу об участии рабочих в этом с'езде «большевики» и «меньшевики» отнеслись различно.

Первые, совершенно отрицательно относясь к с'езду, предполагали использовать таковой только в партийных целях, намереваясь, явившись на с'езд и прочтя особую декларацию об отношении к войне, провозгласив лозунг: «война — войне»,— уйти со с'езда, не принимая участия в его работах, т. е. предполагали устроить демонстрацию; вторые, напротив, настаивали на необходимости принятия рабочими активного участия в работах с'езда, что по их мнению, заставило бы правительство пойти в рабочем вопросе на известные уступки.

Соглашения между «большевиками» и «меньшевиками» по этому вопросу так достигнуто и не было, и уже лишь после избрания рабочими организациями делегатов на с'езд, последние, образовав особую рабочую группу, об'единились, решив прочесть на с'езде выработанную «больше-

виками» декларацию и в то же время принять участие в работах с'езда, использовав таковой, однако, главным образом, в партийных целях.

Это решение было приведено в исполнение, причем помимо участия в с'езде, социал-демократическими представителями рабочей группы, под прикрытием с'езда, было устроено, с участием члена Государственной думы Скобелева, чисто партийное с.-д. собрание, на котором делались доклады с мест и была вынесена особая резолюция.

Следует тем не менее отметить, что практического значения это партийное собрание не имело.

Самый с'езд, а главным образом выступления рабочих на нем, безусловно поднял настроение рабочих масс, которыми начали устраиваться различные собрания, на которых обсуждались подымавшиеся на с'езде вопросы и выносились соответствующие резолюции.

Эти собрания, главным образом, устраивались под прикрытием загородных экскурсий, устраивавшихся Обществом содействия устройству общеобразовательных народных развлечений.

Необходимо также отметить, что оживлению деятельности местного социал-демократического подполья сильно способствовала эвакуация в Москву из Риги некоторых заводов, с которыми сюда прибыло значительное число весьма видных с.-д. деятелей — латышей, которыми, совместно с проживающими уже ранее в Москве латышами, преимущественно слушателями народного университета имени Шанявского, была сорганизована особая марксистская группа, присвоившая себе наименование «Тверской группы РСДРП».

Эта группа, насчитывавшая в последнее время около 100 членов, за сравнительно короткое время своего существования (с лета текущего года), оборудовала подпольную типографию и выпустила три листовки: «Что делать», «Товарищи рабочие и солдаты» и «Проклятие убийцам».

Первые две листовки получили незначительное распространение в Москве, большинство же их было изъято мерами отделения; последняя же, предполагавшаяся к выпуску по случаю происшедших 10 августа в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губ. событий, вышла только в единичных экземплярах, так как почти все отпечатанные экземпляры были отобраны по обыску, причем была арестована и сама типография, в которой печатались эти листовки.

Дело об обнаружении этой типографии было передано прокурору московской судебной палаты, и ныне судебным следователем Московского окружного суда по особо важным делам Р. Р. Волтановским производится предварительное следствие, по которому, в качестве обвиняемых, привлечены пока трое.

Деятельность этой латышской («Тверской группы» РСДРП) группы в значительной степени способствовала оживлению деятельности и других московских марксистских групп, временно, после произведенных ликвидаций, почти бездействовавших, почему опять возник вопрос об об'единении, а в связи с этим, о созыве общегородской конференции для избрания «Московского с.-д. комитета».

С этой целью была избрана особая «исполнительная комиссия по созыву общегородской конференции», которой в течение последнего времени неоднократно делались попытки к созыву конференции; однако, благодаря предварительным и своевременно принимавшимся мерам, созвать конференцию до настоящего времени не удалось и вопрос этот пока остается открытым.

На ряду с вышеуказанной деятельностью «большевиков» выразившейся в последнее время в выпуске еще четырех, получивших незначительное распространение, листовок, из коих две «Товарищи рабочие» и «Товарищи солдаты» выпущены «пресненской группой РСДРП», одна «Страна в опасности» — группой студентов Императорского Московского университета и одна — «Товарищи» — группой студентов Московского

коммерческого института. «Меньшевики» также начали проявлять свою деятельность и, по инициативе лидера местных «меньшевиков» присяжного поверенного Алексея Максимова Никитина, в Москве организовалась группа, присвоившая себе наименование «московского рабочего социал-демократического коллектива», в состав которого частью вошли члены существовавшей до войны «инициативной группы».

Пока эта группа собственно себя ни чем не проявила, и вся ея деятельность выразилась в делегировании своего представителя на состоявшуюся в г. Туле с 20 по 21 сентября областную конференцию с.-д. «меньшевистских» групп Центрального промышленного района и города Петрограда.

Намерение же «коллектива» выпустить листовку о текущем моменте до настоящего времени, вследствие ареста главного инициатора этого выпуска — мещанина г. Новгорода Александра Николаева Смирнова, до настоящего времени не приведено в исполнение.

В общем следует отметить, что в настоящее время как у большевиков», так и у «меньшевиков» определенно замечается стремление к организованности и сплоченности разрозненных пролетарских масс и с этой целью ими используются всякие возможности.

Заслуживает внимания быть намеченным [1], что в целях об'единения рабочих масс предполагается создать при «Музее содействия труду» особую «трудовую комиссию» из рабочих по оказанию помощи беженцам, сорганизовать особые страховые комиссии», ввести рабочих в городские «санитарные комиссии» и в широкой степени использовать предвыборную кампанию в военно-промышленный комитет, причем вопрос о самом участии рабочих в этом комитете пока останется открытым, и есть основание полагать, что от участия в работах комитета рабочие откажутся.

Все эти вопросы в настоящее время всесторонне обсуждаются на устраиваемых в профессиональных обществах и больничных кассах собраниях, некоторые из коих происходили с участием члена социал-демократической фракции Государственной думы Скобелева, делавшего доклад о течении предвыборной компании в военно-промышленные комитеты в Петрограде и вообще о рабочем движении, причем им указывалось на необходимость использования предвыборной кампании в целях созыва «Всероссийского рабочего с'езда» и создания своего рода «Совета рабочих депутатов», который мог быть образован из числа выборщиков в военно-промышленные комитеты.

Попутно с сим, необходимо указать, что «большевиками» (инициатива исходит от «Петроградского комитета РСДРП») поставлен на очередь вопрос о созыве «общерусской с.-д. конференции «большевистских» групп» для обсуждения создавшегося в связи с войной и последними событиями положения и выработки регламента к предполагаемому созыву партийного с'езда.

Кроме того, следует также отметить, что в настоящее время замечается повсеместное оживление деятельности в социал-демократических кругах, выражающееся в восстановлении старых и создании новых партийных организаций и выпуске листовок с освещением, с точки зрения социал-демократического, настоящего момента.

Так, по имевшимся в отделении сведениям, 13 сентября в г. Твери состоялась общегородская конференция, на которой был вынесен ряд резолюций и постановлено выпустить соответствующую листовку, которую предполагалось отпечатать в гор. Москве.

Однако попытка выпустить таковую листовку не увенчалась успехом, так как 18 сентября лица, печатавшие ее (в числе трех), были арестованы во время самого печатания и дело о них было передано на распоряжение прокурору московской судебной палаты.

---

[1] Так сказано в оригинале. Повидимому тут опечатка.

Одним из арестованных оказался только накануне приехавший в Москву из Твери по поручению «городского г. Твери с.-д. Комитета», студент императорского Московского университета Александр Иванов Криницкий, привезший в Москву и указанные выше резолюции Тверской общегородской с.-д. конференции.

Полковник (подпись).

Приложение 5

Копия

Секретно

ОХРАНКА О ШАГАХ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ[1]

СПРАВКА

(по агентуре)

Эфферт Эрнст Эрнстов, крестьянин Курляндской губ., Тальсенского у., Ваненской вол.

Определенный социал-демократ — большевик.

В конце 1915 г. вошел в состав созданной в Москве с.-д. группы, присвоившей себе наименование «организационной группы по восстановлению Московского комитета РСДРП», от имени которого и выпустил к 9 января соответствующую листовку, но затем, из опасения, что таковой комитет, как самозванный, может не быть признан Московским пролетариатом, было решено именоваться «организационной группой по восстановлению Московского комитета РСДРП», от имени которой и были выпущены к 9 января гектографированные листовки, получившие незначительное распространение.

Затем этой группой, имевшей связи с рабочей средой, удалось организовать выборы по с.-д. районам членов «Московского комитета», который таким образом и был к концу февраля создан.

По создании этого комитета «организационная группа» не прекратила своего существования, а осталась как бы в качестве руководительницы и советчицы комитета, в действительности же комитет являлся слепым орудием в руках «организационной группы».

«Организационная группа», создавая комитет, решила ввести в таковой представителей от студенческих с.-д. групп, каковое решение диктовалось, с одной стороны, желанием иметь интеллигентные силы, которые бы могли играть роль пропагандистов, а с другой — желанием заполучить в свои руки имевшуюся у с.-д. группы студентов коммерческого института подпольную технику.

Ближайшей задачей «организационной группы» было выпустить от имени вновь созданного ею «Московского комитета» листовку с призывом к забастовке в знак протеста против суда над трамвайными служащими, назначенного к слушанию на 7 марта, что и было исполнено.

Однако распространения эта листовка почти не получила.

Верно:

[1] Дело № 548, 1916 г., лист 14.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРОКЛАМАЦИИ И ВОЗЗВАНИЯ

I. Письмо П. Г. Смидовича Истпарту МК ВКП(б) по поводу его доклада о войне, напечатанного в «Памятниках агитационной литературы РСДРП» (т. VI)

Доклад этот относится к 1915 г., когда фронты империалистической войны отрезали партийные организации от руководящего центра за границей, отрезали от тов. Ленина.

Перед партийными подпольными группировками по-новому встали все вопросы партийной работы во всей сложности создавшейся ситуации. И каждая из них была предоставлена самой себе.

В Москве существовала московская литературная группа, в которую входили Ольминский М. С., Ногин В. П., Скворцов-Степанов Ив. Ив., Смидович П. Г. и С. Н., Яхонтов В. И., Милютин В. П., Макс Савельев.

Московского комитета тогда не существовало. Эта группа ставила своею целью обслужить литературно районы и помочь организационно восстановлению Московского комитета.

Группа состояла из старых партийных работников, живших в то время легально, за каждым из которых в большей или меньшей степени следила охранка. Вести организационную работу по районам группа не могла.

В 1916 г. получилась связь с заграницей, оформилась платформа группы (пораженческая) и группа получила полномочия Бюро центрального комитета. В нее вошли Попов (брат Серафимовича), Яковлева В. Н., Землячка.

В 1915 г. даже в указанном составе определенной платформы еще не было. Яхонтов защищал оборонческую линию, его поддерживал Скворцов. Горячая и очень длинная дискуссия... В это время карандашом на отдельных листках была набросана пораженческая платформа, которую я защищал. С этими листками в кармане я несколько раз сделал свой доклад. Помню доклад на Пресне в Гоголевской библиотеке. Помню — в квартире провокатора Романова (где был и провокатор Поскребухин).

В интересах конспирации доклад написан сугубо отвлеченным (эзоповским) языком. Так писали во времена легального марксизма.

Нигде не названа партия, нет слова «революция». Изложено во второй половине доклада содержание дискуссии, но слов «оборонцы» и «пораженцы» нет. Первый лозунг на стр. 28 выдвигает «мобилизацию народной воли»,— надо читать: «организация революционного движения».

Второй лозунг говорит об Учредительном собрании, не называя его. Третий говорит «о шагах к прекращению войны», т. е. о революционном восстании и т. д.

Как попали листки эти в охранку, я не знаю. Быть может, это результаты бывших на моей квартире обысков. Однако ясно, что листки бумаги сохранились в разрозненном виде. Например, на стр. 23 указано начало раздела 3, а первых разделов не видно; между 21 и 22 стр. очевидный разрыв.

Насколько точно переписан «доклад» со старых листков не знаю, но по тексту видно, что переписан небрежно, много просто грамматических неправильностей.

В данном виде «доклад» был уже точно и со старой орфографией напечатан в «памятниках агитационной литературы РСДРП» (т. VI, стр. 128—143) ГИЗ, Петроград, 1923 г.

7/I 1930 г. П. Смидович.

2. Воззвание организационной группы по восстановлению МК партии[1]

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи,

11 лет тому назад, 9 января 1905 г., гремели пушки под Ляояном, Мукденом и Цусимой, когда сотни тысяч наших отцов и братьев гибли благодаря авантюре самодержавного правительства и его приспешников. Рабочие, в конец измученные нуждой и бесправием, пошли с иконами, хоругвями просить милости и искать правды у царя... Ответом на это были тысячи убитых и раненых. Эта кровь, омывшая стены дворца, открыла глаза рабочим и была сигналом к революционному движению.

Ныне 9 января 1916 г. Уже полтора года гремят пушки на западе; не тысячи, а миллионы рабочих и крестьян погибли и гибнут в угоду правительству и буржуазии, которые начали эту бойню ради своих интересов, для приобретения рынка и порабощения слабых народов и чтобы раз'единить международную солидарность трудящихся масс. Правительство и буржуазия зовут и рабочих принять участие в этом безмерном преступлении, говоря, что война эта за свободу, расстреливая нас в то же самое время в Иваново-Вознесенске, Костроме и т. д. Товарищи, день 9 января с большей яркостью показывает нам, где наши друзья и где враги. Не рабочие и крестьяне воюющих с нами стран — враги наши, а все Вильгельмы, Николаи, Эдуарды с их приспешниками и буржуазией — палачи трудящихся масс всего мира.

Товарищи московские рабочие, в этот памятный день 9 января своим дружным и мощным выступлением протеста против войны мы сильнее всего сумеем разбить иллюзии царского самодержавия и буржуазии о нашем единении с ними, нашей солидарности с их позорными и преступными замыслами. В этот день все рабочие Москвы с рабочими Петербурга и рабочими других городов об'являем однодневную забастовку протеста против войны и вместе со всеми рабочими воюющих и нейтральных стран мы бросаем громкий клич:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Довольно крови в угоду господствующих классов. Да здравствует борьба за власть народа. Долой войну, долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика. Да здравствует международное братство народов, да здравствует социализм.

Организационная группа по восстановлению Московского комитета российской социал-демократической рабочей партии.

1916 г. Январь.

Копия

3. Воззвание организационной комиссии по созданию Московского рабочего комитета[2]

Товарищи,

21 сего сентября состоялось совещание членов некоторых московских рабочих организаций.

Совещанию удалось притти к единодушному решению о необходимости скорейшего создания Московского рабочего комитета.

---

[1] Дело № 30. Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве. 1916 г.

[2] Из дел московского охранного отделения, лист 123.

Товарищи, снести напор реакции могут не разрозненные стихийные вспышки, а организованный поток революционной силы народа. События не ждут.

Необходимы об'единенные действия всех рабочих организаций.

Профессиональные союзы, больничные кассы, рабочие кооперативы и другие организации и группы должны слиться воедино для подготовки и проведения совместных общественно-политических выступлений.

Московский рабочий комитет, оставаясь беспартийным, об'единит все течения рабочей революционной мысли. В него войдут и представители политических партийных рабочих организаций, и он призван отнюдь не заменять их, а действовать «в строгом согласии с рабочим политическим движением».

Конечно, комитет поневоле должен оставаться нелегальной организацией.

Выбрать этот комитет и наметить ближайшие его задачи должно второе совещание. На это совещание каждая организация может делегировать одно лицо.

Если благоприятствуют условия, выбор делегата следует производить на общем собрании или на собрании правления, а если это сделать невозможно (например, в больничной кассе или в кооперативе), то можно послать делегата и от группы членов организации.

Чтобы рабочий комитет сразу возник как авторитетный для всех орган, необходимо, чтобы в создании его участвовало как можно больше представителей от рабочих организаций. Не будут приглашены лишь те организации или делегаты, о которых будут получены какие-либо неблагоприятные в известном смысле сведения.

Итак, просим вас, товарищи, сделать необходимый шаг по собиранию распыленных рабочих сил и, соблюдая осторожность, скорее выбрать вашего делегата на предстоящее второе совещание, а делегата просим прибыть, куда будет сообщено, не захватывая с собой ни одного компрометирующего документа, а если он должен будет сообщить что-нибудь, пусть сделает это на память.

Это наше обращение просим вас не передавать никому на сторону и немедленно его уничтожить, не храня его ни одной лишней минуты.

Может быть найдутся товарищи, которые не согласятся с решением бывшего совещания и признают самую идею создания беспартийного рабочего комитета или способы его осуществления не отвечающими интересам рабочего движения. Просим и таких товарищей не уклоняться от совещания, а своим участием в нем помочь найти надлежащий выход.

Надо же, наконец, противопоставить организованной и дисциплинированной силе враждебных нам классов не менее организованную и дисциплинированную свою силу.

Организационная комиссия по созданию Московского рабочего комитета

1916 г., январь.

4. Прокламация Московского Бюро ЦК РСДРП(б)[1]

Война открывает глаза, срывает покровы. Правительство и буржуазия выступают во всей наготе.

Отжившее свой век правительство является образцом бездарности и низости. Дворцовые интриги, захват власти проходимцами и изменниками, воровство, шпионство, предательство и провокация стали обычным делом правящей шайки.

[1] Согласно донесению провокатора под кличкой «Птицын», эта листовка была отпечатана на ротаторе и имела хождение в Московском союзе потребительских обществ в незначительном количестве (записка № 241).

Сейчас правительство стало на распутьи: боится продолжать беспощадную бойню и боится заключить мир, потому что, наконец, война поставит ребром вопрос об ответственности за нее: оно боится революции.

Буржуазия благословила на эту войну правительство. В течение целого года внушала она населению доверие к правительству и покрывало Сухомлиновых. Проповедуя войну до конца, она обогащалась на бедствии народа. Не борьбой вместе с народом против монархии, а готовностью итти с монархией против народа старалась буржуазия пролезть к власти. Теперь буржуазия видит, что она проиграла и в своем раболепии, и в своих завлекательных планах. У власти вместо Милюковых и Гучковых — Треповы и Макаровы. Вместо контрибуции — государственное банкротство. На ближнем Востоке вместо рынка для себя — рынок для германцев. Вместо завоевания Константинополя — потеря Польши. Буржуазия спешит всю ответственность за неудачную войну свалить на правительство. Она кричит: «война до полной победы», но прибавляет: «а если мы ее проиграем, то в этом будем виноваты не мы, а правительство».

Возмущение пролетариата растет: массовое революционное движение неизбежно. И правительство и буржуазия спешат отвести от себя руку пролетариата. Правительство натравляет народ на мелких торговцев, как натравляло раньше на евреев и немцев. Оно верно своей системе провокации. Старалась влить всеобщее негодование в русло призренных погромов и об'явив это негодование изменой и бессмысленным бунтом, оно хочет залить улицы кровью, выступить в роли спасителя отечества и защитника буржуазии и этим спасти себя. Буржуазия же всякое революционное движение пролетариата старается представить как провокацию со стороны правительства, пролетариат как жертву измены, а социал-демократию как соучастника в ней.

Инстинктивно чувствуя, что монархия может еще пригодиться, буржуазные партии направляют свои удары не против монархической формы, а против ее слуг: они вполне удовлетворились бы сменой министерства и оставили бы за монархией все ее теперешние безграничные права.

Те рабочие, которые идут заодно с рабочей группой военно-промышленного комитета, предлагают поддержать Государственную думу в ее беспринципной политике, они хотят создать совместное с земским и городским союзами и военно-промышленными комитетами какую-то организацию, в которой руководящая роль будет принадлежать буржуазии. Изменив делу пролетариата, они хотят подчинить его влиянию и обмануть массы фальшивым лозунгом «спасение родины».

Пойдет ли на это пролетариат? Даст ли он обмануть себя? Нет, он пойдет своим путем. Интриги, соглашения, запугивания словами — не его тактика. Подновление и подкрашивание насквозь прогнившего правительства — не его задача. Революционная борьба за демократическую республику, открывающая путь к последней борьбе — к борьбе за социализм — вот его цель.

Пролетариат будет бороться за мир, но не взывая к правительству, а сделав невозможным продолжение войны. Подымая знамя восстания против виновников войны, дело мира он берет в свои руки. Только в революционной борьбе русский пролетариат привлечет к себе сочувствие пролетариата всего мира, даст опору пролетариям как воюющих против России стран, так и воюющих в союзе с ней, в их агитации против своих правительств. Совместной борьбой на месте старого буржуазного мира пролетариат создаст мир, в котором не будет места никаким войнам. Достигнет он этого, воплотив в жизнь великий лозунг:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Бюро ЦК РСДРП.

Москва, ноябрь 1916 г.

5. Прокламация по поводу погрома немцев в Москве[1]

Прибавилось новое звено к длинной цепи инородческих погромов. Два дня под ряд Москва неистовствовала. Самые разнообразные слои общества громили, грабили, поджигали, насиловали, убивали... В подробно составленных списках избиваемых, в вожаках толпы — охранниках, в бездействии полиции везде была видна рука правительства. Нам не чужда эта политика. К ней правительство прибегает всегда, как только волны народного негодования хлещут ей в лицо: нужно отвлечь внимание народа от настоящих причин ее бедствий и направить на нее меченный удар в сторону, к избиению мнимых врагов из других народностей. Полное экономическое и политическое угнетение и бесправие привели народные массы в самое бедственное положение. Постоянно возрастающая дороговизна, безработица, массовые высылки всех здравомыслящих и истинно любящих свою родину людей, закрытие обществ, запрет собраний и свободного устного и печатного слов, суд над депутатами, воровство, измены и неудачи на поле брани так взволновали народные массы, что волна негодования угрожала хлынуть на виновника этих бедствий. И вот пока массы шли еще ощупью, отыскивая виновника, правительство сочло нужным отвлечь народное внимание от себя и ввело народное негодование в русло низменных инстинктов — к избиению мирного немецкого населения, пользуясь появлением холеры на заводе Прохорова, которое темными массами было принято и администрацией поддержано за отравление питьевой воды немцами. Русскими купцами и промышленниками поддержанная, которым как раз было на руку удаление конкурентов, чтобы повышать цены и жизненные продукты при благосклонном молчании городского самоуправления, оно достигло своего. Но мы, сознательный пролетариат, не можем обойти молчанием последнего почина царских прислужников и заявляем свой протест против всякого рода направлений одних народностей против других. Не в разгроме Эйнема и Циндлера спасение. На месте них вырастут Кузнецовы и Филипповы. Для пролетариата все равно, кто эксплоатирует его—немец, англичанин или русский. В одинаковой мере тяжела вся предпринимательская кабала, весь капиталистический строй. Итак, борьбу не с отдельными народностями, а с капиталистами, не с немецким населением, а с реакционным правлением.

Долой царскую монархию!
Долой предпринимательскую кабалу.
Да здравствует демократическая республика.
Да здравствует свободный труд.
Да здравствует братство народов.

Московская группа СДРП.

6. Прокламация МК РСДРП от 23 февраля 1917 г.[2]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи-работницы!

Третий год продолжается невиданная еще по своей жестокости война. Ведется она за интерес капиталистов разных стран. Капиталисты борются за господство над миром.

---

[1] Прокламация получена из Московского областного архивного бюро. Заголовка не имеет.

[2] Московское охранное отделение, д. № 30, 1917 г. л. 16.

В погоне за властью и наживой правительства, исполняя волю капиталистов, вынуждают миллионы рабочих и крестьян итти в бой и закрепляют остальных по фабрикам и заводам. Раньше они выматывали из рабочих все силы, теперь они точат кровь рабочих.

Товарищи-работницы, ваши дети, мужья и братья гибнут на фронте; вы остались в тылу, но для вас и для семьи вашей нет ни хлеба, ни дров. С каждым часом все больше погибших, все сильнее страдания.

Всею своею тяжестью легла война на плечи рабочего класса. Но тяжелее всего вам, работницы. Вы заместили на фабриках и заводах своих мужей и братьев, но за вашу работу вам дают в два, в три раза меньше. Вы не можете одеть и накормить ваших детей.

Когда же конец всем ужасам войны? Конец войне положит только сам народ. Когда всею своею массой поднимется рабочий класс, ниспровергнет царское правительство и народ возьмет власть в свои руки, тогда наступит мир, такой мир, какой нужен народу — без новых цепей, без новых налогов. Только такой мир принесет свободу народу.

Довольно молчать; нельзя больше терпеть.

Рабочие всех стран снова об'единяются для борьбы за мир и свободу. Русские рабочие снова строят свою Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Товарищи-работницы! Помогайте рабочему делу, примыкайте к общей борьбе, организуйтесь в рядах своей партии, несите всюду наш призыв.

23 февраля ваш день, товарищи-работницы.

Так постановил три года назад с'езд работниц всех стран. И каждый год в этот день к вам наше слово, работницы.

В первый же год войны, сознательные работницы всех воюющих стран на международном совещании протянули друг другу руки для борьбы против войны. Сегодня мы повторяем их призыв. Сегодня во всех странах сознательные рабочие повторяют их призыв во имя международного братства рабочих. Уже близок час борьбы за мир и свободу. И когда наступит тот час, вы, товарищи-работницы, примите участие в борьбе под красным знаменем социализма.

Долой войну. Долой царское правительство.

Да здравствует демократическая республика.

Да здравствует международный Союз рабочих.

Московский комитет РСДРП.

Москва, 23 февраля 1917 г.

7. Прокламация «Товарищи рабочие» [1]

Товарищи рабочие! Вот уже семь месяцев, как началась страшная кровопролитная война. Вот уже семь месяцев, как льется широкой рекой неповинная человеческая кровь. Зачем? Для чего? И кому нужно это? Неужели крестьяне и рабочие почти всей Европы желали войны? Неужели германский народ, разбив Россию, обретет себе благоденствие?

Нет, не было этого и не будет. Народы стран от войн только беднеют, отдавая все свои гроши путем прямых и косвенных налогов на ведение войны. Хотя вся существующая культурная печать и старается наперебой кричать о том, что война эта «священна», что нужно сломить милитаризм Германии и тем обеспечить мир; что война эта последняя и что для победы врага нужно соединиться всем классам общества. Но для кого эта война священна? — Для капиталистов, которые во главе с коронованной шайкой выслали умирать миллионы людей, для завоевания рынка, обеспечивающего им сбыт их товаров! Для чего нужно сло-

[1] Получена из Московского областного архива. Напечатана на гектографе. Заголовка и более подробной подписи не имеет.

мить милитаризм Германии? — Для того, чтобы не было конкурента на внутреннем и внешнем рынках. Для развития отечественной промышленности. Но промышленность разовьется и тогда, когда уничтожат высокие таможенные ставки, заставляя этим наших капиталистов-промышленников конкурировать с заграничными, улучшать технику производства. От открытия таможен для свободной торговли пострадают капиталисты, прибыль которых на некоторое время с неимоверно громадных размеров должна будет упасть до уровня прибыли европейских капиталистов. Но капиталистам жалко этого. Для них пусть лучше погибнут сотни тысяч молодых человеческих жизней. Но наша пролетарская точка зрения должна быть обратная. Мы должны стремиться к развитию промышленности не путем кровавой братоубийственной войны, а уничтожением таможенных ставок, т. е. сознательно массовым выступлением с кличем «Долой таможенные сборы». Вот каковы капиталисты и продажное наше правительство. Им лучше — ты умри, лишь бы была для них польза от этого. И теперь они вместе со своими прихлебателями и борзописцами всех рангов завопили о соединении различных классов общества для отражения общего врага. И для этого они закрыли рабочую газету, схватили и осудили наших рабочих представителей — членов Государственной думы, обвиняя их в том, что они изменили служению на благо общества. Нет! Мы рабочие ясно должны понимать, для чего это сделано. Для того, чтобы ни один луч правды не мог проникнуть в среду пролетариата. Что же нам делать? Ответ ясен, товарищи! Для того, чтобы не попиралось все то, что добыто потом и кровью трудящихся масс России, для того, чтобы не могло так легко правительство с буржуазией распорядиться жизнью и смертью многих сотен тысяч рабочих, нам нужно организоваться! Нам нужно тесней сомкнуть свои ряды. Итак, товарищи, в старую нашу нелегальную испытанную РСДР партию с ее старыми лозунгами.

«Долой царскую монархию!»
«Да здравствует вторая революция в России!»
«Да здравствует С. Д. Республика!»
«Да здравствует восьмичасовой рабочий день!»
«Да здравствует конфискация помещичьих земель!»
«Да здравствует мир заключенный самим народом!»

Р. С. Д. Р. П.

8. Прокламация «I мая»[1]

Копия

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Первое мая — праздник труда — в этом году выпало при исключительно тяжелых обстоятельствах. Международный пролетариат вопреки своему желанию вовлечен в кровавую резню, устроенную правящей буржуазией. Тяжелое положение российского пролетариата стало еще безотраднее. Его ряды во время войны поредели, тысячи безработных выброшены на улицу и вместе с семействами запасных предоставлены голодной смерти.

В эту трудную минуту в всеобщий праздник международного пролетариата мы громче прежнего должны провозгласить свои старые, но вечно новые лозунги. Пусть услышит их зарвавшаяся буржуазия. Пусть

[1] Получена из Московского областного архивного бюро, из дел канцелярии губернатора. Подписи организации, выпустившей прокламацию, нет.

узнает, что российский пролетариат не изменил, а остался верен своей старой борьбе своим старым принципам и лозунгам. Пусть узнает царская монархия, что в лице пролетариата она встретит только своего заклятого врага, что его рука не поднимается для поддержания и укрепления царских устоев.

Довольно братской крови.
Долой войну. Долой царскую монархию.
Да здравствует первое мая.
Да здравствует восьмичасовой рабочий день.
Да здравствует демократическая республика.

Вып. 10.000 экз.

9. Прокламация «Товарищи» [1]

Копия с копии

Братья, мы дольше не можем молчать.
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

Товарищи!

Мировая катастрофа послужит для всех слоев населения России могучим толчком к определению своих позиций в современном капиталистическом строе. Не избежит этого и русская «интеллигенция», но ее самоопределение должно стать в то же время самоуправлением. Если прежде, благодаря экономической отсталости страны, «интеллигенция» могла считать себя какой-то носительницей исторического разума, стоящей выше классовых интересов, то теперь эта иллюзия невозможна. Образование, которое отличалось от других сословий и давало ей возможность смотреть на них сверху вниз, стало таким же товаром, как и всякая другая рабочая сила. Образованный человек не может пользоваться образованием для удовлетворения своих собственных потребностей, так как у него нет необходимых для этого орудий научного труда. Он вынужден, как и всякий другой рабочий, продавать свою рабочую силу — знание — капиталистам. Он идет на фабрики, заводы, в буржуазную прессу и не может уже тешить себя сознанием своей научной независимости, ибо во всех его действиях слишком ясно проглядывает направляющая рука капиталиста. С ходом экономического прогресса существование «интеллигенции» как независимого целого становится мифом. С развитием классовых противоречий она распадается и большая часть попадает в ряды пролетариата. И как последний, интеллигенция знает уже все прелести безработицы, экономические кризисы отражаются на ней также, как и вообще на пролетариатах. Товарищи, мы не сегодня, так завтра, по выходе из школы, а некоторые и раньше, станем пролетариями. Будем же настолько смелы, чтобы открыто признать эту истину. Созидаем, что надежда избежать этой участи так же могла, как надежда на стотысячный выигрыш в злободневной благотворительной лотерее. Мы должны отказаться от всяких иллюзий, должны бросить подчеркивание своей «интеллигентности», так как она только затушевывает классовые противоречия. Термин интеллигентный пролетариат как бы говорит, что между интеллигентным капиталистом и его интеллигентным работником больше общего, чем между последним и всяким другим рабочим того же капита-

[1] Прокламация получена из Московского областного архивного бюро. Печатаем с сохранением имеющихся в тексте ошибок. Возможно, что они сделаны при перепечатке на машинке в канцелярии губернатора.

листа. Но разве это так. Ведь тот и другой для капиталиста являются прежде всего об'ектом эксплоатации.

Что же может быть общего между эксплоататором и эксплоатируемым. Они смертельные враги. Противоречие между капиталистом и пролетарием исчезнет лишь с упразднением первого. Мы отбросим кличку «интеллигентный пролетариат», которую нам сострадательно бросают буржуазные идеологи. Мы должны стать пролетарской интеллигенцией, противопоставив себя буржуазной интеллигенции, интеллигенции апологетам капитала и порывая всякую связь с буржуазией, мы как представители пролетариата, как выразителем его классового самосознания должны заявить, что не можем поддерживать империалистическую политику правительств, отказываемся от какого бы то ни было единения... но продолжаем вести непримиримую войну с русским самодержавием, как крупнейшим препятствием развития классового самосознания русского пролетариата. Да здравствует пролетариат. Да здравствует Социал-демократия. Группа соц.-дем. Москвы.

С подлинным верно:
Управляющий канцелярией московского губернатора (подпись).
Копия верна.

10. Прокламация «Товарищи рабочие и солдаты» [1]

Копия с копии

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие и солдаты!

Братоубийственная война все разрастается да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и трудоспособного принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Льются слезы вдов, сирот, отцов и матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царит повсюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных перворатников и новобранцев 15 и 16 год, которых погнали в первую очередь и уже уложили на поле брани. Оно забирает туда же на убой еще не окрепших 18-летних юношей, а за ними погонят ратников 2-го разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это? За что пролито это море народной крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу — борьбу классовую, лишь одного врага — «буржуазию». Так кому же нужна была война? Буржуазии. Эта война — борьба буржуазии одного государства за господство над другими, за преобладание на мировом рынке. И вот, пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии, сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоит на страже интересов той же буржуазии и расправляется с внутренним врагом, сознательным пролетариатом. Сибирская тундра и тюрьма переполнены. Туда загнали представителей народа, туда же все еще тянутся гремя кандалами бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос, так что же нам делать? Послушаться ли призыва правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну верными слугами царизма? Нет, товарищи. С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами. Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против инородческих товарищей по несчастью. Надо смести всех палачей, от

[1] Получена из Московского областного архивного бюро.

царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем (не пойдем) по приказу настоящего врага правительства, превратим эту братоубийственную рознь в гражданскую войну, революцию. Рабочие и солдаты, умрите лучше на баррикадах за постоянный мир и свободу.

Да здравствует демократическая республика.

Богородский комитет РСДРП.

II. Прокламация «Товарищи рабочие»[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие!

В ваших харчевых лавках повышены расценки на самые необходимые продукты. Мука с пуда вздорожала на 26 коп., крупа на 14 коп., и так далее. Эти набавленные пятаки и гривенники вам нужно вынуть или из своего кармана или умереть с голоду. Без хлеба не проживешь. И дорогие цены на него всегда были бедствием для рабочего люда. С этим бедствием необходимо бороться! А для этого, чтобы знать, как с ним бороться, надо, товарищи, надо понять, от каких причин это бедствие происходит. Какие же причины повышения цен? Среди вас, например, ходят слухи, что причиной этому социал-демократия. Они-де мол подстрекают крестьян, а крестьяне жгут хлеб, поэтому, его мало, и цены на него поднимаются. Товарищи рабочие! Если вы поверите этим слухам, вы никогда не узнаете правды. Социал-демократы не зовут и не звали крестьян жечь хлеб, а если в некоторых губерниях крестьяне и жгли его по целым скирдам, то не по вине социал-демократов, а по вине русского самодержавного правительства, которое довело крестьян до отчаяния, по вине того самого правительства, благодаря которому и цены на хлеб повышаются и голодуху терпят миллионы людей. Товарищи рабочие, который год в России неурожай. Что же делает царское правительство, чтобы облегчить участь крестьян, оставшихся без хлеба? Оно обирает их выкупными платежами, податями и всякими налогами.

Товарищи! Скупщики хлеба, богатые помещики для своих барышей отправляют русский хлеб в громадном количестве за границу, они заставляют, таким образом, рабочие массы покупать его в России по дорогой цене, что же здесь делает правительство в помощь народу? Оно заботится только о выгоде богатых; оно берет самые малые пошлины за провоз русского зерна за границу.

Когда фабрикант-хозяин тянет из рабочих жилы непосильным трудом и нищенской платой, и рабочие встают на борьбу с ним, когда крестьяне изголодавшиеся и ограбленные поборами помещиков и правительства в порыве отчаяния громят усадьбы и отбирают хлеб — что делает тогда, товарищи рабочие, самодержавное правительство? Оно шлет на защиту хозяев и помещиков войска и пушки. Оно вознаграждает богачей за убытки, а войска за отличие! Вознаграждает народными же деньгами. А когда после японской войны народный карман, и без того дырявый, окончательно опустошился, это самое царское правительство продолжает занимать миллионы за границей. На заграничном рынке видят, как истощена Россия, как беден разоренный народ,

[1] Получена из Московского областного архивного бюро. Подлинник напечатан на гектографе.

и наш рубль принимают там гораздо ниже его стоимости. Многие русские капиталисты уже прогорели на этом, а многие тысячи русских рабочих и крестьян продолжают вести голодное существование. Но зато теперь они борятся с хищным правительством, зато теперь они близки к лучшей свободной жизни, какую они себе скоро завоюют. Товарищи рабочие! Помните, что из всех несчастий, из всех бед вашего положения есть один только правильный выход. Это борьба с ненавистным и старым вашим врагом — царским правительством. Эту борьбу рабочий класс ведет давно в рядах своей партии. Под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии он объединяется для окончательной победы над самодержавием, под этим же знаменем он ведет борьбу с другим своим врагом — капиталистом. Примыкайте, соединяйтесь в эту партию, товарищи рабочие. Теперь, когда повысились цены на необходимые продукты, она напоминает вам о главном виновнике этого нового бремени для вас, она зовет вас бороться с царским правительством, она же призывает вас еще, кроме этого, дружно сплотиться как один человек и потребовать от хозяев повышения платы. Уменьшить цены на хлеб хозяева не смогут, все цены поднялись на рынке, благодаря разорению нашей родины, и мы уж знаем, кому мы этим обязаны. Но если дружно, все вместе вы потребуете у хозяев повышения платы и если вы будете готовы на борьбу за это требование,— вы победите.

Да здравствует борьба!

Долой самодержавие!

Орехово-павловский районный комитет.

12. Прокламация Ореховозуевской организации [1]

Копия с копии

Товарищи!

Русский пролетариат никогда не может итти рука об руку с правительством, не может заключать с ним никаких перемирий; наоборот, своей неотложной задачей он считает — вести с ним самую непримиримую борьбу, и очередным лозунгом для него являются свержение монархии и созыв Учредительного собрания. Товарищи! Мы должны использовать войну эту в интересах завоевания свободы, в противном же случае мы собственными руками выроем себе могилу, еще сильней придавит нас гнет ненавистного ига. Пролетарии всех стран и народов усиленно должны готовиться к прекращению этой братоубийственной войны, превратить ее в революционное восстание народов против общих угнетателей и положить конец всем ужасам буржуазного строя, учредив демократические Соединенные штаты Европы.

Центральный комитет РСДРП.

Просьба не рвать, а передавать дальше.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Заслушав доклад по суду над депутатами и ответ ЦК РСДРП Э. Э. Вандервельду, орехово-зуевская организация РСДРП находит приговор над депутатами актом величайшего позора и насилия и, вполне соглашаясь с мнением ЦК, приложит все свои усилия, исполняя долг международной солидарности, приготовить рабочих своего района к борьбе за дореволюционные [2] лозунги социализма.

---

[1] Получена из Московского областного архивного бюро.

[2] Повидимому, опечатка; имеются в виду довоенные лозунги социализма. **Редакция**

В этих делах мы будем вести неустанную пропаганду социальной революции как среди всей массы рабочих и особенно среди тех товарищей, которые идут на войну.

Долой войну, да здравствует мир, долой тиранов, да здравствует международный социализм.

Орехово-зуевская организация РСДРП.

С подлинным верно.

Секретарь богородского полицейского управления (подпись).

Копия верна.

13. Прокламация «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[1]

Копия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие! Великая борьба между трудом и капиталом все обостряется.

Общество заводчиков и фабрикантов у нас в России, совместно с русским правительством, решило стереть с лица земли все рабочие организации и союзы, особенно в настоящее время надвигаются грозные события, в которых мы рабочие не должны остаться посторонними зрителями, а должны принять самое деятельное участие. Товарищи, в день 1 мая, мы должны явить всему миру свою могучую силу. В этот день мы должны кончить работу все, как один человек. В этот день рабочие всех стран об'единяются и идут вместе к светлым идеалам, начертанным на славном пролетарском знамени.

Да здравствует революция.

Копия верна.

Исправник (подпись).

---

[1] Получена из Московского областного архивного бюро из дел канцелярии б. московского губернатора. Подписи на прокламации нет.

73
33
186